

ЗРИТЕЛЬ

ежемѣсячное изданіе

1792 года.

ЧАСТЬ II.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.

от типографіи И. Крылова съ товарищи.

Дашкинъ

ОДОБРЕНИЕ.

Напечаташъ позволено отъ Управы благочинія
Мая 16 дня 1792го года. Коллежскій Совѣт-
никъ и оправляющій должностъ Санкпіешер-
бургскаго Полицеймейстера

Андрей Жандри.

A large, handwritten signature in dark ink, appearing to read "Андрей Жандри". It is written in a cursive, flowing script with some stylized elements, particularly a large, ornate letter "A" at the beginning.

Мѣсяцъ Май.

ОДА

на миръ Россіи съ Портою,

заключенный Декабря 29го дня

1791го года.

*

*

Откуда гласъ, колебля своды
Седми лазоревыхъ небесъ,
Сзываешь Россіе народы
Великость новыхъ зреши чудесъ!
Сѣдые юныхъ упреждающъ,
Просиранны спогны не вмѣщающъ
Различна пола ихъ и лѣшъ!
Не супоспашыль горды пали,
Что нашъ покой смущишъ жадали;
Иль Богъ намъ новъ дашъ завѣшъ?

* * *

Отъ южныхъ спранъ, гдѣ тучи сѣрны
 Мрачили синій горизонть;
 Гдѣ громы въ холмахъ заключенны,
 Трясли землѣ, спрашили понтъ;
 Гдѣ ядъ сели пряныхъ пумановъ,
 Язвилъ спропшивыхъ Оппомановъ,
 И лунные скрывалъ рога;
 Просперлась свѣтлосинь въ край полночный,
 Явился мира энакъ искложный,
 Лучеобразная дуга.

* * *

Небесной славою одѣшпый,
 Имѣяй маслину въ рукахъ,
 Съ одежды сыплющъ многи свѣты,
 Отъемляй Ангелъ взоромъ страхъ,
 Вѣщаещъ на дугѣ споящій:
 „Упѣшь Россія духъ спенящій,
 „И радость вмѣспю слезъ прими :
 „Твой врагъ! коварствомъ ополчсній,
 „Въ пучинѣ черной погребенный,
 „Возстать спыдится предъ людьми.

* * *

„Взирай на сіе, спарайся
 „Съ сосьдьми дружбу сохраняшь;
 „Союзомъ съ правдой обручайся,
 „Въ ней впредь, какъ нынѣ, тщись стоять.
 „И вѣчный обладашель мира,
 „Дыханьсмъ сладкаго Зефира
 „Живитъ предѣлъ швой до конца;
 „Не мспишильна го въ немъ ты Бога,
 „Ни судію увидиши строга,
 „Благаго узриши отца.

* * *

Скончалъ, . . и блескъ его сокрылся, . .
 Живитъ Россійскій бодростъ духъ;
 Стократно славой обновился
 Гражданинъ, воинъ и пастухъ;
 Его чпушъ мирные сосьды;
 Трепещущъ, вспомянувъ побѣды
 Враги, явишъ къ нему презоръ.
 Во всемъ блаженство наше ясно,
 Рушенья зришся непричастно,
 Верхи какъ неприспунныхъ горъ.

*

*

*

Но что? — оправдай храбрость воевъ,
 Иль крѣпость мощной ихъ руки,
 Собравшей лавры многихъ боевъ,
 Покой возспавила такій?

Нѣтъ. — то любовь ЕКАТЕРИНЫ,
 Повергнуть въ бездну исполины
 Усердїе вложила въ нихъ,
 Сломать оружія ихъ рабыны,
 Мечи и копія булашны,
 Разсѣять горды мысли ихъ.

*

*

*

Монархиня сидя на Тронѣ,
 Труды для подданныхъ несешь,
 Законы пишешь къ оборонѣ
 Опѣ варварскихъ изъ виѣ навѣтъ,
 И внушаешь чѣшины вселяющъ.
 ЕЯ Корону окружающъ:
 Премудрость, кроюсь, правота,
 Въ Порfirѣ милость обитаетъ,
 Полсвѣща Скипетръ управляетъ,
 Держава праведна, свята.

* * *

Какой же изувѣръ помыслишъ
 Возсташь противъ такихъ доброшъ,
 Коль Россій воинъ славой числишъ,
 На смерть за оны дашь живошъ !
 Познала Порта шо собою,
 Какъ нашей мстящею рукою
 Смирившись нынъ въ тоскѣ лежишъ ;
 Опчаянѣе се терзаешъ,
 Что часъ владычества теряешъ,
 Богаистива коя намъ сулишъ.

* * *

Послышавъ подвигъ музульманскій
 Россійски вои, презря спрахъ,
 Сиѣшашъ на межи Агарянски,
 Отъ коней всходишъ къ небу прахъ ;
 Уже приближились, сразились,
 Горящи бомбы покапились
 Среди Селимовыхъ полковъ ;
 Проопранны села огнь сжигаешъ ;
 Земля Героевъ поглощаешъ ;
 И многи понушъ средь валовъ.

* * *

Какъ солнечны луки проходятъ
 Сквозь прозрачные тѣла,
 Ни гдѣ препятсвия не находятъ,
 Ни въ сильной полости спекла;
 Но лишь къ мѣшаллу приразяется,
 Назадъ съ спремленьемъ покатяется,
 Оставивъ прежнія пушки,
 Разсыпавшись ослабывають,
 Ихъ жаръ, сіянье, ошавляютъ,
 Не можно ихъ слѣда найти.

* * *

Подобно Турски легионы,
 Разжинны буйносью вождей,
 Текли на Россовъ безъ препоны
 Шумящимъ моремъ и землей;
 Но только къ мужесшу коснулись,
 Желѣзны ноги подогнулись,
 Падешъ несмѣши сила ихъ,
 Оспавшись, чрезъ трупны споги
 Бѣгутъ въ невѣдомы дороги,
 Разсѣялись въ спѣняхъ пустыхъ.

* * *

И се, во мрачность облеченный
Селимъ склонивъ главу на длань
Сидишъ, . . и взоръ тоской спѣсненный
Чрезъ понть на спящу мещешъ брань;
Очаковъ видишъ подъ Орлами,
Росиша хладными слезами;
И вмѣсто чтобъ Россіи мспишъ,
Лишаешъ жершвы Магомета;
Юсуфа въ Кипарисъ одѣша,
Не хочеть лаврами почшишъ.

* * *

Такіе слѣдства провождаюшъ
Косую зависть навсегда;
Ея зѣницы не вкушаюшъ
И вѣ ночь спокойствія плода;
На все взираешъ съ вожделѣньемъ;
И не успѣвъ насильства рвенѣмъ,
Съ досады чувства погубя,
Лежишъ вѣ отчаянья сугубомъ,
Своимъ себя терзаешъ зубомъ,
Вѣ ничтожность приводя себя.

О! коль Россія ты блаженна,
 Неправды будучи чужда ;
 Ни что передъ тобой вселена,
 Твоя одно спокойство мѣда ;
 Довольная своимъ удѣломъ,
 Цвѣтешь, красиша въ свѣтѣ цѣломъ ;
 Не ищешь для сребра побѣдъ ;
 Едины дерзости пропивныхъ,
 Твоихъ подвигнутъ къ брани сильныхъ,
 Могущій оправилиши вредъ.

Ликуй прославленная нынѣ
 Во всѣхъ державствіяхъ земныхъ ;
 Ты въ неродящей зришь пустынѣ
 Плоды къ пишанью чадъ своихъ.
 Пшеницей нивы угоженны ;
 Луга цвѣтами испещренны,
 Красы довольства кажутъ видъ.
 Въ поляхъ, гдѣ тьмой серповъ смертельныхъ
 Скоцовъ пожата пища сельныхъ,
 Земля оливы тамъ родитъ.

* * *

Царица разумы вселая,
 Въ возлюбленныхъ сыновъ швоихъ,
 Изъ дальня призываешъ края
 Ученыхъ музъ, ошъ странъ чужихъ,
 Въ шебъ престолъ имъ созидаешъ,
 Во грады, въ села посылаешъ,
 Наукой юношей пишашъ;
 Цвѣтущимъ снала ты Парнасомъ;
 Воспой веселымъ нынѣ гласомъ
 Свою владычицу и Машъ.

* * *

Ея божественнымъ величествомъ,
 Разрушенъ пагубный совѣтъ
 Сосѣдовъ, что съ неразсужденьемъ
 Въ войнѣ своихъ искали бѣдъ;
 Имѣя сердце зараженно
 Корыстью, злобой распаленно,
 Какой увидѣли успѣхъ?
 Лишь смерти всякъ себѣ содѣтель;
 Взяла едина добродѣтель
 Надъ всѣми суевами верхъ.

*

*

*

Воззри теперь спокойнымъ окомъ
На край, гдѣ протяженъ Кавказъ,
Внутри сея горы глубокомъ,
Куда не досягаетъ глазъ,
Въ жилищъ свѣта непричастномъ,
Мечтаний полномъ и ужасномъ,
Гдѣ хладъ имѣетъ вѣчный дворъ,
Вратами мѣдными затворенъ,
Опчаянія зришся полонъ
Томимый муками *Раздоръ.*

*

*

*

Чудовище сїс презрѣнио
Ярсь, звучащу цепь грызетъ,
О выѣ коимъ обложенно;
Изъ рща кровава иѣна бьетъ,
Пружаеши, и движешъ своды,
Являя спрахъ лицу природы;
Но рокъ его запечатлѣнъ;
Смирившися долженъ дерзновенной,
Да царствуетъ въ концахъ вселенной
Миръ безъ мяшежной, совершенъ.

* * *

Гласи въ концы земные Слава
Паденье оныхъ городовъ,
Въ которыхъ Росская держава
До селъ зреяла лишь враговъ :
Уже взяты Хопинъ, Бендеры,
Опперзла Россамъ Тулча двери,
Измаилъ гибнешъ въ сѣрной мглѣ,
Очаковъ палъ, Паланка пала,
Исачки красома увяла,
Анапы и Суджукъ - Кале.

* * *

Да пойдешь слухъ сей въ вѣчны роды :
Что Россы сушь всѣмъ нынѣ спрахъ ;
Да царствуешь на многи годы
Царица, какъ и въ нашихъ днихъ !
Пускай дѣла ЕЯ велики
Прославяшъ чуждыс языки,
Плещя побѣдный ЕЙ вѣнецъ !
Да и Петровыхъ дѣлъ начало,
Что столь въ дни наши просіяло,
Пребудешь шако до конецъ.

Василій Свистуновскій.

Овидиевы хъ печалей.

Книга I. Елегія 8.

Овидій жалується, что простые люди
послѣдующъ щаслию и въ благополучїи
такмо присудствующъ друзьямъ, а въ не-
щаслии осуждающъ ихъ, почему и даетъ
знань исишавъ собственнымъ примѣромъ
своимъ, что прежде, нежели Августъ уда-
лилъ его, много имѣлъ онъ друзей, а какъ
только падъ въ бѣдствїе, ни кого не было,
кѣобъ постыдилъ его, хотя по скромности
Кесаря многіе шо оказашъ могли, попому,
что и самъ Кесарь не нелюбилъ его, хотя
за непріятеля своего считалъ.

Благоволѧшъ тебѣ, читашель мой, всегда
Жизнь Боги провождашъ безъ всякаго вреда,
И естлибъ сей мольбой, хотя къ тебѣ
склонились

На милость, коль прошивъ меня ожесто-
чились.

Друзьями будешь ты, при щастъ окру-
женъ;

А въ мрачны времена, отъ оныхъ же заб-
венъ.

Ты видишъ голубей по кровлямъ покмо чи-
спымъ,

Опъ грязныхъ напропивъ всѣ птицы прочь
лѣшишъ;

И муравьи къ клѣщамъ ползушъли не зер-
ниспымъ:

Тожъ о потерянномъ богатствѣ люди
мняшъ.

При солнечныхъ лучахъ тѣнь бѣгаешь за
нами,

Но кроется тошъ часъ, коль Фебъ за об-
лаками:

Такъ блѣску слѣдуешь Фортуны и народъ,
Едва увидишъ мракъ, спѣшишъ опъ иено-
годъ.

Желалъ бы, чтобъ сїе шебѣ казалось лож-
нымъ;

Но на меня смотря лѣзяль не признать
возможнымъ.

При всѣхъ собраніяхъ пока я счастливъ
былъ,

Тѣснившихся друзей когда не угостилъ.

Поспигла лишь напасть, всѣ начали чуж-
даться,

Всѣ спали моего паденія боясься.

Не дивно чио страшишъ громовои всѣхъ
 ударъ
 Отъ коего огней случается пожаръ.
 Но Кесарь самъ меня хоть не другомъ счи-
 таешъ,
 Однако и любви признаковъ не скрываетъ.
 Не гнѣваешься онъ, по милости своей
 На поспоянство зря состраужущихъ дру-
 зей.
 Ореста, говоряшъ, узнавши несомнѣнно
 Тоасъ, Пилада самъ за вѣрность много
 чтилъ;
 А Гекторъ бывши врагъ хвалилъ обыкно-
 венно
 Патрокла, преданъ кой Ахиллу сполько
 былъ.
 И о Тезеѣ, что вкусиль со другомъ смерть
 Обидимый Плужонъ не могъ не сожалѣть.
 Ты дружбы же примѣръ, Туръ, видя про-
 слезился
 Какъ о Евріалѣ и Нисѣ извѣстился.
 Доспойнъ вообще хвалы поступокъ сей,
 И въ недругахъ цѣны не прашитъ онъ
 своей.
 Но сколь слова сїи ни ясно выражаютъ,

На милость же ко мнъ не многихъ преклоняюшъ.

Дѣла мои теперъ толь бѣдственno текушъ,
Что слезы изъ очей насильственno влекущъ.

И духъ мой для сего печалю изнуренный,
Единымъ щасиемъ твоимъ сталъ восхищенный.

Прѣяшель! я уже давно предусмотрѣлъ,
Что и тогда бѣ сѣ могло съ тобой случиться,

Когда б я учаши споль горькой не терпѣлъ,

Ниже слухъ о тебѣ толь громкой могъ носишься.

За добру жизнь или за нравы чутъ кого,
То паче всѣхъ, мой другъ, доспоинъ шы
шого;

И колъ возвысили науки благородны
Кого либо, то кѣбъ успѣшный защищашъ
Въ судебныхъ могъ дѣлахъ чрезъ знанія
свободны.

Симъ тронушъ будучи дерзнулъ тебѣ сказать:

Способностямъ твоимъ въ слѣдъ слава пошечашъ.

Я узнаю сїе не зря птицъ на полетѣ,
 Ниже на внутренность животныхъ пола-
 гаясь,
 Ниже на голосъ птицъ вѣщующихъ ссы-
 ляясь;
 А по однимъ простымъ сужденьямъ отга-
 далъ.
 Симъ способомъ швои я качества узналъ;
 И поколику вѣ шомъ никакъ не погрѣшаю,
 То купно и себя всемъ сердцемъ поздра-
 вляю,
 Что друга моего шаланій не сокровенъ;
 А мой . . . О естълибъ онъ во шмъ быль
 погребенъ,
 И Эхобы совсѣмъ наукъ моихъ пропало.
 Сколь выгоды тебѣ вишайство даровало,
 Споль послужило мнѣ прошивно ко вреду;
 Но ты извѣстенъ самъ, какъ я всю жизнь
 веду;
 И отвѣщающъ ли мои ей сочиненья.
 Я бывши юношой сшихи сїи писалъ
 И правда не имѣлъ отъ важныхъ одобренья,
 Да шутки за порокъ едвали кто считалъ.
 Но какъ я думаю, нѣшъ средсива запи-
 шишъ
 Погрѣшиоспѣй моихъ, ниже ихъ извинишъ;

Сколь можешь не оспавъ гонимаго въ заб-
веньи

Какъ началъ хорошо, пѣкись о продолженьи.

Перевелъ съ Латинскаго
Андрей Терлеевъ.

Господа почтенные издашели зришеля !

Вы, которые обьявили себя открытыми
непріятелиами пороковъ; которые вопреки
Еразма Роттердамскаго, сочиненіями своими
сославляеше не похвалу, но крищику ду-
рачесива; — вы, которые высавляеше на
позорище посмѣянія *Вертужкиныхъ*; какъ
могли вы забыть про *Вертужки*, новое ме-
ханическое орудіе, изобрѣщенное Француз-
скимъ осиротѣемъ для изображенія сим-
вала цѣлаго ихъ Государства? — Въ иныхъ
мѣстахъ, (ужъ вѣрно не въ Петербургѣ и
Москвѣ,) гдѣ не знающѣ еще сего полезнаго
произведенія увѣничевающаго рѣдкія творе-
нія вѣка Людвика XVIго, то есть, въ на-
шихъ отдаленныхъ намѣстничесвахъ, по-

думающъ можешъ быть, чио такое орудіе послужишъ къ открытию новыхъ знаний въ механикѣ, къ распространенію торговли, къ облегченію тягостныхъ трудовъ человѣческихъ, или вообще какимъ либо выгодамъ общества . . . нѣтъ; — оно выдумано для того, чтобы убивая скучное время, отъ праздности дѣлать чио нибудь ничего не дѣляя. — Вотъ прекрасное противорѣчіе! — скажетъ какой нибудь силлогизмопворицель *in barbago*. — Но несмотря на предвидущіе и послѣдующіе, на причины и дѣйствія, противорѣчіе такое загадится въ его умственныхъ и физическихъ глазахъ, когда онъ увидитъ слово въ слово, что можно дѣлать чио нибудь ничего не дѣляя. — Ему спопѣшь только посѣшишь, когда впуснишь, первое общество сославленное изъ мужчинъ и женщинъ, такъ называемыхъ *высокаго тона*; — тогда наморщенный лобъ его сожмется отъ досады такъ сильно, что сдѣлается совершенно ландкарию Швейцарскихъ канониковъ; тамъ-то увидишь онъ пріятныя и полезныя упражненія Россійскаго юношества посвятившаго себѣ слѣдому подражанію:

нью попеременно французскому или английскому вкусу, которого недосшапки хвашая, съ жадностю, пускаешь мимо ушей все, что доспойно человъческаго вниманія, для того именно, что оно вниманія доспойно. — Тамъ-то услышишъ онъ безпрепятстванныя жалобы на скучу, на климатъ, на время, на однообразность жизни изъ устъ развратныхъ шунядцовъ, которые, для перемѣны одинакой жизни, осипавляющъ картины, чтобы заняться *Рулетой*. — Тамъ-то осполбенѣшъ онъ отъ безсмыслья многихъ сказывающихъ: некуда дѣваться; но все, чтобы онъ ни увидѣлъ, мало будешь въ сравненіи того, чего ему видѣть не можно. —

Есть нѣкоторое весьма странное правило, рожденное шонкою философіею осмнадцатаго вѣка: — чѣмъ больше какое познаніе существенно связано съ исполненіемъ должности, тѣмъ меньше въ него вникаютъ. — Гдѣжъ принято такое правило? — Конечно, оно не въ книгахъ, объявлено и не признано университетами; — и нещастиливо пріискивающій правила свои въ книгахъ! — но дѣла подтвержденыя частными

опытами, сердца, нравы человѣческія, развѣ
не лучше всякой книги нась поучающъ? --
Изъ нихъ - то удивляясь должно видя,
что у нась молодые люди отъ моднаго
воспитанія вмѣсто хорошихъ офицеровъ
столь нужныхъ для отечества, выходяще
въ свѣтъ актерами, плясунами, или пере-
смѣшниками, благодаря Французскому вос-
питанію. -- Изъ нихъ что можно вывестъ
всеобщую аксіому, что чѣмъ больше пи-
шутъ нравоученій, тѣмъ меньше ихъ ис-
полняющъ. -- Кажется, что добрѣтель
изъ сердца мудрецовъ изливающіяся чернила-
ми, или оспановляющія на перѣ, а у чита-
телей и слушателей проходище и выхо-
дище ушами. --

Какой вздоръ! -- куда я заѣхалъ? --
Началъ говоришь о Рѣгатахъ, а дошелъ до
Троянской осады. -- -- Видно, что и я
отъ людей не прочь, даромъ, что мораль
шочу. -- Эти странные Французы, вер-
тясь сами какъ бараны, хотятъ вскружить
цѣлый свѣтъ своими выдумками, или лучше
сказать давно вскружили; -- я это не
меньше другихъ чувствую. -- Чѣмъ нуж-
ды? -- Я послушнѣ перу; оно водище

меня за иось какъ любовница. -- -- Спа-
немъ пуспаки молошь, когда цѣлый городъ
може дѣлаешъ, -- исключая васъ, господа
зриели, ужъ это вы сами догадасхесь. --
Впрочемъ, какъ вамъ угодно, я неупрямаго
десяшка, и на все соглашаюсь. --

Куда какъ бы мнѣ смѣшино было, еспѣли
бы вы сочли меня за какую нибудь пасмур-
ную рожу фіалковаго цвѣта, носящую въ из-
гибахъ чорнаго плаща своего шучу скукъ,
бездну зѣвашъ и море нелѣпостей. -- Какъ
вамъ кажущія мои спишеты? -- Я учился
ихъ располагать по Ломоносовой ришори-
кѣ; -- вы видише что я чишаю даже Рус-
скія книги: чорѣй меня дернулъ озлишся
на игрушку, которою я такъ щегольски
разгоняю скучу почти всякой день. -- При-
знашься, почтенные зриели, вы достой-
ны сожалѣнїя, когда не умѣете ворочашъ
шакимъ маленьkimъ колесомъ; какъ же вамъ
вершить колесомъ форшуны? -- Ахъ! еспѣ-
либъ вы видѣли какъ наша братья моло-
діожъ, собравшись кучею, другъ передъ дру-
гомъ вершашъ шо вертушкою, шо головой,
чило все равно, кидаютъ въ верхъ, въ низъ,
въ кось, перпендикулярно, горизонтально,

вышибаютъ искусно каршу изъ зубовъ, или зубы съ каршою, -- а для чего? -- Чтобъ сбыть съ рукъ день, то ешь: время, споль-ко вами прославляемое драгоценнымъ, а для насъ тягоснное, потому, что его дѣвать некуда. -- Эй! господа ученые, возьмишесь за умъ! -- ведь наши верушки право по-хожи на кольсо форшумы; а для лучшаго сходствія многіе дѣлаюшъ ихъ изъ чистаго золота и осыпанныхъ камнями. -- О! когда шупъ замѣщалось золото, вы ради изъ од-наго снизхожденія взяты въ руки такую бездѣлицу. -- Но дай-ка замъ эшу мудрную вець на показъ; -- опускашь, по-жалуй, -- это ваше дѣло; но чтобъ под-нять, вы въ шупикъ стаинете; а если бро-сите, то ужъ вовсе. -- Наши молодцы совсѣмъ прошивно; -- чѣмъ больше опуска-ютъ, пѣмъ больше подѣимаюшъ и подѣима-юшся, и почти изъ ничего разтягиваюшъ верушки свои въ сажень длиною; бро-сашь же не любятъ, пока ихъ самихъ не-бросяшъ. -- Такимъ образомъ разтягиваюшъ свои шиплы многіе неполько изъ молодыхъ Вѣпрогоновъ, но также изъ числа возму-жальныхъ Скопининъхъ, которыхъ широкой

лобъ какъ рощею усаженъ оленыями рогами двойного рода, и которыхъ длинныя уши, вылезая незначай изъ подъ золотыхъ вывѣсокъ, доказывающъ ихъ древнюю родословную. -- Но я, господа, учась отъ васъ молчанію и скромности, зажму ротъ. -- Кто хочетъ пускай отгадываетъ. -- Къ сашъ, вспомня продогадки: вы такими живыми красками описывавши ваши лица и такои даеще имъ блестящій колорисъ, что ненужно головы ломать для отгаданія имени. -- На что подписывать имя, гдѣ вѣщь изображена естественно? -- Когда ваятели древніе, или живописцы, оживляли бѣдное полотно или мраморъ прѣятными чертами юноши блокураго съ золотою вѣ рукъ лирою, и съ лавровымъ на головѣ вѣнкомъ, -- они не подписывали вѣ низу картины, или спашуи: это *Аполлонъ*. -- Вы поступаеше съ публикой точно такъ, какъ геометры съ треугольникомъ: -- открывши двѣ вѣщи засыпаете отгадывать третью. -- Но какъ гадательная наука мудреней геометрии, то вамъ нечего опасаться: -- всего не разжусишь. -- Однако, господа, полно съ вами болтунить; -- пора мнѣ опять, при-

нявъ Кашоново лицо, нахмуришь брови и продолжай разсужденіе о *Рулетахъ* или о другомъ, что придется въ голову. --

Одна игрушка больше или меньше между тысячными гремушками дурачества, не заслуживаешь ни какого вниманія; -- но надо смотрѣть на ихъ источникъ и дѣйствіе. -- Чѣмъ лучше, скажу, карпы, кошорымъ дано исключительное право разорять вѣтренное дворянство? -- Конечно лучше. -- Пуская по мѣру нѣсколькихъ беспушныхъ повѣсъ, они научаюшь жестокими опытами воздерживаться или умѣривать спраси свои. Многіе разкаялись, и бросили игру; -- спало они не вовсе потеряли время. -- Но верченіемъ *Рулеты* ничему нельзя научиться, кромѣ совершенной, неизкореняемой праздности, которая войдетъ въ привычку. -- За чѣмъ бы не выдумашь такихъ забавъ, которые бы вмѣшились съ увеселеніемъ укрѣпля и разгибая юношескіе члены, приготавляли ихъ къ понесенію трудовъ ради отечества, и физическихъ болѣзней, ради самаго себя? -- Но прошло то время, гдѣ умѣли соединять пріятное съ полезнымъ. --

Есть еще кромъ сей, другая причина: духъ подражанія. -- Когда бы подражаніе одного народа другому, состояло только въ перемѣнѣ плаща, въ изученіи языка, въ принятіи нѣкоторыхъ пошороннихъ обычаевъ, такое послѣдованіе въ разсужденіи нравственнаго умоначерпанія, былобы маловажно, но не скажу, безъ всякаго видѣнія надъ подражающими. -- Ибо, когда народъ начинаешь пренебрегать хотя самые нелѣпые обычай, съ того времени вмѣстѣ съ ними опчуждаешь онъ и сердце отъ своего отечесства. -- Для гражданина все должно быть священно въ землѣ отцовъ его, даже самыя ихъ предразсужденія. -- Въ умствованіи политическомъ еще не разрѣшена задача, чѣмъ полезнѣе для народа. -- Пока ее не разрѣшашь, не худобы придерживаться сколько можно, древнимъ обычаямъ, тѣмъ болѣе, когда они не прошиворечатъ ни природѣ, ни человѣчеству. -- Еще бы не такъ вредно, когда бы что возможно было, чтобы все Государство оставило древнія свои закорсѣлые грубости, могло вдругъ подобно одѣждѣ перемѣнить на новые лучшіе обычай и пошерять о прежнихъ

даже память. -- Но какъ Исторія доказываетъ, что сего никогда не было, да и бысть не можетъ по весьма яснымъ причинамъ каждому вразумительнымъ, ио всего опаснѣе для подражательного народа ешь то неполезновенное время, заключающееся между оспавленіемъ старыхъ обычаевъ и принятиемъ новыхъ, иногда сильно другъ другу пропиворѣчущихъ. -- Ибо большая часть новыхъ введеній прельщающъ насъ не столько своею пользою, какъ новостью. -- На нашихъ каруселяхъ, чернь выпуча глаза на разряженныя куклы двигающіеся шайными пружинами, спрашивашъ ли когда о томъ, что внутри оныхъ находишся и почему онъ двигаются? -- Извѣсно, что съ науками и просвѣщеніемъ вкрадываются еще болѣе злоупотреблений; которые отвлекаясь отъ отечественнаго подлииника, содѣлываютъ много дурныхъ коней. -- Попому, сіе между - царствиє древнихъ обычаевъ и новыхъ введеній, по справедливости называемыя можешъ язвою разумнаго общества, и по своему безпрецедентному колебанію трудною загадкою для мудрецовъ. --

Чтожъ вы скажеши о шакомъ народѣ, ко-
торый сѣва за спо лѣи покрывши свою
прямодушную грубость иностраннымъ каф-
шаномъ, теперь уже смыдясь видѣть въ
картинахъ предковъ своихъ въ длинномъ
проспомъ платьѣ, но сродномъ жестокому
земли его климату; -- кошораго восниша-
ніе поручается рукамъ насмѣнѣмъ собираю-
щимъ съ великодушнаго господримсива
его постыдныя, даже ругательные дани; --
кошораго правила, духъ и нравы вмѣстѣ съ
языкомъ превращающи въ Аглинскіе, Фран-
цузскіе, Италіанскіе, или Нѣмецкіе; -- ко-
тораго прекрасный полъ проводя полдня
за шуаленомъ, а осчастльное время у мод-
ныхъ Француженокъ, осипавъ мужей или
дѣтей своихъ забавляться у Гѣдсона или
Белиса, гдѣ за полосатой каземиръ и спаль-
ные пуговицы, для насыщенія малыхъ душъ
своихъ, убиваютъ добрыя луши своихъ
креспъянъ? -- Что вы заключите о шакомъ
народѣ, или лучше сказашь, о какой части
народа? -- Европа не имѣшъ ли права
удивляться нашимъ скорымъ, непосножи-
мымъ, почти нсвозможнымъ успѣхамъ въ
шоль короткое время? --

Я часто самъ въ себѣ разсуждалъ: -- не-
можноли єздитъ верхомъ на славномъ Аглин-
скомъ клеперѣ въ лосинныхъ исподницахъ
перешнутыхъ у колѣнъ ремешками, или
ходить прищуря глаза съ лорнетомъ въ
рукахъ, съ надутою подушками шею, -- и
быть по плашью шушомъ, а въ душѣ Ру-
скимъ? — Кажется, что нѣтъ. -- Сіи са-
мые малозначущія ребячіи игрушки даютъ
надѣніемъ иностраннымъ удивительное
пресмыщество, копораго соизволеніе и одо-
брительный съ презрѣніемъ взоръ, сниски-
вашь мы спараемся не послѣдованіемъ ихъ
похвальному трудолюбію, но надѣвая на
себя личину просвѣщенія высокими ворот-
никами, и пройными жилетами. О! неснос-
ный климашъ! нельзя показаться на ули-
цу безъ дюжины апласныхъ душегрѣскъ,
которые ничуть не грѣютъ! — одни Рим-
ляне, совсѣхъ споронъ заслуживающіе наше
вниманіе, имѣли даръ принимашь полезныя
чужихъ спраній обычай не развращая ошече-
ственныхыхъ нравовъ. — Послѣдовавшіе имъ
народы, съ прочими добродѣтелями, поше-
ряли и сіе рѣдкое доспоянство. —

Ж. Ж. Руссо весьма справедливо говорить, что слово *любезный*, переведенное съ Французского *aimable*, нынѣ занимаетъ мѣсто всѣхъ добрѣщелей въ общежитіи и должностей человѣка, -- и такъ не требуешся для офицера храбрости и знанія, когда похвала его вышла изъ устъ прекрасныхъ кокетокъ: ахъ какъ онъ милъ! -- для судьи безполезна спротивъ правосудія, беспри-
спасшное великодушіе и ученіе законовъ, если раскрашенная *en fresco* сороколѣтняя девица промычила сквозь Гебеновыя зубы: какъ онъ любезенъ! -- вѣмъ равнодушна содѣлывающася должность, кроме долгу быть *милымъ* и *любезнымъ* въ глазахъ женщинъ, приравниваясь къ ихъ слабостямъ и раздѣляя ихъ нѣжныя и рухлыя упражненія, руками, сотворенными къ ворочанію меча или сѣкиры для пользы своего отечества, -- прежде женщины были мужественны, пришло время, ч то мужчины сдѣлались женщинами. -- Когда кто хочешь позабавишь кружокъ молодыхъ людей высокаго тона, пускай скажешь говоря о комъ съ похвалою, что такой - то, человѣкъ справедливый, великодушный, благодарный; что такая - то,

дѣвица лобродѣшельная. -- Всѣ па тебѣ смо-
трѣши спанути какъ на выходца изъ Аме-
рики, когда нѣкошорая шѣнь благопристой-
ности помѣшаешь захочошашь во все горло;
и ты ясно увидишъ, чио если они безче-
стятъ названіе человѣка, то взаимно до-
бродѣшель и человѣческво для нихъ кажущимися
безчеспными. --

• • • • • • • • • • •

• • • • • • • • • •

Въ заключеніе припомню вамъ еще о Ру-
лешахъ. -- Мнѣ кажущимся весьма справедливъ
поспупокъ фалерскаго ширана съ изобрѣ-
шемъ мѣднаго быка для большаго му-
ченія человѣческва; -- вы знаете всѣ, какъ
онъ его перваго сжарилъ въ новой машинѣ
маленькимъ огнемъ. -- Я не ширанъ, и не
люблю шираповъ; -- но завыдумку вершу-
шекъ, сославляющихъ теперъ знаниую вѣль
иностранный торговли въ Россіи, я бы по-
садилъ самаго выдумщика на такое же
большой мѣры колѣсо и велѣлъ бы вершить
до обмороку, за всѣ тѣ обмороки, кошорые
отечество его намъ сообщаешь. -- И шо
правда, чио въ свѣтѣ нѣшъ посредсвіа:
или вершящъ, или вертишся. -- И для того

извините меня, почтенные Господа Зрители, что я оспавя перо и желая вамъ орлиного зре́ния, примусь опять за *Рулету*, въ намѣреніи лучше вертѣшь, нежели вертѣшься . . .

*Прислано отъ неизвѣстнаго.
Сего броноевенію).*

Издашели покорнейше благодарятъ Г. Неизвѣстнаго за присылку прекраснаго его сочиненія къ помѣщению въ журналъ. Просвѣщенный читатель увидитъ, что сіе твореніе споль же много дѣлаетъ честниихъ изданію, какъ легкому, пріятному и острому его перу. За желаніе же Издателямъ орлиного зре́ния, взаимно желають они Г. Неизвѣстному мудрости змійной и силы львиной, дабы онъ вооружаясь прошиву пороковъ, сдѣлалъ и впередъ честь Издателямъ присылкою своихъ сочиненій, кошорыя съ оспѣннымъ удовольствиемъ помѣшавшися въ ихъ листкахъ.

П И СЬ М О

къ другу.

Я чаю мысли тѣ сушь съ истинной со-
гласны,
Что наши земляки всѣ къ крайностямъ
пристрасны.
Когда намъ посмотрѣть лѣпѣ сощенку
назадъ,
Какъ всѣ невѣжества въ Россїи пили ядъ;
Увидимъ что тогда словесности не знали,
Ученіс грѣхомъ смертельнымъ починали,
Писать или чищать былъ масшеромъ не
всякъ,
И право лишь на то имѣли Попъ да Дьякъ;
А нынѣ, какъ прошло столь сѣдно заблу-
жденье;
Какъ понемногу къ намъ вѣзжаешь про-
свѣщеніе,
Рѣхнулись также всѣ, лишь только не на
шомъ:
Въ пропивность лѣдамъ всякъ почни бле-
ститъ перомъ;
И мысля подражашь Бришанцамъ иль Фраи-
цузамъ,
Всякъ въ рекруши себя записываешь къ
Музамъ.

Похвальна спрасть ся, и ревношьша въ
сердцахъ

Великихъ сдѣлала мужей во всѣхъ вѣкахъ.
Но прежде нежели тѣмъ рвеньемъ воспа-
лишься,

Всякъ долженъ бы своихъ способноситей
спроситьсь,

Что учинишъ ли онъ какое тѣмъ добро,
Коль слѣдя другимъ, возмешся за перо.

Однакожъ частые примѣры намъ являютъ,
Что правила сего писцы не сохраняютъ.

Знать иѣка слѣпоша, имъ свойственна
однимъ,

Бываешь въ шомъ всегда препятствомъ
главнымъ имъ.

Себя вишь разбирать не легкая работа;
Займись тѣмъ, можешь бысть пройдеть
писать охота.

Такъ лучше чтобы сей охоты не теряшь,
Рѣшились многіе безъ мыслей сочиняшь,
И говоряшь въ себѣ: „начну писать безъ
плану,

„Развязку сдѣлаю тогда, когда ушану.

„Пускь выдешь что Богъ дастъ, Поемъ
иль Романъ.

- „ Иль впюю ихъ въ одинъ обѣихъ чено-
данъ.
- „ Смошря по шѣмъ часамъ веселымъ иль
печальнымъ
- „ Что Музамъ посвящу, съ разборомъ я не
дальнымъ,
- „ Иль важно, иль смѣшно перомъ заговорю,
- „ И возвышенный слогъ я съ низкимъ по-
мирю.
- „ Прїсканнымъ дыша и многотруднымъ
жаромъ
- „ Въ одной спраницѣ въ верхъ я полечу
съ Икаромъ,
- „ Надувши громъ солью претягостный
ушамъ,
- „ Чтобъ то изобразить, чего не знаю самъ.
- „ Когда же взяпый въ долгъ весь выдѣлъ
жаръ парами,
- „ Другую я займу спраничку пуспяками:
- „ Чтобъ случай преподашь чишашелямъ
зѣвнушъ,
- „ Имъ проповѣдъ скажу, морали взяви
пушъ.
- „ Попомъ чтобъ къ своему бышъ духа
свойству ближе,

,, Примусь за слогъ Бовы и Францеля по
ниже.

,, Коль мыслями я спаръ, словъ новыхъ
накую;

,, Какъ хочешь умъ вертишь, а книгу я
склѣю.,,

Вотъ такъ-то иногда марашель разсуж-
даешъ,

Какъ мучишь добрыхъ онъ людей предпри-
нимаетъ.

Какой же изъ его попѣнья выйдешъ плодъ?
Собразный мѣрамъ симъ какой нибудь
уродъ.

Кто пишешъ дочерямъ въ досаду Мнемо-
сины,

Имѣя шолько лишь тѣ движущи причины,
Что дерзости онъ тѣмъ безсильный ка-
жешъ знакъ,

Что безъ сего ни ктебѣ не зналъ что онъ
дуракъ;

Тотъ безъ разбору все въ швореніе вмѣ-
щаешъ,

Что въ голову его случайно попадаешъ;
Не зная то, что мысль блесшаящую всегда
Потребно разумѣшъ присстроишъ намъ куда;

Что не умѣста коль ее поставишь сиѣло,
Упрашишь блескъ ея и все испортишь
дѣло;

Что описаніе прекрасное лѣсовъ,
Вечернїя зари, иль утреннихъ часовъ,
Читашеля привесить возможеть въ восхи-
щенье,

Коль въ родѣ Геснера все писано творенье.
Но шамъ гдѣ хочешь ты всѣ сгибы про-
нуши чувствъ,

Витїйство пустяки, и вздоры трудъ
искусствъ.

Воображенья пыль пускай въ Поемахъ бле-
щеть,

Но нѣжность лишь въ тебѣ пускай искры
шомны мещеть;

Что чувствуешь, заспавъ всѣхъ тоже ощу-
тишь:

Ко сердцу надобно лишь сердцемъ гово-
ришь.

Трудились точно такъ Ариоды, Рихард-
соны,

И вылились у нихъ Батильды, Грандисоны.
Они читашеля не водятъ по лѣсамъ,
И не даютъ болшашь не къ спаши спа-
рикамъ

О бурахъ, о моряхъ повѣстований длин-
ныхъ,

Которы въ книгахъ намъ наскучили спа-
ринныхъ :

Но говориши вездѣ въ нихъ само еспесиво ;
Невинносши у нихъ повсюду торжесиво ;
Порочный совѣсти разиша, чтия ихъ, гла-
сомъ,

Гнушающія собой, гнушаясь Ловеласомъ.

Напропивъ шамъ, поспѣшъ гдѣ брань духовъ
Мильшонъ,

Въ выспрѣ умъ его паришъ, гремишъ въ немъ
сильный звонъ ;

Онъ живо пишешь намъ красы Едемска
сада ;

Коль сѣружъ, пламень, иракъ описываешъ
ада ,

То кажешся, что онъ отъ черныхъ адскихъ
силъ ,

То описаніе сѣ ихъ почтой получилъ .

Когда же опять хошашъ Корнеліи, Расины,
Подвигнуши спасши въ насъ, сердечныя
пружины ,

То слога плавнаго лїешся въ нихъ рѣка ,
И дышашъ каждая ихъ чувствиемъ спрока .
Осмыкаешь ли Мольеръ людскіе нравы ,

Иль сказки Лафонтина сплещаешь для забавы,

Во всѣхъ приличная видна имъ разнота;
Въ помъ ъдка соль, въ другомъ пріятна
проспона.

Вонъ такъ, шамъ чувствуя всякъ собствен-
ное свойство,

И зная, родъ избравъ, хранишь благоу-
стройство,

Для пользы и хвалы трудиша не вонще;
На верхъ Парнасса всѣ взлесшають вообще.
Могли бы можетъ быть шуда доспичь мы
сами,

Умѣлибъ коль ходить всѣ должностными стѣ-
зями.

Когда бы всякъ свою способность разбиралъ,
Тобъ можетъ быть не то, что пишешъ,
онъ писалъ.

Иной, чемъ рисовать нравъ добрый иль по-
рочный,

Точишь бы предпріялъ намъ сказочки во-
спочны.

Другой не мучи насъ насильнымъ громомъ
одъ,

Избралъ бы можетъ быть спиховъ пониже
родъ.

А шретій вмѣштобы трагического тону
 Удачнобъ подражалъ баласнику Скарону.
 По чемъ знать? Можешъ быть сыскался бѣ
 и шакой

Который бы узналъ, что грѣхъ ему боль-
 шой

И въ прозу и въ стихи пускаться на оши-
 вагу,

И прашипь только шѣмъ и время и бу-
 магу.

Но шрудно чтобы кто разстался съ сей
 мѣчтой.

Невѣжа за всегда доволенъ самъ собой.
 А паче какъ большой онъ умница гордится,
 Глупѣйшій коль его еще, ему дивится,
 Что часпо испиннѣ живетъ у насъ на зло,
 Какъ нѣкогда сказалъ разумно Боало.
 Но ежели нельзя ужъ передѣлать свѣща,
 Такъ вмѣсто моего послужимъ пущь со-
 вѣща

Пословица сїя извѣсна издавна,
 Которой кончила *Марина Хвастуха*
 И здѣсь которая не хуже пригодится:
Всѣмъ должно не въ свои намъ сани не садиться.

А . . . Б . . .

*Надгробная надпись Гаврилъ Игнатьевичу
Козлову.*

Подъ камнемъ симъ скрытъ Козловъ;
Въ Россіи живопись осиротѣла;
Гдѣ Кистью рука его владѣла,
Недостаетъ лишь шамо словъ.

**Речь говоренная повѣсою въ собра-
нїи дураковъ.**

Милостивые Государи!

Когда, проспой памяти, предки наши
оставили намъ въ наслѣдство пріятную
способность дѣлить время съ лошадь-
ми и собаками; воображали ли они, что
сїе дарованіе, которое одно мѣшало имъ
зѣвать во всю ихъ жизнь не зажимая рта,
будешъ осмѣяно нѣкошорыми беспокойными
головами, и что ихъ прилипчивая система
жизнь поджавъ руки, или, еспѣли позво-
ляшъ мнѣ употребиши такое смѣлое изо-
браженіе, система ихъ жизнь поджавъ умы,
найдешъ дерзкихъ сапириковъ, которые
осмѣлются доказывать, на перекорѣ мод-

ному разсудку, что человѣку большова свѣша, нужно имѣшь разумъ не для злословія, вкусы не для кафшана, и сердце не для волокитства; но Государи мой! кѣ спыду нашева вѣка эшо дѣлаешся, и когдажъ? Тогда какъ просвѣщеніе взошло у насъ на вышнюю степень; когда почувствовали мы, что природа сотворяя человѣка немогла избѣжать нѣкоторыхъ погрѣшностей; когда желая замѣнить есъ недостатки, обрѣзали мы спанъ ево цѣлою четвертью, привязали кѣ нему подъ шѣю жабоиъ, причесали голову его анкрошеть; словомъ: показали каковъ бы онъ долженъ бысть созданъ, еспѣлибы изъ рукъ природы вышелъ по совѣту премудрыхъ Французовъ. Но приспушимъ подробнѣе кѣ исторїи нашего моднаго просвѣщенія; дабы тѣмъ яснѣ доказашь грубость сапиры и возбудишь въ сердцахъ вашихъ благородную ревность переломать сапирикамъ руки и ноги.

Мода уже давно со справедливою зависшою видѣла, что науки обращали кѣ себѣ вниманіе нашихъ одноземцовъ, и угрожали изо всего Государства сдѣлать одну Академію. Сожалѣя о погибающемъ человѣчествѣ; и бо-

лье всею сожалѣя о бѣдныхъ женинахъ, которые бы должны были зазѣваться до смерти подлъ своихъ мужей или любовниковъ, слушая ученыя ихъ разсужденія; она принуждена была войти къ намъ украдкою, и ввѣши сюда своихъ первыхъ рачишелей Французовъ, которые дѣлая намъ честь, для насъ оспавляли въ свое мѣсто отечество достоинство Французскихъ водоносовъ и разносчиковъ, чтобы образовать наши нравы и обычаи. Они то изъ медвѣдей сдѣлали насъ людьми; они то показали намъ необходимость, перенять въ годъ попятидесяти кавшановъ; открыли намъ ключь, что удачнѣе можно искать щасия съ помощью портнова, парикмахера и корешника, нежели съ помощью профессора философіи; они то наконецъ, науча насъ танцовашь, открыли намъ нужную для свѣтскова человѣка пайну, что ученые ноги въ большомъ свѣтѣ полезнѣе ученой головы.

Не подумайте, Милоспивые Государи, что пристрасіе управляетъ моимъ языкомъ; нѣтъ, безъ самолюбія скажу, что я въ семъ случаѣ философъ и всѣ націи лю-

блю, выключая моево Отечества; и такъ говоря о просвѣщении, нельзя умолчать мнѣ объ Агличанахъ. Имъ то обязаны мы искусствомъ изъясняющими съ Аглинскими лошадьми и превращающими грубыхъ нашихъ крестьянъ въ спальные пуговицы и пряжки; ихъ то скромной кафтанъ и французская вѣтреность составляютъ нечто подражаемое изъ нашихъ модныхъ господчиковъ, кошорые одни имѣютъ великое дарованіе соединять въ себѣ благородную вѣтреность Французскихъ парикмахеровъ, и философскую важность Аглинскихъ юноховъ.

Съ какимъ ужасомъ, Государи мои, воспоминаю я то время, когда у насъ молодой человѣкъ при первомъ словѣ былъ видѣнъ, какъ далекъ онъ въ невѣжествѣ: должно было или учиться, или опасаться посмѣяній и самого презрѣнія. Должно было проводить время въ кабинетѣ; вмѣсто шово, чтобы съ удовольствіемъ убивашъ ево въ кофейныхъ домахъ; должно было читать книги полезныя . . Но, Любезныя слушали! я примѣчаю, что онъ одново на поминовенія о шакомъ варварскомъ времени,

вы зъваеше и многіе чувствительнѣйшіе изъ васъ патріоты зазѣвались бы до слезъ есълибы продолжалъ я такое жалкое описание, но оспавимъ ево. Сѣ время уже прошло; нынѣ молодой человѣкъ желающій слышь ученымъ не имѣшъ большой нужды въ грамотѣ; за недоспашкомъ своею ума, можно имѣшь у себя на полкахъ тысячи чужихъ умовъ, переплещенныхъ въ сафьянѣ и въ золотомъ обрѣзѣ, а ешова уже и довольно, чтобы перещеглять своею славою лучшаго Академика.

Но чѣмъ не обязаны мы щасливому нашему просвѣщенію! есълибъ вздумалъ я описывать всѣ въ немъ выгоды, чтобы речь моя была длиннѣе всѣхъ предисловій Т... вмѣстѣ; она бы показалась пространнѣе комедіи *мнимова детуша*, которая въ своемъ пространствѣ сполько неизмѣрима, чѣмъ въ ней ученой свѣтѣ не находишь ни начала ни конца; она бы показалась простижнѣе романа *Антирихардсона*, котораго долгоперѣлившіе чипашели не дочинивались до половины.

Но мнѣли, Государи мои, съ слабыми моими силами, прилично говорить о поль-

захъ моднова просвѣщенія: сїя матерія
шакъ неизчерпаема, какъ древніе авторы,
которые подъ рукою молодыхъ нашихъ пи-
саниелей перерождаются, какъ Протей, въ
тысячи разныхъ видовъ одинъ одново хуже.
Довольно и тово когда доказалъ я, что
модное просвѣщеніе взошло у насъ на выши-
нюю степень; и въ подтверждніе этова
споишъ только вамъ взглянуши другъ на
друга, чиобъ видѣши испину моихъ до-
казашельствъ, и почувствовашъ выгоду ва-
шева состоянія приманчивааго для человѣ-
ка, которое одно только можно поддер-
жать не имѣя ни ума ни сердца.

Были дерзкіе писаниели, которые утвер-
ждали, что пепимешры ниже человѣка, и
полагали ихъ въ число живошныхъ. Безум-
ные! они не примѣшили, что шакимъ за-
ключеніемъ дѣлали нашу славу. Такъ Го-
судари мои! согласимся что пепимешръ
не человѣкъ; но еспѣли онъ скотъ то ко-
нечно умнѣе всякой скопины не выключая и
самой обезьяны. И шакъ не лучели быть
первымъ между скопами, нежели послѣд-
нимъ между людьми; а сїе то лесное
первенство получили мы въ нынѣшніи вѣкѣ;

и оно то посыпало ядъ зависши въ беспо-
койныхъ сердцахъ и вооружило на насъ са-
тиру, или лучше сказать пасквиль. Поку-
щающеѧ сѧлать жалкимъ щоголя въ
большомъ свѣтѣ, гдѣ играешь онъ первое
забавное лицо. Сей пасквиль желаетъ раз-
рушить наши труды тогда, какъ мы въ
разборчивости платья и въ щегольствѣ
превосходимъ самыхъ женщинъ; дерской сей
пасквиль, кажетсѧ осмѣливающеѧ отнимашъ
наше первенство, и доказывающеѧ что будь-
шо изъ человѣческой головы можно сѧлать
лучшее упоиреніе нежели то, чтобы да-
вать ее Французу всчесывать анкрошѣ,
и будьшо голова не для шово намъ дана,
чтобы носить на ней Аглинскую шляпку.

Вошъ, Государи мои, причина, для ко-
рой собралось шеперь наше почтенное об-
щество. Надобно подавиши въ самомъ на-
чаль дерзость; надобно доказашь нашимъ
прошивникамъ, чюо безъ хорошева парик-
махера и поршнова нельзѧ ни заслужишь
уваженія публики, ни подружишь со-
сѣть; чюо исшинное доспоинство со-
сѣтишь только въ томъ, чтобы умѣши
одѣваться по погодѣ, и поддѣлывашь свой

шупей подъ крымскіе овчинки такъ же искусно, какъ Французы поддѣлываютъ мѣдь подъ золото.

Почемужъ, возразяшъ мнѣ можетъ быть нѣкошорые, вооружающеся вы на сапибу за то, что она нападаетъ на порокъ, не указывая ни начье лицо? . . . Будто разсказывать дураческы разныхъ особъ не есть то же, что выспавлять ихъ лица на осмѣяніе. Такъ, Государи мои, не выспавлены наши имена, но дѣла наши обнаружены.

Когда описываю я сочинителя, которой своими романами перебиваешь у апшакарей поргъ сонными порошками, и которой ошважно передразниваешь славнаго сочинителя Кларисы, или новой Елоизы; нужноли тогда долго задумываться, чтобы въ неупомимомъ ешомъ дразнильщикъ угадашъ неуспрашимаго Анширихардсона? Члена, которой дѣлаешь собою украшеніе нашему общеспбу, спремися подражашъ авшопрамъ не читая ихъ, и которой всегда выигрываешь у своею подлинника большинство шомами, нужноли долго отыскивать своё имя? Конечно нѣтъ; и онъ имѣеть неоспоримое право назвать на себя лично-

спио всякую сатириу, гдѣ осмѣеваеѧтся усыпляющїй авторъ; хотя бы такое описаніе было сдѣлано и за сто лѣтъ до ево рожденія. Но имѣетъ ли право вступишиъ за себя сіятельной Юла, какъ скоро описываютъ юнголя, которой какъ состарѣвшаяся въ невѣстахъ девушка, проводишиъ передъ шалестомъ двѣ трепи своего вѣка, спарасиша всѣмъ понравишиъ, и думаешъ что о красотѣ ево привердишъ весь городъ; между тѣмъ какъ едва примѣчаютъ, что онъ движается въ большомъ свѣтѣ? И многоли надобно трудовъ Одохвану на то, чѣобъ доказать оскорбленіе спихотворной своей особы, щамъ гдѣ ругаютъ оды безъ спихотворства, спихи безъ остроны и безъ смысла, и когда упоминаешся спихотворецъ, которой похвалами своими мучиши героевъ болѣе, нежели Боало мучилъ своими сатирами Прадона и Копина; гдѣ говоришся про оды, въ которыхъ нешолько красотѣ но и смысла всѣ Академіи вмѣстѣ въ присла лѣшь не опишишутъ; трудноли, говорю я, Одохвану доказать, чѣо тушъ разругана ево особа? Нѣшь Государи мои! споишъ только ему вынуль первую свою

оду, и самой скромной чишатель согла-
сившися, что сапира мѣшила на нево.

Взглянише на описаніе Тараншула, ко-
торой разжился женою, поставя себѣ прекрас-
нымъ правиломъ, что нѣтъ вредище двухъ
случаевъ: ешьли у купца деньги, а у иево-
жена назаперши, и которой хочешь пере-
ломашь руки и ноги сочинишему за то,
что шотъ издалъ описаніе ево по Руски
которое покойникъ ле Сажъ еще до рожде-
нія ево написалъ прекрасно по Французски.
Кто не узнаетъ въ немъ нашева милова
Тараншула; кто имѣющій сердце и палку,
не вооружися за ево особу, какъ скоро
увидишъ сочинишеля, осмѣивающева золо-
тыхъ рога. Ешьли вамъ надобно под-
тверженіе что еша сапира на нево, то
самъ Тараншуль выспавишъ до двадцати
доказательствъ, что не обижая ево нельзѧ
бранишь рогатыхъ, хотя и онъ еще не всѣ
доказательства знаешъ; чтожъ, ешьли
вступишся въ ешо дѣло ево жена? Какой
бездны доказательствъ тогда ожидашь
мы должны! о! тогда то, ешьли только
приговорятъ въ наказаніе пасквиленту,
рвать у нево по волоску за всякое доказа-

иельство Тарантуловой жены, что въ два мѣсяца останется у неё мнѣс волосовъ, нежели у усерднѣйшева музульманина.

И такъ не ясноли видны ваши имена, когда дѣла ваши выспавлены? И недостойно ли такое ругательство явнаго мщенія. Вооружимся же, Государи мои, и поищемъ способовъ унизить дерскихъ сапириковъ. Опьмстимъ и докажемъ, что ешьли мы не въ силахъ отбраняться перомъ; то кулачи, палки и браны словесныя, суть такы въ нашихъ рукахъ орудія, которыми можемъ мы прогнать армію Цицероновъ.

При словѣ мщенія нельзя не обратить мнѣ моей речи къ любезному нашему Тарантулу, и неотданъ справедливости, что онъ подъ Французскимъ кафтаномъ носинъ Италіанское сердце, и ни начомъ не остановившися, лишь бы опьмстить тому кто ему немилъ. Онъ въ состоянїи сапирика своего вызвать на Аглинской бой головами и не задумавшися прибавить сучка четыре къ своимъ рогамъ только для того чтобы разкроить ему черепъ на двое. Вопрь примѣръ, которому ешьли мы будемъ рачительно послѣдовашь, что или наши непрія-

щели смиряться, или насъ принудятъ сми-
ряться . . . станемъ подражать Таранту-
лу и пускъ похвала, которую я къ нему
обращу, послуживъ намъ поощрениемъ, а сму
наградою.

Онъ не подражалъ иѣкошорымъ слабымъ
душамъ, которые увидя въ сапирѣ свое
лицо, или старавшися исправить свои сла-
босши или возвышающъ пирамиды печаш-
ной бумаги и пишущъ сапиру на сапиру.
Нѣтъ; едва ощупью по рогамъ узналъ онъ
свой портретъ, какъ далъ клятву сломишь
голову сапирику, сво шилографщику и даже
мастеровому у которова покупаешъ онъ
чернило, и еспѣлибъ спрахъ кончишь свою
испорю въ смиришельномъ домѣ, не удер-
жалъ сво, чтобы доказалъ онъ, что и ма-
ленькое шѣло можешъ сдѣлать великое зло.
Совсѣмъ шѣмъ ешо не привело сво въ оп-
чаянїс: онъ сталъ разсѣвать, какъ Бомар-
шевъ Базиль злосврѣдные на сапиру шолки,
и тамъ, гдѣ говорятъ опугвицахъ, онъ до-
казываешъ, что обижаетсѧ чье нибудь
лицо; тамъ, гдѣ бранятъ пьянство, онъ си-
лишся доказашъ что оскорбляютъ чеснь;
а тамъ, гдѣ осмѣиваюшъ податливаго мужа

торгующаго рогами, онъ силился увѣришь, чио оскорбляюшъ добродѣтель и человѣческво: словомъ, сидя въ своей конурѣ, выдумываетъ онъ всевозможныя кривыя толки и ищетъ поссорить самиру со всѣми честными людьми, когда она ссорится съ одними пороками. Онъ не смѣетъ явно выдавать такихъ толковъ; но какъ скромной автпорѣ не спавишъ имя у своихъ твореній и чишашель здревавъ надъ ево стихами, уже проснувшись угадываешь чио ето долженъ быть мнимой Дешушъ; подобно и Тараншулъ нашъ по дѣламъ своимъ заставляешь угадывать свою особу. Такъ точно разсерженной клопъ, едвѣ примѣненный въ океанъ вѣщеславъ, забиваешься въ маленькую скважину, пускаешь воинъ на свое непріятеля, котораго шѣломъ онъ пишется, и имѣешь дарованіе беспокоишъ носъ, не опасаясь быть увидимъ. Онъ знаетъ чио ево неиначе лъзя отыскать какъ носомъ; и хоня всякой носъ можетъ до нево довести; но чио и самой терпѣливой носъ въ двѣ минуты отспущится отъ такихъ мучительныхъ поисковъ, и осправитъ ему полъ сраженія.

Вошъ Государи мои примѣръ, которому должны мы послѣдовашь есپъли хошимъ избавиши сѧ отъ ига сапиры. Дадимъ же себѣ слово переломашь сильною рукою перъя нашихъ непріяшелей, и есپъли уже воображеніе наше слабо сравнишся въ выдумкахъ съ воображеніемъ маленькаго Тараншула, то будемъ хоша пользовашь сѧ совѣтами, которыми онъ въ свое мѣсто перешеголяшъ Генлея.

И такъ вы, почтенные собратія, кошорые ощупаеше себя въ сатирѣ, не будьши такъ слабы, чтобы признавашь свои по грѣшности и спаравашь ихъ поправить. Но подражая Тараншулу, спарайшесь мѣшишь сапирикамъ. Нѣшъ ничево хоша бы авпорѣ и недумалъ о васъ: уже онъ вашъ открытый непріяшель, когда бранитъ дураческия, и вы получаете право злословить сѧ осо бу, намѣренія и побить самово сѧ есپъли вамъ удастся. Однимъ словомъ я признаю, что шопъ не членъ нашево общества, кто не палкою спанетъ оправдываться, и не кулаками доказывать испинну; а шопъ будетъ нашимъ украшеніемъ, кто ко всему стому прибавишъ, злословіе и вредныя

шолки на сапирика. Можетъ быть не спа-
нушъ насъ слушать; но за шо какая слава
и удовольствіе для насъ еспыли выиграемъ
мы иолѣ сраженія. Тогда то мы будемъ
дурачиться какъ хотимъ, и еспыли уже
спанушъ хохочашь надъ нами наши совре-
меники; шо по крайней мѣрѣ не будемъ мы
воздержаны спрахомъ, чтобъ надъ нами
смѣялись позднѣйшия наши потомки . . .
шогда то . . . но воспогрѣ меня обѣмлешь
и . ионуждастъ хохя краико изобразить
шо золошое время. Послѣдую движению
моего духа, и симъ изображеніемъ, какъ са-
мымъ прїятнымъ для васъ мѣстомъ, кончу
мою речь.

Тогда то, говорю я, кокешка будеть
спокойно щеголяшь бѣлыми своими зубами
и длинными волосами, не опасаясь чтобъ
напечашано было, что зубы ее искусно
сдѣланы изъ слоновой кости, а волосы
проданы ей молодымъ щеголемъ, которова
шепка, расточа все свое имѣніе, оставила
ему въ наслѣдство одни только свои пре-
красные волосы.

Тогда то щеголь, не находя о себѣ ни
строки, будеть имѣть удовольствіе мо-

тать до тѣхъ поръ пока не заспавть ево въ магистратской тюрмѣ сличить приходъ съ разходомъ; тогда то разочищстой Тарантуль, которой любишъ свою жену какъ рыбакъ свою удочку, не будешъ опасаться чтобъ беспокойной сапирикъ изчишывалъ сучки сво роговъ, и предосперегалъ бы молодыхъ людей опъ западни, кошорая старавшся ловить сердца чтобы очистить имѣніе. Тогда то романы прилежнаго Анширихардсона, будушъ спокойно лежать на полкѣ, не опасаясь, чтобы кто нибудь ихъ бранилъ, выключая малаго числа неблагодарныхъ чипашелей, кошорые не смотря на то, чтио автору своему бывающъ часпо обязаны хорошимъ сномъ, имѣюшъ безбожную привычку, проснувшись бранить его первова. Тогда то наконецъ всякой изъ насъ будешъ смѣло дурачиться, не опасаясь, чтобъ дурачеству, кошорое сдѣлалъ онъ въ Петербургѣ, сшали смѣялсѧ, даже въ Московскихъ книжныхъ лавкахъ. Однимъ словомъ, мы тогда читая древнихъ авторовъ будешъ имѣшь удовольствіе смѣяться ихъ дуракамъ, и имѣшь передъ ними то преимущество, чтио намъ наши пошомки смѣ-

япъся не спанутъ, и не будуть нашими
именами бранишиъ своихъ дураковъ.

О Д А

У Т Р О

Подражаніе Французскому.

* * *

Заря торжественной десницей
Снимаешь съ неба темный кровъ,
И сыплетъ бисеръ съ багряницей
Предъ освящелемъ міровъ.
Враша хаосомъ вознесенны,
Рукою время попрясены,
На веръяхъ своихъ скрыпяшъ ;
И разъяренны кони Феба
Чрезъ верхъ Сафирныхъ сводовъ неба
Рыгая пламенемъ лепяшъ.

* * *

Любимецъ грома горделивый
 Свой дерзкой, быстрый взоръ спремишъ,
 Въ поля, гдѣ Фебъ неупомимый
 Дни кругомъ пламеннымъ чертишъ.
 Невинной горлицы спенанье
 И Филомелы возклиданье,
 Соединя свой иѣжный гласъ,
 Любви желаньи повторяющъ,
 И громкой пѣснью прославляющъ
 Природу воскресивший часъ.

* * *

Отъ свѣта ризъ Зари багряныхъ
 Пастухъ проснувшись въ шалашъ,
 Младой пастушки съ успѣ румяныхъ
 Сбираешь жизнь своей душъ.
 Бѣжитъ онъ — въ жалобахъ Тамира,
 Вручаешь рѣзвосши Зефира
 Волнисто злапо мягкихъ власъ;
 Любовь ся устами дышешъ,
 Въ очахъ ся природа пишешъ
 Печали нѣжной робкій глазъ.

* * *

Пастухъ въ кустахъ ее вспѣчастъ;
 Онъ розу въ даръ подноситъ ей;
 Паспушка розой украшаетъ,
 Пучекъ трепещущихъ Лилей.
 Любовь, веселости и смѣхи,
 Въ кустахъ имъ спавялъ проны ушѣхи.
 Зефиръ рѣзаясь влечетъ покровъ
 Съ красотъ сей Граціи спыдливой;
 Пастухъ побѣдой горделивой,
 Спалъ всѣхъ щасливѣй пастуховъ.

* * *

Къ водамъ, гдѣ вѣшъ Зефиръ кудрями
 Верхъ сребристы ручейка,
 Пушемъ усыпанымъ цвѣтами
 Ведешъ надѣжда рыбака.
 Другъ нѣжный розъ, любовникъ Флоры,
 Чиня съ ручьемъ безмолвны споры,
 Пропивъ спремленья быстрыхъ водъ
 Въ жилище рыбы уду мещетъ:
 Она дрожитъ, рыбакъ препѣщетъ,
 И добычъ къ берегу ведетъ.

* * *

Тошъ шесный кругъ, что Фебъ обходишъ,
Есть кругъ веселія для васъ:
Забавы, пастыри, выводитъ
Вамъ каждый день и каждый часъ.
Любовь Тирсисовой рукою
Изъ Лиры льетъ возгоргъ рѣкою
Прелѣстныхъ Грацій въ хороводъ.
Паспушекъ нѣжныхъ легки пляски,
Сердца помяющія ихъ ласки,
Недѣлей дѣлающіе вамъ годъ.

* * *

Но ахъ! въ кичливыхъ сихъ племницахъ,
Гдѣ спрашь, владычица умовъ,
Природу заключа въ гробницахъ
Намъ роешъ бѣдъ ужасныхъ ровъ,
Не гласъ Аврору пиши прекрасныхъ
Вспрѣчаешь, вопль и стонъ несчастныхъ;
Она предъ сонмомъ спрашныхъ бѣдъ
Въ слезахъ кровавыхъ окропляясь,
Пороковъ нашихъ ужасаясь,
Блѣднѣя въ ужасъ идешь.

* * *

При видѣ пасмурной Авроры,
 Скупой отъ страха чутъ дыша,
 Срываешь трепеща запоры,
 Съ мѣшковъ, гдѣ спишь его душа.
 Онъ зритъ богатства осклабляясь . . .
 Съ лучами злаша съединяясь,
 Едва рождающійся день,
 Льюшъ желчъ на блѣдный видѣ скупова,
 И кажущъ въ немъ страдальца злова
 Во адѣ мучимую тѣнь.

* * *

Уже рабъ счастїя надмѣнныи
 Бжигаешь ложный фимиамъ,
 Гдѣ идолъ гордости смятенный
 Колебля пышиный златомъ храмъ,
 Паденъя гордыхъ стѣнъ трепещетъ ;
 Но взоръ притворно тихий мещетъ :
 Ево ладью Зефиръ ведетъ . . .
 Но илько бурный вѣтръ заслонешъ
 Съ ладьей во ужасъ онъ понесъ
 Въ волнахъ глубокихъ черныхъ водъ.

* * *

Авроры всходомъ удивлена
 Смущаясь роскошная жена,
 Пускаешъ стонъ, что отвлечена
 Отъ сладостныхъ забавъ она;
 Власы разсѣянны сбираешъ,
 Обманъ ей краски выбираешъ,
 Чтобъ ими прелестъ замѣняшъ.
 Она своимъ горящимъ взоромъ,
 И сладострастнымъ разговоромъ
 Еще спаравшся плѣняшъ.

* * *

Во храмъ, гдѣ копая гробы
 Покрывши пѣною успа,
 Кривя вѣсы по волѣ злобы,
 Даешь законы клевѣша;
 И ризой правды покровенна,
 Честей на тронъ вознесенна,
 Ласкаешь люшаго жреца;
 Онъ злашомъ правду оцѣняешьъ,
 Невинность робку упѣсняешьъ,
 И мучишъ злобою сердца.

Се путь изрыпый пропастями
 Устьяи множествомъ цвѣтовъ,
 Куда влекомыс спрастями,
 Подъ мнимой прелестью оковъ,
 Идуиъ несчастны человѣки
 Вкусишь оправъ пріятныхъ рѣки,
 И чувствы въ оныхъ погубя
 Въ ужасны пропасти ввергатсья,
 И жаломъ совѣсти терзансья
 Низринувъ въ гибели себя.

М. Крауди.

ПОКАЯНИЕ,
Сочинение Краудиа.

Долгое время живучи въ свѣтѣ и угощая
 свое му непреодолимому желанію писать,
 выдалъ я множество долгихъ книгъ моей
 работы: укоряли меня многіе, и какъ я
 воображалъ, что это было изъ зависи,
 что во всѣхъ подъ моимъ именемъ изда-
 ніяхъ нѣшь ни здраваго смыслу ни связи;
 но я презиралъ шаковую молву и смеялся
 моимъ зависщикамъ. Имѣ ли находишь
 смыслъ шамъ, тѣль я самъ его не отвѣски-

валъ. Голова моя набиша была тѣмъ высо-
кимъ о себѣ мнѣніемъ, чио чѣмъ непоняш-
нѣе сочиненїе, тѣмъ болѣе должно имѣти
къ нему уваженія. По злосхи ли моего
сердца, или по другому чесму, я внутрен-
нее находилъ удовольствіе мучить чиша-
щеля за его ко мнѣ снизхожденіе, чио онъ
принимался за мои сочиненія и за его ду-
рачесство, чио онъ за нихъ плашилъ день-
ги. Нѣкогда вооружился я прошиву всѣхъ
чишателей намѣреніемъ издать безчислен-
ное число томовъ всѣхъ изданныхъ моихъ
сочиненій, умножа, поправя и вновь просмо-
тря, да прибавя къ нимъ еще въ десятеро
новыхъ произведеній мося неупомимосши.
Уже я восхищался мысленно, чио типографы-
щики, книгопродацы и всѣ чищатели из-
рекутъ на меня бѣздну проклятій; отъ
сего сладкаго воображенія объялъ меня сонъ,
который удержалъ меня отъ знаменитаго
моего намѣренія; онъ разпросиранилъ ужасъ
въ душѣ моей; и я уже на вѣки отрицаюсь
отъ ремесла писать, и въ послѣдній разъ
рѣшился помучить чищателя начершаніемъ
сна какъ причины къ моему покаянію и са-
мымъ покаяніемъ.

Часть II.

Д

Приснилось мнъ, будышо я лежу возль горы Парнаской въ болошъ: во кругъ меня накладены превеликія горы печанной бумаги мосто произведенія. Я было возхитился опъ сего видѣнія; но увы! я увидѣлъ что на всѣхъ бумагахъ ничего нѣшъ кроме моего имени, точекъ, запятыхъ, вопросительныхъ и тому подобныхъ . . . гдѣже дѣлалися слова, спросилъ я самъ себя ? . . . вдругъ всякий листъ засипеналъ и произвелъ страшный на меня вопль . . . Мучитель! закричали они болѣзненнымъ голосомъ, и ты еще осмѣливаешься о томъ спрашиватъ. Несчастная та бумага, которую ты два раза мучилъ смертельно неисыпимою швою яростію обкрадывать всѣхъ сочинителей на свѣтѣ. Сперва стенала я въ пинсахъ тебѣ подобнаго въ злости типографщика, и сколь ни шажко мнъ было опъ его давинельной руки, но я бы довольна была, еслѣлибы онъ давилъ меня не произведеніями швоего пера: нѣшъ заключенія ужасные, когда оное сверхъ страданія обременяешь еще и справедливымъ спыломъ шернища: а швое проклятое перо произвело сие со мною. Я думала послѣ всѣхъ

страшныхъ мученій успокоиша зѣбышою отъ всего свѣта въ книжныхъ лавкахъ или въ библіопекахъ тѣхъ смершныхъ, кошорые ищеславяліся великимъ количествомъ своихъ книгъ, а чишасть ихъ ставяще себѣ въ порокъ; но къ усугубленію моей напа-
ши лавошники продавали меня однимъ ша-
башникамъ и я лишена была и шого горе-
стнаго удовольствія по причинѣ твоихъ
сочиненій, чтобъ хотя въ меня конфекты
завершывали. Признаться, это иѣсколько
ушѣшало менѧ, что шабакъ завершываемый
во мнѣ имѣлъ иѣкоторое сходство съ швои-
ми сочиненіями; ибо я была у шабашни-
ковъ самой низкой спаши, кошорые для
крѣпости и лучшаго запаху мѣшали въ него
золу, извесь и вѣнишный листъ. Нако-
нецъ доспигла было я до совершеннаго
спокойствія, ибо ни кто не спалъ поку-
пашь и шабаку завернушаго въ твоихъ со-
чиненіяхъ . . . какъ вдругъ велѣніемъ все-
сильнаго Апполона собрана я сюда для
большаго и жесточайшаго еще мученія.

Обезображеные въ покражѣ твоей сочи-
нишили, пошерявъ долготерпѣніе убѣдили
сего Бога учености, чтобъ позволилъ онъ

всякому свое изъ меня вырвать . . . съ чѣмъ
 можешъ сравнишь мое мученіе, когда на
 каждую страницу напало по десяти авшо-
 ровъ. Предспавь ты себѣ того смертнаго,
 который мучится ежеминутно угрizeniemъ
 совѣсти по причинѣ нажитаго имъ имѣнія
 Беззаконно: онъ имъ не пользуется, сердце
 его беспреспансно трепещетъ представляя
 ему шѣхъ несчастныхъ, у коихъ хищеніемъ
 умножилъ онъ свои прибылки, и каждая
 нажитая неправильно имъ копейка грозитъ
 ему неумолкно наказаніемъ: чтожъ бы онъ
 тогда почувствовалъ, если бы всѣ стали
 у него отбирать свое? Я точно была въ
 такомъ же положеніи. Безжалостные со-
 чинишили вмѣсто тогого, чтобъ имъ от-
 ступиться отъ своей собственности при
 безобразномъ ея видѣ вышедшемъ изъ шво-
 ихъ рукъ: нѣшъ, они хотя и ужаснулись
 при первомъ взглядѣ, но топъ часъ вошедъ
 въ себя вырвали изъ меня все до послѣдней
 буквы и я оспалась въ семъ едва шѣнь су-
 щеслава моего преставляющемъ видѣ . . .
 оспалась проклинать тебя до шѣхъ поръ,
 пока шлѣни и черви не прекращашъ горе-
 спнаго моего на свѣтѣ пребыванія.

Ни кто представить себѣ не можетъ съ какимъ неудовольствіемъ я все сіе слушалъ... какъ! закричалъ я, да гдѣ же за глави... по крайней мѣрѣ въ нихъ ни кто укориши менѣ не можешъ; онъ мои... бумага ни какого ошвѣту мнѣ не дала, за чи то пуще я взбѣсился и намѣренъ былъ всю ся изодрашь въ мѣлкіе лоскуточки; но вдругъ полился на менѣ дождь свинцовыхъ буквъ, коими были набиранны краденыя мною сочиненіи, къ которому присовокупились укоряющія менѣ крики обокраденныхъ мною сочинишелей; сіи крики показались мнѣ ужаснѣе самаго грому; а буквенный дождь избилъ менѣ такъ, что я проснулся ошѣ несперимой боли... я чувствовалъ боль во всѣхъ моихъ членахъ; а поражающій голосъ бумаги и сочинишелей остался во мнѣ впечатлѣннымъ... долгое время не рѣшился, что мнѣ дѣлашь; но совѣсть моя принудила менѣ покаяніемъ загладить воровство мое; съ швердымъ обѣщаніемъ впредь никогда не красиль... едва я вознамѣрился къ сему, то почувствовалъ нѣкоторое внушеннное успокоеніе.

Должно мнѣ напередъ сказатьъ, что все-лило въ меня охоту писать: нельзя пристраститься къ писанію не учась, слѣдовашельно и я учился. Грамматика мнѣ была понятна; но рицорика и спихотворство были какъ для меня, такъ и для учившаго моего камнемъ прешыканія: не должно забыть здѣсь, что учитель мой былъ Французъ, который спарался болѣе всего научить меня произношенію Французскому: а о красноречіи всегда мнѣ говоривалъ, что въ здѣшнемъ холодномъ климатѣ его красноречіе замерзло, которое онъ намѣренъ разогрѣть возвратясь во Францію Россійскими деньгами; онъ читалъ мнѣ наизусть множество Французскихъ спиховъ, и заставлялъ не зная по чему возхищаться ихъ красопами; онъ увѣрилъ меня, что для сочинителя подражаніе необходимо; онъ увѣрилъ меня печатными Французскими книгами, что и самые славные Французскіе авторы обкрадывали Грекію, Лапти, Испанію и Англію; отъ чего родилась во мнѣ смершная охота обкрадывать всѣхъ, кто мнѣ на глаза попаденся. Все что я ни читалъ, ни что не ушло отъ моего пера.

Во первыхъ началъ я обкрадывать Францу-
зовъ; но какъ сильное знаніе мое во Фран-
цузскомъ языкѣ или весьма мало, или со-
всѣмъ ни чего не понимало, то я думалъ,
что кражи мои больше походили будеиъ
на мою выдумку, въ чемъ я весьма обма-
нулся по шому, что читатели сполько же
мсѧ не понимали, сколько я не понималъ
тълъ, откуда что я бралъ. За то я имѣлъ
удовольствіе писать весьма проспранно, и
всякое мое сочиненіе, какого бы оно роду
ни было, являлось съту во многихъ шо-
махъ. Вздумалось мнѣ однажды написать
комедію въ пяши шомахъ и ужасно хотѣ-
лось, что бы ее представили на театръ.
Не могу и теперъ удержаться отъ бѣшен-
ства, которое произвелъ во мнѣ актеръ,
которому я намѣренъ былъ прочитать ея;
на сей конецъ было съ нимъ и познако-
мился и въ назначенный день привезъ къ
нему мою комедію на дровняхъ, двое слугъ
внесли ея къ нему на рычагъ просунувъ его
сквозь веревку, коей была она связана, и
сдва на нее взглянуль актеръ то запрясся
отъ ужаса . . . Неужели это одна шоль-
ко комедія ваша? Да, отвѣчалъ я гордо . .

признайся, что ни накакомъ шеатръ въ свѣтѣ подобной небывало . . . Актёр замѣялся и не хотѣлъ ея читать, за что я опровергши мою комедію домой на тѣхъ же дровняхъ, писалъ множества на него эпиграммъ и разкидывалъ ихъ по партеру и всегда, когда онъ игралъ на шеатрѣ, собираясь я не малое число шикаловъ дабы уронить его и всегда спарался помѣшать, когда ему рукоплескали. Въ сей комедіи я помѣстилъ все, что я ни читалъ шеатраль-наго; я неспустилъ ни Траяну и Лидѣ ни Сакмиру; я читалъ много содержаній ба-лестовъ и описанія декорацій и шо все по-мѣстилъ въ мою комедію и сколь она ни длинна, но я всегда прочищывалъ ее од-нимъ присѣспомъ и съ опмѣннымъ удоволь-ствіемъ. Этаго не довольно; я былъ одна-жды у одного автора, который собирался писать комедію; и какъ авторы всѣ имѣ-ютъ спросить, читать свои сочиненія вся-кому, кого только имъ поймашь удастся; а сей и ничего еще не написавъ рассказалъ мнѣ все содержаніе и лучшія мѣсца въ бу-дущей своей комедіи, я пришедъ домой и безъ угрызенія совѣсти не замѣдлилъ помѣ-

спиши все слышанное въ свою готовую комедію; одно было мнѣ досадно, что я принужденъ былъ ее съ нова переписывать... переписывать это было мнѣ гораздо труднѣе, нѣжели сочинять. Но какъ сей комедіи не было ни въ представлениіи ни въ печати, то я и написалъ обѣ ней для шого чѣобъ очишишь писательную мою душу предъ тѣми, которыхъ я имѣлъ удовольствіе мучиши членіемъ оной.

Развсѣбѣшснъ будучи неуспѣхомъ моей комедіи, рѣшился я написать трагедію подъ названіемъ чинецъ: намѣреніе мое было мориши моихъ героевъ не ядомъ и не кинжаломъ; но всѣхъ ихъ зачишашь до смерти; я было обрадовался, что мысль сїя новая, однакожъ я увидалъ въ одной Французской комедіи, что спарикъ сошедъ съ ума на сочиненіи, едва неуморилъ членіемъ шесшиакиной своей трагедіи молодаго человѣка; эшо мѣсто шакъ мнѣ понравилось, что я хотѣлъ запмити покражу расположениемъ моей трагедіи на двенадцать дѣйствій: но и тушь вышесказанный актеръ въ представлениіи оной мнѣ помѣшалъ; а я было подрадѣлъ ему въ ней первую роль. Успѣхъ

былъ бы несомнѣнныи: ибо я самъ окончавъ се и прочитавъ до половины упалъ въ обморокъ, ошъ копораго служанка моя крѣжими спиршами едва привела меня въ память. Какъ бы славно я описалъ моему недоброхоту актеру, если бы моя трагедія была удостоена къ представлению! Не могу по сю пору надивиться что за люди актеры: имъ показалось трудно учить роли, а я увѣренъ въ душе моей, что въ моей трагедіи не было ни одного спиха, копораго бы они разъ по сцу исчили на шеапръ въ разныхъ трагедіяхъ.

Таковыя неудачи отвратили меня совсѣмъ отъ писанія для шеапра, и я принялъся за оды: первая ода была мною выкрадена изъ Ломоносова, я не успѣхъ брань цѣлыми строфами переспавъ переднѣе стихи назадъ, а заднѣе на передъ, отъ чего смыслъ выходилъ совсѣмъ ноѳый, я тоже самое дѣлалъ и со строфами. Я сюю оду поднесъ одному барину, на пожалованіе его въ чинъ. Баринъ не чипавъ ся подарилъ мнѣ сто рублей, что весьма меня ободрило, и вотъ первое мое извореніе, которое я предалъ печати. Четвертую часть по-

дарка содралъ съ меня варварски типографицѣ за печать: а осипальными деньгами я нѣсколько поправился: ибо въ то время такъ я издержался на бумагу, что я стоялъ одной ногой при дверяхъ нищеты. Теперь пришло мнѣ на мысль, какій бы это смѣшній былъ нищій, кошорой бы спалъ просить: подайше милоспѣнно промошавшемуся на бумагу сочинителю!

Обрадованная музъ моя внушила мнѣ стихотворную свою полинику, кошорая состояла въ томъ, чтобы я отыскивалъ поминупно богатыхъ имянинниковъ, и я не пропускалъ ни одного безъ оды и всѣ оныя печатали и преимущеспенно тѣ, за кошория давали мнѣ деньги: года съ полшора я торговалъ одами весьма удачно, какъ вдругъ одно несчастіе изшребило во мнѣ охочу къ одамъ.

Въ одинъ день многіе достоинные люди получили награды за свои услуги къ ощесипву: я ни мало не выправляясь кто за какія услуги награжденъ, рѣшился въ одинъ вечеръ всѣмъ имъ написать по одѣ. Жаркое мое воображеніе обѣщавало мнѣ, что я сберу весьма хорошую съ нихъ подашь при-

нялся я марать бумагу. Но увы! въ испо-
щенномъ моемъ мозгѣ я ничего не нашелъ:
всѣ сочиншели мною уже были обокраде-
ны. Что дѣлать? Иный бы на моемъ мѣ-
стѣ спалъ въ шупикѣ; но храбро писа-
тельное мое сердце шотъ часъ нашло мнѣ
пособіе въ семъ трудномъ для меня обстоя-
тельствѣ: я схватилъ всѣ мои прежніе
оды и выписалъ изъ каждой по строфѣ,
отъ чего составилась преогромнѣйшая ода,
съ которой я велѣлъ списать рукѣ въ де-
сять списки и понесъ къ каждому новопо-
жалованному по списку . . . сперва мнѣ да-
вали деньги, и я обходя дома чешыре спѣ-
шилъ въ радосномъ восхищенїи къ пятому,
тдѣ! о ужасъ, я нашелъ того, у котораго
уже я былъ съ одою, и къ несчастію моему
хозяинъ спалъ читашь мою оду, а гость
прѣхалъ къ нему прочитавъ уже оную.
Пускъ всякий представитъ себѣ что чпо я
тогда чувствовалъ, когда оба сїи господѣ
смѣялись надо мною изо всей мочи. Нако-
нецъ дѣло рѣшилось тѣмъ, что мнѣ тушъ
ничего не дали, а хозяинъ спросилъ у госпя,
чио онъ мнѣ далъ? И услыша о суммѣ обѣ-
щаѣ ему заплашишь половину сказавъ

смѣючись: несправедливо тебѣ одному пла-
шишь за оду, которая написана для насъ
обѣихъ. Я отъ стыда не зналъ куда дѣ-
ваться, поклонился и вышелъ воинъ; а всѣ
тутъ бывшіе проводили меня громкимъ
смѣхомъ.

Ономнившись на улицѣ первое мое дѣло было
проклинать этотъ неудачный случай и я
уже поопасся ити въ другіе дома, чтобъ
не случилось подобной встрѣчи. Въ самое
то время пришло мнѣ въ голову, что одинъ
богатый откупщикъ именинникъ, кошорый
по глупости своей никогда не разумѣлъ
моихъ одѣ, хотя и читалъ ихъ пьяный;
но по тщеславію своему, всегда мнѣ пла-
шилъ за нихъ щедро. Осталось еще у меня
довольно списковъ съ несчастной моей оды,
и я выбравъ на улицѣ, кошорый изъ нихъ
покрасивѣе списанъ пошелъ къ откупщику.
Едва я подошелъ къ его воротамъ, какъ вин-
ный запахъ возвѣстилъ мнѣ, что во всемъ
его домѣ пахнетъ именинами. Я взлѣтѣлъ
къ нему на крыльцо и увидѣлъ его въ сѣ-
няхъ въ халашѣ и уже въ полпьяна; мно-
жество разныхъ людей сушились по его
приказаніямъ и все доказывало, что сего

дня въ его домъ будешь пиръ горой . . .
я поднесъ ему мою оду; онъ принялъ ее
съ лицомъ веселымъ, повелъ меня въ гор-
ницу и спросилъ по стакану пунчику по
крайче. Съ двашашь человѣкъ бросилось
исполнять его приказаніе, но пуншу болѣе
чата не подавали, между тѣмъ откупщикъ
заспавилъ меня чишаши мою оду, и сколь
ни глупъ онъ былъ, а сказалъ мнѣ по про-
шени, что онъ не помнитъ гдѣ та чи-
шаль похоже; я ему оправдалъ, что ода
новая и нарочно писана для его именинъ.
Не знаю, что сдѣлалось съ откупщикомъ,
что онъ сталъ скучъ и началъ со мною
торговаться; вотъ и почныя слова его :
благодаренъ Государь мой ! вы уже нѣ-
сколько лѣтъ не пропускаете моихъ имя-
нинъ, и я прежде планилъ вамъ безъ тор-
ту: а это въ купеческомъ бышу не водится;
такъ не угодноли вамъ взять за эшу дваш-
ашь пять рубликовъ и по ассигнацію :
нынѣ, ей ей, на серебро промѣнѣ дорогъ . . .
удивленъ сими словами, я сказалъ ему, что
я не для денегъ это дѣлаю, а единственно
изъ моего къ нему усердія . . . добро, Го-
сударь мой! за усердіе быть такъ, за усер-

діе ваше прибавлю еще пять рубликовъ,
больше копейки не дамъ; си си, дорого . .
подождите меня здѣсь я вамъ вынесу эши
деньги; нынче у меня гостей будешъ мно-
го, хозяйка печеиъ пироги, такъ эта бу-
мага пригодится ей подъ пироги, и я за спо-
ломъ нынче могу похвастать, что пироги
у меня печены на тридцати рублевой бу-
магѣ; онъ вспалъ и ушелъ онъ мнѧ; а я
остался въ неизреченной досадѣ, и едва
могъ упѣшишься ожиданіемъ тридцати
рублей . . . Но чѣмъ вышло ? . . Когда
судба на кого возстанеиъ и рокъ ожесто-
чился ! Нечаянныи случай лишилъ меня и
этихъ тридцати рублей. Исполнители
правосудія входяиъ къ откупщику и бе-
руши его подъ стражу за какое ша его плу-
щовство и за воровскій провозъ безпошли-
ныхъ товаровъ, жена и дѣти его заплакали
и у самаго откупщика полилось вино изъ
глазъ . . . Я негодуя на сихъ жестокихъ
людей сказалъ самъ себѣ, чтобъ имъ пого-
дишь часа два я бы успѣль взять у от-
купщика деньги . . . а по томъ пускай
бы они дѣлали съ откупщикомъ что хо-
тили.

Досадуя на свою участь я далъ себѣ клятву дома, чтобы впредь и не думашь обѣ одахъ; радъ радъ, что хотя въ первыхъ четырехъ домахъ удалось мнѣ получить рублей до двухъ сомъ. И такъ взялъ я свою комедію, трагедію и все оды и перемѣшивъ ихъ вмѣстѣ составилъ изъ нихъ преогромный романъ, кошорый я продалъ книгопродавцу на вѣсъ и сїе не успѣли опечатать первого листа, какъ я тошъ же романъ продалъ другому книгопродавцу въ Москвѣ, и я думаю, что оба они получили великий барышъ, знаю только то, что я сїа не попался въ словесный судъ: когда сїи книгопродавцы между собою поссорились публиковавъ въ одно время въ вѣдомостяхъ о продажѣ моего романа.

Я въ удовольствїе ихъ написалъ ихъ ссору спихами, и всяческими спарался сѣхъ сѧ смѣшие; доказательствомъ тому, что я выбралъ сѧ всю изъ раздраженного Вакха или Елески, и признаюсь надобно, что изъ всѣхъ моихъ сочиненій я никогда такъ не смѣялся, какъ читая эти спихи.

Вздумалось мнъ писать эпиграммы — Пиплієрова граммашика попалася мнъ тогда въ руки, и я всю ея переложилъ въ спихи; не выключая склоненій и спряженій; рифмы же выбралъ я изъ Сумароковыхъ прагедій, и ей ей, сїе сочиненіе было у меня изъ лучшихъ. И одинъ довольно зажищочный крипикъ не успыдился мнъ въ глаза сказать сапишу, которую я, пока живъ, не забуду. Я приходилъ иногда къ нему совѣтоваться о сочиненіяхъ, и думалъ, что онъ всегда подавалъ мнъ чистосердечные совѣты; но послѣдній увѣрилъ меня, что онъ шолько чио надо мною смѣялся. Я ему сказалъ: Государь мой! дайшс мнъ совѣтъ я все переложилъ въ спихи, чио мнъ ни вспрѣшилось, тиенерь уже не знаю, чио перекладывашь . . . онъ указалъ мнъ у себя на дворѣ поленницу дровъ . . . вошъ какое множесшво оспалось еще, чио вамъ перекладывать! я взбѣсился; а онъ смѣялся надо мною.

Послѣ того я рѣшился ни съ кѣмъ не совѣтоваться, принялъ за всѣхъ сочинишней на свѣтѣ, ломаль и коверкалъ ихъ по своей волѣ и написалъ сполько, что самъ

себѣ по сїю пору надивицѧ не могу, какъ меня спало на эдакую пропасть. Я писалъ поемы, сапиры, речи, стансы, эпиполамы, мадригаллы, дифирамбы . . . но признаюсь по чистой совѣсти, что и по сїю пору не знаю какое содержаніе оныхъ заглавія вмѣщающа въ себя должны . . . и мнѣ кажется, что эпиполамы должно писать на погребеніе, эпипафїи на свадбы, мадригаллы на разлученіе любовниковъ, стансы на осмѣяніе пороковъ; а сапиры на похвалу добродѣтели.

Множество я написалъ криптическихъ, сапирическихъ, политическихъ, ямбическихъ и всякихъ ическихъ разсужденій, но никогда я не касался ни до учености ни до правописанія; ибо Французы мой учитель не зная никакого на свѣтѣ языка учили меня Россійской грамматикѣ, и могу сказать смѣло къ чести моей что я обкрадываю разныхъ сочинителей умѣль обмануть и самаго Апполона; ешьми онъ приказывая сдирать съ бумаги чужie слова велѣль осшавить точки и запятыя, почти ихъ произведеніемъ моимъ, по весьма ошибся въ своемъ мнѣнїи; ибо я кралъ и съ точками

и запятыми: правда слова я переворачивалъ: а почки и запятыя всегда осинавлялъ на ихъ мѣстахъ точно шаковыми, каковы онъ были.

Вотъ испинное и чистосердечное мое покаяніе: а чтобы о чистить мою совѣсть, опѣвъ всѣхъ писательныхъ грѣховъ: что я долженъ сказать, хотя прошилъ моей воли, что и въ семъ покаяніи нѣшъ ни одного моего слова; а все выкраденное.

Написавъ сїе и ушвердивъ кляпвою во вѣки не марашь бумагу, я положилъ шептадль мою подъ голову и уснулъ спокойно. Опяшь увидѣлъ я во снѣ, что я лѣжу въ шомъ же болошѣ; но бумага моя уже молчала и начинала соплѣвать и рѣшеніемъ Апполлона опредѣлена она въ пищу несѣкомымъ. Я обрадовался сему явленію оборотился на другую спорону и увидѣлъ въ дали мучимаго музыканша, который подобно мнѣ обкрадывалъ всѣхъ капельмейстеровъ съ шою только разносшію, что онъ былъ во спо разъ меня богатѣ и лежалъ хотя въ шомъ же болошѣ; но въ шифономъ холашъ и на премяткомъ пухо-

викѣ; во кругъ его находилось множество
ушей его укоряющихъ, которыя онъши-
ранилъ своею музыкою и за сїе бралъ съ
нихъ огромныя суммы денегъ. И ему ве-
лько написать покаяніе подобное моему на
ношахъ, жаль только, что я его не услышу;
а то всякая напасть бываетъ гораздо сно-
снѣс, когда человѣкъ находитъ въ злополу-
чии своеемъ шоварищей.

Особы подпісавшіся на сїє изданїе
въ Маїе мѣсяцѣ.

Въ Са́нкти́спе́рбургѣ.

Въ Библіотеку Эрмішажа ЕЯ ИМПЕРА-
ТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Его Высокородїе Александръ Васильевичъ
Солтыковъ.

Его Высокоблагородїе Николай Софроновичъ
Шубинъ.

- - Яковъ Федоровичъ Дубянскій.
- - Пешръ Ивановичъ Макаровъ.
- - Пешръ Александровичъ Озеровъ.
- - Федоръ Андрѣевичъ Шулеповъ.
- - Гаврило Федоровичъ Шиловскій.
- - Романъ Ивановичъ Габлицъ.
- - Николай Никиничъ Муромцовъ.
- - Ирина Яковлевна Хлѣбникова.
- - Иванъ Ивановичъ Репинъ.

Его Благородїе Федоръ Яковлевичъ Репнин-
ской.

- - Евграфъ Ивановичъ Сибилевъ.

Его Благородие Захаръ Николаевич Посниковъ.

- - Василій Михайловичъ Быковъ.
- - Николай Михайловичъ Карамзинъ.
- - Иванъ Ивановичъ Дмишріевъ.
- - Пешръ Алексѣевичъ Бабанинъ.

Алексѣй Яковлевичъ Жадимировскій.

Авдотья Михайловна Михайлова.

Козьма Ивановичъ Гамбуровъ.

Никиша Семеновичъ Марковъ.

М. П. К.

ВЪ МОСКВѢ.

Его Высокоблагородие Дмишрій Алексѣевичъ Безобразовъ.

*Его Благородие Алексѣй Андрѣевичъ Всево-
лоцкій.*

ВЪ КОЗЛОВѢ.

*Его Превозходительство Степанъ Данило-
вичъ Жихаревъ.*

ВЪ ХОЛМОХОРАХЪ.

*Дворцовой крестьянинъ Степанъ Машве-
вичъ Негодяевъ.*

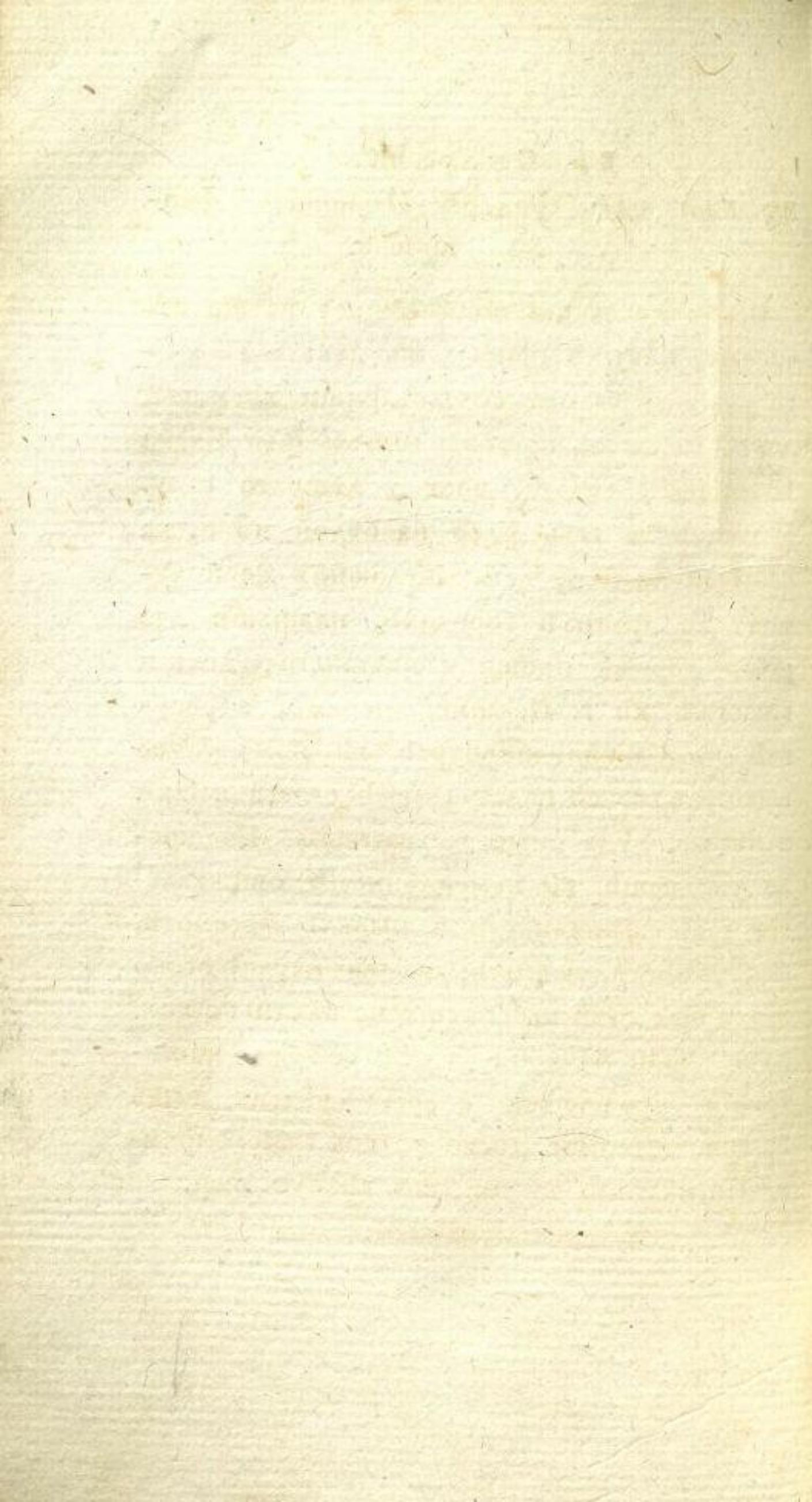
ВЪ КАЗАНЬ.

*Его Высокоблагородие Пешръ Ивановичъ
Вѣшияковъ.*

ВЪ Сызранъ.

Его Благородіе Федоръ Ивановичъ Дми-
тріевъ.

Особы желающія подписатьсь на сїе сочиненіе, могутъ присылать деньги въ типографію Крылова съ товарищи въ новой домъ Его Высокопревозходищельства Ивана Ивановича Бецкаго, что у лѣтняго саду. Платятъ за весь годъ на бѣлой по 6, на простой по 5 рублей. Желающія же получать въ другихъ городахъ, платяще два рубли дороже пропису здѣшнего; деньги вносятъ къ г. Почтмейстерамъ, адресуя ихъ въ Санктпетербургъ въ помянутую типографію, съ надписаніемъ своего имени и мѣста, куда оные доспавлять. Издали увѣряють въ немедлѣнномъ оправлѣніи какъ вышедшихъ чеширехъ мѣсяцовъ, такъ и послѣдующихъ; каждый мѣсяцъ особо продается безъ переплета на бѣлой 60 коп. на простой 50 коп. — Въ сей же типографіи продаются оперы: рѣдкая вещь 80 коп. Діянино древо 70 коп. Мелодрамма Пигмаліонъ 20 коп. всѣ въ бум. пер.

ЗРИТЕЛЬ

ежемѣсячное изданіе

1792 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.

въ типографїи И. Крылова съ товарищи.

О Д О Б Р Е Н И Е.

Напечашаши позволено отъ Упрацы благочинія
Іюня 18 дня 1792го года. Коллежскій Совѣтникъ
и отправляющій должностіи Сanktпeterбургскаго
Полицеймейстера

Андрей Жандъ.

Мѣсяцъ Июнь.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕТРАРХУ.

* * *

Брега, на коихъ дарагая
Почишь любила въ жаркій часъ;
Пещера свѣжа и проспая,
Услышьше вы еще мой гласъ!
Петрархъ древесною подъ тѣнью
Во спонахъ изливаешь духъ;
Къ его послѣднему вы пѣнью
Внимашельный склонишь слухъ.

* * *

О мирша! ты насъ осѣяла,
Когда красавица моя
Мой жаръ усмѣшкой награждала,
И восхищала тѣмъ меня.

Частъ II.

Ж

Источникъ чистый, надъ тобою
Я ласки первыя вкушалъ;
Съ твоей днесъ шомною волною
Слезу послѣднюю я смышалъ.

* * *

Съ бесѣдки вѣчви сорывала
Лаура плаща вѣ огнѣ,
Вѣнецъ любви она сплемала;
Вѣнецъ и нынѣ сей на миѣ.
Бесѣдка! подъ твоимъ покровомъ
Пестрархъ желастъ умереть:
Лишь бы вѣ мученіи суровомъ
Духъ могъ скорясъ излѣшъ.

* * *

Когда ты блескомъ окружена
Опкрыша смертнымъ будешь всѣмъ;
Когда любовью обновленна
Ей будешь лучшимъ олтаремъ;
Тогда сюда, гдѣ умираю
Сраженный лютою щоской,
Придешъ Лаура . . . и, я чаю
Цвѣты на гробъ посыплю моя.

А. Буфф.

* * *

И М И Н Ъ В Е Н Е Р Ъ,
 съ французскаго вольнаго перевода
 изъ Сафо.

* * *

О ты ! волной произведенна,
 Меня учивша нѣжно пѣть,
 Храмъ коей цѣлая вселенна,
 Богиня спавяща намъ сѣть,
 Венера ! съ шверди коль небесной ,
 Склоня къ моей ты лирѣ слухъ ,
 Улыбкой награждала лесной
 Тебѣ мой рабствующій духъ ;
 Коль видя то , что я курила
 На олтарѣ твоемъ фирмамъ ,
 Ты съ прона воздушна сходила
 Къ моимъ внимашельна мольbamъ ;
 Приди шеперь , приди ты снова :
 Нужна твоя мнѣ нынѣ власить ;
 Меня поска грызешь сурова ,
 И безъ тебя должна я пасить .
 Давно , въ яншарной колесницѣ ,
 На парѣ нѣжныхъ голубей ,
 Красой подобная денница ,
 Явилась Сафѣ ты своей .

Тутъ вѣрнымъ пилицамъ повелѣла
 Чтобъ удалился онъ;
 Со мной тогда на правку сѣла,
 Съ усмѣшкой ты вѣщала мнѣ:
 „Скажи, чего твой духъ желаетъ,
 „И все исполню я пощасъ.
 „Томуль дашь счастье, кто вздыхаешь
 „Съ успѣхомъ ошъ твоихъ заразъ?
 „Тоголи наказать, кто въ спрасити
 „Къ тебѣ пылая измѣнилъ?
 „Иль чтобъ твоей подверженъ власши
 „Твоихъ красотъ презирисъ былъ?
 „Кто пламень твой пренебрегаешь,
 „Сразится спрастью и тоской,
 „И коль тебѧ онъ убѣгаешь,
 „Самъ будешъ бѣгать за тобой.
 „Коль твой любовникъ вѣроломный
 „Съ шобою сладки узы рвешъ,
 „Онъ пивой услышавши гласъ томный,
 „Обрашно сердце принесешъ.
 „Но если жаръ чистосердечной
 „Палишъ его къ тебѣ одной,
 „Тогда, о Сафо! цѣпью вѣчной
 „Я сопрягу его съ тобой. „

Приди опять, любви царица,
И свой завѣтъ ты совѣриши;
Да приведешь твоя лесница
Ко мнѣ царя моей души.
Да придешъ сей сюда невѣрный,
Нося взаимный жаръ въ крови;
Да весь мой мракъ разсѣявъ черный,
Мнѣ въ вѣчной клятву дашъ любви.

A . . . B . . .

НОЧИ.

(Продолженіе.)

Когда такимъ образомъ оспавленный одинъ въ темной комнатѣ размышлялъ я, которой бокъ выгоднѣе подспавить непрѣятелю, еспѣли появившися каменной градъ; то услышалъ, что дверь пихонько отворилась, и женщина легкая какъ самой Зефирѣ приблизилась ко мнѣ оспорожными шагами. Милой и невѣрной Вершушкинѣ, говорила она пихонько, схватя меня за руку измѣнникъ! ты которой и самою своею вѣтреною умѣешь къ себѣ привязать, смотри какой опасносши я для тебя подвергаюсь. И

когда же! въ самую ту минуту, когда ты
мне измѣняешь, я шею жертву своимъ
спокойствиемъ . . . и именемъ. Хочу го-
ворить съ тобою съ тѣмъ, что бы разбра-
ни шея разсташься съ тобою на всегда и
чтобы обезоружить опасные твои глаза
нарочно приготавляю явленіе ешо въ тѣм-
нощь, уже я думала что ты обезоруженъ;
но ахъ! лишь только коснулась до тебя,
какъ чувствую, что пріятное мленіе обѣ-
емлеть всѣ мои члены. Ноги мои подги-
баются я дрожу — любезнай повѣса! ахъ!
я чувствую, что въ твоей волѣ не говоря
ни слова, получить отъ меня прощеніе,
при сихъ словахъ она своими мягкими и
нѣжными руками скимала крѣпко мои руки;
я чувствовалъ что слабое препятствіе от-
нимало все ее силы; она оперлась на меня,
и конечно не сдержала бы себя на ногахъ,
еслибы я не поддержалъ ее обхватя тон-
кой и спройной спанъ ее моими руками —
сердце ее билось изовсей силы и мое ош-
вѣчало ему подобнымъ препятствіемъ —
пламенная грудь ея то опускаясь, то воз-
дымаясь до моихъ устъ, изображала смущенное
состояніе ее души — мое вообра-

женіе довершало начертывашь соверши-
сиза сей женщины, коя прелестями во-
вхіщалася я по одному осязанію. Я не знаю,
какимъ образомъ то сдѣлалось, горящія
усы наши сплеились. И кажется другъ у
друга занимали дыханіе — оно перерыва-
лся безпорядочными вздохами мы уже дыша-
ли другъ другомъ, но все еще казалось
нѣчто наскѣ раздѣляло — сердца наши от-
вѣчая другъ другу согласнымъ шепета-
ніемъ соспавляли одно сердце, кошорое
разливало по нашимъ жиламъ одинъ огонь
и одинакія чувствованія. Постой, что хо-
чешь ты начать? Сказала мнѣ смущенная
моя незнакомка — никогда любопытство
женщины не было болѣе не кѣ спашѣ, какъ
въ сей разъ. Ахъ сударыня! шепталъ я ей
тихонько — развѣ не знаете вы мою спра-
шную любовь — повѣса! ошивѣчала она мнѣ,
ты все шакъ же запрометчивъ и вѣтренъ:
или позабылъ ты, что въ сосьдней комна-
щѣ спитъ мой мужъ, которому можешь
легко показаться подозрительнымъ наше
свиданіе, и хотя при всей своей молодо-
сти и пригожествѣ онъ менѣе пятидесяти-
лѣтнева спарика въ правъ жаловаться на

невѣрносѣй жены; совсѣмъ тѣмъ сѣ удовольствіемъ выброситъ за окно тово, кто вздумаешь бысть сво Созіею, ясиѣ тебѣ сказать: мужъ мой изъ числа тѣхъ причудливыхъ заикъ, которые на муку своимъ слушашелямъ, хотя по три часа заикаются надъ всякимъ словомъ, но совсѣмъ тѣмъ сердятся ешьли кто вздумаешь за нихъ изъяснишься; и такъ ты долженъ меня оставилъ, и пускъ будешъ ешо служить наказаніемъ за свою ко мнѣ измѣну. Судариня! неужли вы такъ мстительны — о конечно! или ты думаешь что твое дураческво должно осталися безъ наказанія; повѣрь что нѣтъ: я рѣшилась до завѣренной ночи на тебя сердинься. И такъ ешьли ты хочешь сдѣлать со мною миръ, то будь завтра въ маскарадѣ въ бѣломъ доминѣ, въ полной черной маскѣ и въ перчаткахъ шогоже цвѣту и когда увидишь шамъ въ такомъ же приборѣ мущину, то подходи смѣло къ нему: ешо буду я; а чтобъ избавиться отъ всякой опасности, то мы поѣдемъ къ тебѣ ужинать и заключимъ тамъ торжественной миръ — но вашъ мужъ? — О мой мужъ такъ много занялъ

въ свѣтѣ, что онъ и за шѣмъ несмотряшъ, что самъ дѣлаешъ; такъ ты можешь повѣришъ, что ему некогда заниматься трудною должностію присматривать за вѣрностью жены — просни милой вѣтреникъ, мнѣ некогда съ тобою болѣе говорить: я боюсь чтобъ мужъ мой непроснулся. Я уже сказала, что онъ не будешъ споль уменъ, чтобъ жаловаться на себя. Но всю вину взложишъ на насъ, и подвергнешъ меня опасности видѣть тебя изувѣченного — просни — съ симъ словомъ оспавила она на усахъ моихъ горячій поцѣлуй и я уже неслыхалъ ее болѣ. Въ эту минуту подошла ко мнѣ моя прежняя проводница — довольны ли вы сударь вечеромъ сказала она мнѣ — не совсѣмъ отвѣчалъ я — прелестная твоя госпожа все еще на меня сердилась — о такъ конечно вы передѣ нею виноваты — какъ! послѣ такова долгова свиданія! — ахъ! я по всему вижу, что и мнѣ еще рано перестать на васъ сердиться — подите же и будьше готовы хотя завѣрѣ исполнить, что вамъ приказано — желаю вамъ лучшихъ успѣховъ для будущаго вечера нежели, какими севодни

можете вы похвадиться — я слышалъ, что плутовка смѣялась тихонько при сихъ словахъ, и послѣ шово проводила меня прежнею дорогою за вороша пожелавъ мнѣ солнливаго дня и попомъ веселой ночи.

Сколько мыслей, сколько разсужденій и догадокъ зачало шѣснинуться въ моей головѣ, на всякомъ шагу всирѣчалось что нибудь новое моему воображенію — кто еста женщина? Спрашивалъ я самъ себя, кто еста нещастная, которая какъ кажется вышла за одну живопись, и кто ешошь презрѣнной мужъ, которой вмѣсто шово, чтобы принесши своей женѣ новое пылкое сердце и хорошие нравы; разшѣрялъ свои чувства на приманчивые прелестни прибыточныя своею нѣжностію однимъ аппекамъ, и которой вступилъ въ супружество тогда, когда уже онъ умеръ для супружества.

Въ такихъ то важныхъ разсужденіяхъ пробирался я домой, и подслащивалъ ихъ разпоряженіями, какъ бы лучше завѣра кончишь свое намѣреніе; или лучше сказать; я бранилъ дурачестива другихъ и сбирался, еспѣли можно, умножишь ихъ глупости цѣлымъ ноликомъ. Таковъ человѣкъ

любезной чипашель: не рѣдко у тово бутылка съ виномъ въ карманѣ, кіо проповѣдуешь трезвость. Наконецъ дошелъ я домой, Заря уже начинала заниматься и я едва доплелся до поспѣли, шо упомленный моими размышеніями и приключеніями предался сну, занимаясь воображаемыми прелестями милой моей незнакомки. Любезная мои собрашія, подольные жители Парнаса, вы кошорые въ своихъ сочиненіяхъ прицѣляешьесь ко всякому случаю видѣть сонъ — сонливые подлипалы музъ — уже вы ожидаеше опѣ менѧ какова нибудь сновидѣнія и признаюсь, что случай для ешо-ва не худъ: Заря, любовь, страхъ, надѣжда, женщина — все ешо вмѣстѣ моглобы со-ставишь иначе изрядное; но подивилесь моей скромности: въ ешотъ разъ ничего не видалъ я во снѣ.

Ночь II.

Однинапашать часовъ пополудни ударило и я уже былъ въ маскарадѣ — какое ешо поле для сапирика, кошорой прицѣляется ко всякому случаю побранишь людей. Гораций, Ювеналь и ты Боало, я бы желалъ

воскресить васъ на два часа, и дать вамъ
 билеиъ въ нашъ маскарадъ, какое бы ето
 было прекрасное блюдо для вашего оспраго
 нера! шамъ бы увидѣли вы верченую ще-
 голиху привлекающую за собою толпу во-
 локинъ; вы бы увидѣли какъ вышивавшъ
 она свою поненьку ножку, подбѣлены ручки;
 какъ возбуждаешъ во всѣхъ любо-
 пытство узнань ее и несмѣешь снять свою
 маску для шово, что она лучше ее лица.
 Въ другомъ мѣстѣ попался бы вамъ иску-
 сной плутъ, которой подъ прѣянною личи-
 ною, надѣясь не быть узнанъ, несетъ кар-
 шы, сей ножикъ разбойниковъ высокаго свѣ-
 ша, и хочетъ погубить бѣднова проспачка,
 виноватова передъ нимъ только шѣмъ,
 что онъ полегковѣрію своему почипаешь
 ево честнымъ человѣкомъ, тутъ бы попал-
 ся вамъ — въ ямскомъ кафтанѣ щасливой
 шутъ — и вы бы увидѣли какъ онъ свои-
 ми кривляньями стараешься веселить цѣлой
 маскарадъ, чтобы только заслужишь улыб-
 ку какой нибудь важной домины, вы бы
 можетъ быть подумали, что ето обезьяна
 въ ямскомъ кафтанѣ; совсѣмъ нѣшъ, ето
 повелѣвающей чепверкою почпенной ниско-

сердъ щастливый только тѣмъ, что онъ
часто надѣваешь кафтанъ ниже своею со-
стоянія, а сердце имѣетъ ниже кавшана —
вы бы увидѣли, какъ Антидешушъ нара-
дясь ребенкомъ, съ гордою скромносію
носишъ подъ пазухою азбуку, и можетъ
быть посовѣтовали бы ему съ нею по-
знакомиться поболье, прежде нежели онъ
опять примется за любимую свою работу
раздирашь зѣвошою рты у своихъ благо-
склонныхъ слушателей; однимъ словомъ, вы
бы множество нашли тамъ придиrokъ по-
бранишь прекрасно шалости людей и не-
прибавя имъ ума, прибавили бы конечно
себѣ славы — что до меня, то мнѣ некогда
было цѣнишь поспоронія дурачества — я
бѣгалъ по всему маскараду, чтобы сыскать
мою прелестную незнакомку въ бѣлой до-
минѣ съ черными перчатками, и лишился
уже надежды не находя ее нигдѣ. Какъ
вдругъ маска одѣтая дьяволомъ взяла меня
за руку, браво! любезной Миробродъ, бра-
во! вскричала она, уже ты нынѣ записался
въ большой свѣтъ уже шашаешься по маска-
радамъ — прекрасно! о я не смотря на твои
нравоученіи всегда думалъ; что въ тебѣ

прокъ будешь — тише Государь мой оп-
вѣчалъ я съ сердцемъ, вы позабыли пра-
вило благоприятности маскарадной, и
называюще громко меня по имени — шу-
къ чоршу да ешо уже и любовныиъ при-
ключеніемъ пахнешъ — ну, ну въ доброй
часъ; успѣховъ вамъ желаю — правда, что
ты меня принялъ холодно: ешо право без-
совѣсно не узнавать спарыхъ своихъ зна-
комыхъ — признаюсь, что я самъ виноватъ
я немножко курнулъ и совсѣмъ не такъ
началъ съ тобою разговоръ — вѣдь ты
вѣрно не узналъ меня — вы ешо точно
такъ же угадали какъ мое имя — о! что-
до твоево имени, что я не угадалъ сво, а
видѣлъ, какъ ты у буфета выпилъ украд-
кою спаканъ лимонаду, и топчасъ узналъ
тебя синаринаго моего пріятеля — очень
радъ свиданію, прошу только не мучить
долѣе мое любопытство и сказать — кто
я, неправдали? — признайся, что въ дьяво-
лахъ ты никогда бы не узналъ твоево Тра-
посила — Трапосилъ! вскричалъ я, ешо
ты — давноль ты здѣсь въ городѣ? —
признаюсь, что я желалъ бы многое съ тобою
переговоришъ, но теперъ, какъ ты

угадалъ, я занятъ любовнымъ приключе-
ніемъ, и ты здѣлаешь крайнѣе одолженіе
когда прїдешь ко мнѣ, и я тогда же раз-
сказалъ ему куда ко мнѣ прїѣхать. Будь
увѣренъ, говорилъ онъ, что ты скорѣе меня
у себя увишишь, нежели думаешь — но
теперь я тебѣ не мѣшаю: ночь всю пропью
за здоровье швоей красавицы — согласись
любезной другъ, что ничего нѣшъ пріят-
нѣс — я на все соглашаюсь, отвѣчалъ я
увидя въ дали надобную мнѣ маску —
шолько съ тѣмъ условіемъ, что бы ты меня
теперь извинилъ и оспавилъ бы одновѣ-
Боже мой! неужли ты думашь, что я тебѣ
не понимаю оспавайся съ покоемъ (маска да-
вала мнѣ знакъ рукою) не лѣзя ли шолько
слова два при — ни какъ не лѣзя, прощай —
прощай любезной Миробродъ — Э постой;
я позабылъ тебѣ сказать новость — вѣдь
у меня нынѣ есть прекрасная Аглинская
кореша — о! чѣто мнѣ нужды, безъ отвѣ-
чивой человѣкъ — да знаешъ ли какъ я ее
доспалъ? — За деньги — ето правда, да
деньги по почему? — Потому чѣто ты сдѣ-
ланъ судьею — а судьею чѣто я отвѣчево? —
Опѣтово чѣто ты — женился — негодной

человѣкъ! да отвяжешься ли ты? — Ха, ха, ха! шакъ ты все знаешь, шакъ проспижь — и я уже ни слова не отвѣчая бросился отъ него къ своей доминѣ, предавая проклятию всѣхъ досадчиковъ въ свѣтѣ. Ахъ сударыня! — говорите какъ можношише, перервала моя незнакомка, крича мнѣ страннымъ голосомъ — я боюсь чтобъ насть не узнали; мнѣ сказали, продолжала она наклонясь мнѣ на ухо, что мужъ мой будеиъ здѣсь персодѣшій шакъ странно, что ето нельзѧ узнать — я не понимаю, что ето за намѣреніе, только оно для насть не совсѣмъ безопасно; но мы хорошо сдѣлаемъ еспѣли скорей опѣсь слѣ гыдемъ — да чевожъ вамъ боятся спѣчалъ я; разъ мужъ вашъ знаестъ въ какомъ вы плаинѣ? — о! конечно нѣшъ; ето бы было дурачество съ моей сто-роны; но совсѣмъ шѣмъ у нашихъ мужей въ шакихъ обсюашельсивахъ носъ бы-ваешъ иногда очень не кѣ спатъ чушокъ — продолжай любезной другъ, продолжай, го-ворилъ мнѣ кто и то на ухо — желаю тебѣ веселыхъ часовъ — я оборопился посмо-трѣши кто ето? И увидѣлъ моево докуч-ливаго дьявола въ полпьяна, и которои не

отставалъ отъ меня. Вообразище мое бѣшенство, я хошълъ уже съ нимъ браинься, какъ онъ перервалъ речь мою въ самомъ началѣ — не безнокойся, говорилъ онъ, я тебѣ не хочу мѣшать — ахъ! уже лѣпъ пяты какъ я спалъ такъ скроменъ, что никому не мѣшаю въ любовныхъ дѣлахъ — и мое сердце — еспѣли оно у тебя хорошо, ты долженъ меня оставилъ — признайся чио ешо грубо, ошвѣчаль онъ; но влюбленному я все спускаю — проспижъ, мы скоро увидимся — мнѣ очень хочется узнать щаспливолъ ты кончиши свое приключеніе — послѣ сево онъ скрылся отъ меня въ шолпу мазокъ и я ско не видаль болѣс — еспѣли всѣ дьяволы таакъ умѣюшъ мучить, сказалъ я съ досадою, то надобно признашься, чо адъ ужасенъ — пойдемъ отъсель, любезнай Верпушкинъ, говорила незнакомка, за нами можешъ бышь присматриваютъ, и мы очень хорошо сдѣлаемъ, еспѣли убѣжимъ отъ глазъ любовныхъ дозорщиковъ — я вашева мнѣнїя — мы шотчасъ оставили маскарадъ, и я посадя ее въ свою корешу, велѣлъ скакать ко мнѣ домой — Теперь шо уже ни чио не помѣшаетъ мнѣ

владѣть мою Еленою, думалъ я самъ въ себѣ. Увы! любезной чишашель, ты уви-дишь захощѣали судьба оправдашь ешо радоспное восклицаніе.

Въ нешерпѣливо сѣти подѣзжаю я къ дому! развѣ ты уже перемѣнилъ свою квартеру? Спрашивала меня моя любезная незнакомка. Вы ешо все тощасѣ узнаеше отвѣчалъ я — и въ ту минуту вхожу съ нею въ комнату мы скидаемъ наши маски — намъ подаютъ свѣчи — и небо! ково бы, думаеше вы, увидѣлъ я въ мосй комнашѣ, тово самова дьявола, которой не давалъ миѣ ошныху во весь маскарадъ. — Онъ спалъ безъ маски сидя въ комнатѣ у меня на канапѣ, я оборошился къ мосй незнакомкѣ и сще болѣе смущился увидя ее положеніе: она взирала съ ужасомъ по на менѣ, по на зловѣ нашевъ духа! глаза ее помутились — она начала бледнѣть — я уже хотѣлъ кричать помо-щи, какъ она сказала тихонъко пропеща — ахъ сударь! я вижу что я обмануша и про-щаю вамъ все; только ради Бога не кричи-те; ешо мой мужъ! — — о небо! какъ я обмануша — и бѣдная красавица конечно бы упала въ обморокъ, ешьли бы случился

близко ее спуль — въ самую ту минуту проснулся нашъ злой духъ, копорой кажеся закляшъ былъ всемъ адомъ не давашъ намъ нокою —

Ба да ты уже дома любезной Мирбродъ! признайся, что я сдержалъ свое слово и незамѣдлилъ обрадовать тебя своимъ посѣщеніемъ — только ешошъ маскарадъ и вино дьявольски вскружили мнѣ голову — ну скажи же мнѣ, какъ кончилъ ты свое приключеніе? — Ба! да что я вижу, продолжалъ онъ проширая глаза — ешо кто съ шобою? —

Обмана (весело).

Капитанъ Хватовъ къ вашимъ услугамъ, копорой въ армii получа письмо, что сесира ево вышла за мужъ за Г. Тратосила прѣхалъ сюда ее видѣть —

Тратосиль.

Чортъ меня возми, ешьли севоднишней вечеръ для меня не самой щасливой — да знаете вы ево въ лицо? —

Обмана.

Совсѣмъ нѣтъ и для шово то — (указывая на меня) я просилъ на передъ моево

пріятеля, чтобъ онъ со мною къ нему поѣхалъ —

Т р а т о с и л ь.

Ешо я, любезной Хватовъ, ешо я, твой зять — только чорпъ меня возми — ты такъ похожъ на твою сестру, что я бы въ состоянїи былъ надѣлашь великихъ дурачествъ — есльли бы къ чести вашева и нашева дома не зналъ, что ешо впорал Лукреція —

Послѣ тово они зачали крѣпко обниматься и строить другъ другу тысячи привѣтствій — о женщины! говорилъ я тихонъко, чье перо въ состоянїи хотя слабо списывать всѣ тѣ обманы, кошорые пылкое воображеніе вамъ изобрѣтаєтъ въ минуту — но спанемъ продолжашь нашъ разговоръ.

Т р а т о с и л ь.

И такъ скажижъ мой любезной Хватовъ на долголь ты здѣсь? —

О б м а н а.

Я опищенъ на двадцать на девять дній и уже срокъ моему отпуску такъ близокъ, что мнѣ должно черезъ день не ошмѣни

выѣхать. — Я хотѣлъ только увидѣть васъ и мою сесилю, ибо мнѣ изъ деревни писали, что вы поѣхали сюда въ городъ. — И для тово я прямо изъ арміи пустился сюда. —

Трапосилъ.

О! мы еще съ тобою успѣемъ въ еято время опорожнить бутылокъ дюжины двѣ три шампанскова. И чортъ меня возми, намъ надобно крѣпко познакомиться: я думаю, что мы рождены другъ для друга.

Обмана.

О! я шово же мнѣнія, и для тово то вы позволише мнѣ обходицся съ собою безъ чиновъ —

Трапосилъ.

Да, да, безъ чиновъ; поѣдемъ же къ тебѣ на квартеру, и еспѣли у васъ есть хопъ бутылка чево выпить, то мы такъ плохо познакомимся, что вѣчно останемся друзьями —

Я.

Переспашь любезнай Трапосилъ, ты видиши, что онъ ослабѣлъ: ему нуженъ покой.

Обмана.

Ешо правда, я очень много ходилъ — (мнѣ тихо) ради неба скажише своей корешъ чшобъ она со мною ѿхала (и я въ туже минуту исполнилъ ее волю).

Тратосилъ (мнѣ, взявъ Обману за руку).

Ну шакъ пойдемъ же къ нему любезной другъ, уложимъ ево въ поспѣлю, спросимъ пуншу и просидимъ у иево всю ночь: намъ не меныше отъ шово будешь весело —

Я.

Развѣ неможешь ты въ другое время —

Тратосилъ.

Нѣпъ; я такъ радъ, что не хочу ни минуты тратишь — а притомъ же я шаковъ что меня иногда въ годъ не заманишь — и такъ надобно ловить меня въ ту минуту, когда разположенъ я гдѣ бышъ, ешьли не хочешь упустишь меня года на два.

Обмана.

Но теперь любезной другъ я такъ плотно ушомленъ маскарадомъ, что не въ силахъ васъ угостишь — ешотъ проклятой маскарадъ! —

Трапосиль.

О ! ешошь маскарадъ бичъ на молодыхъ людей, и для шово ио жсна моя никогда ихъ не любить посмотрѣлъ бы я, какъ бы ее кто вздумалъ заманишь въ маскарадъ — она прочешъ сполько нравоученій наска- жеиъ столько отъ печанинова — о ! твоя сестрица настоящей проповѣдникъ — толь- ко знаешь ли ты, какъ она на тебя похо- жа — — — еспѣлибъ мы не ждали тебя сюда и еспѣлибъ не рассказывала она мнѣ часио, чпо ты на нее похожъ, то бы ей, ей надѣлалъ я такихъ шалостей — но чпо же мы ёдемъ ? —

Обмана (улыбаясь).

Ко мнѣ право нельзя.

Трапосиль.

Понимаю — ты вѣрно здѣсь зажилъ семья- никомъ — но я право не строгъ — а впро- чемъ когда нельзя къ тебѣ такъ пойдемъ ко мнѣ —

Обмана (особо).

Новое нещасшie ! — какъ, въ ету пору ! нѣтъ, я не хочу встрѣвожишь безмѣрною радосшю нечаянно мою сестру —

Трашосиль.

Ничево, ничево, ешо предобродѣтельнаѧ женщина: ее десять такихъ шалуновъ, какъ мы не обезпокоятъ; и она ихъ цѣлую беседу право филозовски выпернишъ.

Обмана.

О! я никогда не соглашусь. —

Я.

Оспавь ево; развѣ нельзѧ ешо ошложиши до завтра. —

Трашосиль.

Ни подѣ какимъ видомъ; или онъ ко мнѣ, или я къ нему ѿхашь непремѣнно долженъ —

Обмана.

Ну такъ поѣдемъ же къ тебѣ — шолько съ шѣмъ условиемъ, чѣбоѣ до завтра не говоришь обо мнѣ ни слова сесприцъ —

Трашосиль.

О! охочно — — — шолько ты начуй у меня —

Обмана.

Да — ты точно меня обманешь? —

Трашосиль.

Божусь что нѣтъ, и для увѣренїя лягу
я съ тобою передъ спальною въ одной ком-
натѣ, мы и будиши се не спанемъ. — —

Обмана.

Ешо прекрасно вздумано! — —

Трашосиль.

О! когда дѣло пошло на хитрости, то я
подлинно дьяволъ — а поушру, когда она
будешъ меня бранить, что я вздумалъ ее
оспавинь, шо, чшобъ ушишишь ее гнѣвъ, я
сїй шебя представлю —

Обмана.

Ешо божественно! поѣдемъ же, а я такъ
усталъ, чшо я думаю камнемъ упаду въ
постѣлю — и желалъ бы уже теперъ быти
у шебя — да какъ далеко отъсель до ва-
шева дому? —

Трашосиль.

На самой П . . . площади — чшо ты
вздыхаешь? — въ домъ . . D . . .

Обмана.

Ахъ! любезной другъ, подлъ самова стова
дому у меня заведена любовная интрига —

Трапосилъ.

Очень къ спашь теперь о любви — поѣдемъ скорѣе ко мнѣ — и въ шу минуту они сѣли въ корешу Трапосилу и пожелавъ мнѣ доброй ночи уѣхали домой —

Вообрази любезной чишашель мое бѣшенство: кажется судьба парочно для шово подсунула мнѣ подѣ носъ любовное приключеніе, чѣпо бы послѣ надомной подшушинѣ — при всей своей досадѣ я очень желалъ знать какъ выпущастся изъ етихъ хлопотъ моя прелесшая незнакомка — тысячи беспокойныхъ мыслей мучили меня — въ первой разѣ поспеля моя показалась мнѣ пустынью — шаковы то все мой предпріятія вскричалъ я съ досадою; нѣтъ ни одновѣда, которое бы кончилось шакъ, какъ я имъ располагаю — на чѣожъ мнѣ жиши болѣе — при сихъ отчаянныхъ словахъ вознамѣрился я умереть — а что бы сдѣлашъ ешо спокойнѣе, то я раздѣлся, надѣлъ калпакъ легъ въ поспелю, взялъ вмѣсто ножа одохвацову оду и только что наставилъ ее на глаза, какъ зрѣнїе мое померкло, руки опустились, ноги пропянулись, и я захрапѣлъ въ одну минуту.

Д О Л И Н А .

Вмѣстлище красопѣ, спокойства храмъ
блаженный,

Ты образъ древняго едѣма совершенній! —
Долина тихая, невинности предѣлъ!

Позволь, чтобъ мысленно я умѣкъ шебѣ
возвелъ;

Позволь мнѣ обратимъ, къ шебѣ смущенны
взоры,

Зрѣшь пажиши швои, священный лѣсъ и
горы.

Ихъ пышные вѣрхи подъ облакъ вznесены,
Ихъ пѣнно цвѣты швои ограждены.

Свирѣпый, хладный вихрь шуда не знаетъ
входу,

Не можетъ никогда швою мушить онъ
воду;

Зефиръ господствуетъ на злачныхъ шѣхъ
мѣстахъ,

Онъ нѣжится и спишь у розы на листахъ,
Зефиръ ликуешъ шамъ и влагу развѣваешъ,
Сладчайшимъ некшаромъ онъ чувство всѣхъ
пишаешъ;

Кристальный ручѣекъ по камышкамъ ищечешь,
Сребристые спруи съ журчаніемъ влечешъ;

Повсюду снѣди имъ природою даны,
Зеленые сполы для нихъ сотворены.
Тамъ крошкій селянинъ съ супругою лю-
безной,
Покоясь отъ прудовъ подъ шѣнью дре-
весной,
Съ какимъ веселіемъ переносишъ всюду взоръ!
Глядишь ли на поля, на нивы, иль межъ
горъ,
Вездѣ Зримъ красоту онъ щедрыя природы:
Здѣсь агнцовъ Зримъ спада, а тамъ про-
зрачны воды;
Тамъ жашель бодрствуешь и радостной
рукой,
Сбираешь неба даръ на нивахъ золотой:
Послушная семья труды съ нимъ раздѣ-
ляешь

И нѣжной пѣснию себя увеселяетъ.
 О коль блаженна ты, любезная чета!
 Не знаема тебѣ градская суета;
 Преклонитъся ли день на лоно тихой ночи,
 Тогда идеше въ домъ сомкнуши спокойно
 очи;
 Младая юность вамъ предшествуя бѣжишъ,
 По храминѣ цвѣты рассыпали спѣшишъ.
 Спада насытивши си пашву оспавляя,
 Идуши по позади, то въ переди играя.
 За всѣми наконецъ въ дали чрезъ чистый
 лугъ
 И утомлений волъ влечеть свой тихо
 плугъ:
 Окончилъ онъ шруды и пахарь награждаешъ,
 Несемъ самъ хлѣбъ сму и воду предста-
 вляешъ;
 Насытися, говорить, насытися милой волѣ,
 Заутра паки намъ ипти съ шобою въ долѣ;
 Заутра, какъ еще роса не осушиться
 И влажной парѣ съ земли лишь спианешь
 возноситься,
 Какъ только озаришъ насъ живопворный
 Фебъ,
 Мы двигнемся съ шобою и сѣять будемъ
 хлѣбъ.

Луна тогда уже на небо восходила,
 И ночь прямную землю всей возвысила;
 Зефиры шихе взыграли по лесамъ,
 И гласы жителей взносились къ небесамъ;
 По рощамъ соловьи запели громогласно,
 Ихъ пѣсни разились по воздуху согласно.
 Въ воспорѣ паспушокъ-ко хижинѣ спѣшилъ,
 Гдѣ царствуетъ покой, веселость гдѣ дышитъ,
 Гдѣ сельска просипла забавы всѣ рождаетъ,
 Какія вѣкъ злой намъ въ мысли пред-
 ставляютъ.
 Тамъ крошкий гражданинъ, тамъ искренній
 есть другъ,
 Тамъ вѣрная жена, любимѣйшій супругъ.
 Любовь тамъ, исшинна, владѣешь всѣхъ
 сердцами —
 И кто толь праведно живещъ подъ небѣ-
 сами —
О жизнь, о сельска жизнь, колико ты
 любезна!
 Но ты смиреннымъ лишь однимъ сердцамъ
 извѣсна.
А вы! — вы горды любители суетъ!
 Живите съ роскошью, для васъ тамъ пользы нѣшъ;

Сия невинная и шихая долина
Не въ силахъ уладиши въ васъ приходи
едина.

Блестяще Вѣтренность, Измѣна и Вражда,
По всюду видны въ васъ, а исшинна чужда.

Иванъ Варакинъ.

Господа почтенные издатели Зрителя!

Будучи охопникомъ до театра посылаю
слабое мое разсужденіе о Россійскомъ Зрѣ-
лищѣ, и ешьми вы найдете его доспой-
нымъ помѣщенія въ вашемъ изданіи, вы
одолжите онымъ
вашего покорнаго слугу.

ТЕАТРЪ.

Кажется, что человѣкъ созданъ съ не-
преодолимою склонностію къ ушѣхамъ:
нѣшь состоянія, нѣшь обстоятельствъ,
нѣшь жребія, въ кошорыхъ бы не находилъ
онъ забавы; она оживошворяетъ души и
сердца и самую нашу жизнь пишаетъ: на-
прасно мрачные человѣконенавидцы пропо-

Часть II.

И

вѣдущій намъ всемишую необходимость оплакивать человѣческое бытіе: я хотѣлъ бы спросить у нихъ, отъ чего они сами улыбаются иногда плѣняясь собственными своими мыслями? Отъ чего у страждущихъ тяжкими болѣзнями примѣна бываетъ иногда на лицѣ улыбка, хотя шомная? Отъ чего наихесточайшія печали и тягота сердечная повѣствованіемъ ужаснаго своего жребія и проліяніемъ слезъ, хотя весьма мало, однако же облегчаются? Пусть докажетъ мнѣ кто нибудь сему прошивное, и сколько нибудеши вооруженъ красноречіемъ; собственное сердце его не допустишь противуречиши сей испиннѣ; оно увѣришь, что Алчность къ ушѣхамъ не разлучна съ человѣчествомъ.

Утверждаютъ многіе, что слава и корысть суть первыя и единственные побужденія всѣхъ дѣяній человѣческихъ: но безъ удовольствія сїи побужденія ничтожны. Если мы имѣемъ какое нибудь понятіе о счастіи, то оно по мѣрѣ приносимаго удовольствія и увеселенія кажется намъ прелѣшнымъ: самое спокойствіе души пошому шолько усладительно, что въ немъ

находится основаніе къ испинному увеселію и къ чистѣйшимъ забавамъ: одинъ знамѣнитый сочинитель окончилъ свою оду къ сосѣду весьма справедливо: — —

Но по веселье безпорочно,

Разкаянья за коимъ нѣшъ.

Слѣдовашельно испинное увеселіе, есть забава душевная, кошорая шѣмъ достойнѣе человѣка, чѣмъ болѣе разумъ, сїе олицающеѣ свойство смертнаго отъ всѣхъ твореній, въ ней участвуешь.

Съ самой ощадленной древности до нынѣшныхъ временъ всѣ просвѣщенныи народы полагали зрелища на шешарѣ между первыми забавами произведенными разумомъ: величайшіе умы алкали снискать славу свою сочиненіями шешаральными, и гордились шѣмъ, чтобы взойти ими въ храмъ безсмертия. Они доказали всѣму свѣту, что забава изправляющая нравы есть славное изобретеніе одного просвѣщенія. Ни что споль невозбуждаешъ чувствительности нашей, какъ сїя живая картина, гдѣ добродѣтель сияющими красками изображенная пльняешъ чувства, а порокъ вышавленный во всей своей гнусно-

спи поражаешьъ всѣхъ и производишьъ душевнос къ себѣ ошвращеніе. И такъ зре лище есть общеспіенная забава изправля ющая нравы человѣческіе.

Всякъ со мною согласишся, что польза отъ зрелищъ ощущительна: шутъ разумъ всѣ могущія бытъ въ жизни человѣческой приключенія представляешьъ передъ глазами скучившимися. — Мы то видимъ, достойное утверждаемъ рукоплесканіемъ, со спраждущею добродѣтелю сами спраждемъ, желаемъ наказанія пороку, боимся, чтобы онъ не возгоржеспивовалъ; (что не рѣдко бываєтъ въ жизни) и когда изкуствомъ сочинишеля падаетъ онъ ко стопамъ гонимой прежде добродѣтели: мы возхищаемся, какъ бы собственно съ нами сіе приключилось. Съ другой спороны выстапленныя на позорище дурачества людей въ одно время и забавляютъ общество и предосперегаютъ даже и отъ самыхъ слабостей.

Правильство имѣетъ весьма важныя причины ободрять сей родъ нравоучительныя забавы: ибо сколько есть такихъ пороковъ, кои ни какими спасительными зако-

нами изпреблены бытие не могутъ; поколику ни какими доказашельсвами изобличить не лъзя ишого, что обишаешъ внутри человѣческаго сердца. Зрѣлище въ вымысленномъ лицѣ, не обижая ни кого, обнажаешъ порокъ, показываешъ ужасныя его слѣдствія и въ видѣ смѣшномъ или плачевномъ сполько поражаетъ, что зришель, ешьли узнаешъ себя въ семъ зеркаль, почувствуешь внутреннее самъ къ себѣ отвращеніе, и сей внутренній стыдъ доказываетъ, что онъ уже на пушки изиравленія.

Доказашельство сему неоспоримое то чувствование, которое общество Россійское извѣялло въ театрѣ непреспаннымъ рукоплесканіемъ шѣмъ сочиненіямъ, которыя представленіями своими изцѣлили заразу суѣумствованія: въ нихъ осмѣянъ изпачникъ сей заразы: обольщенные успыдились своей слабости и обманъ изчезъ, и не смѣль ужь болѣе появиться въ Россіи: таковыи смѣхъ и съ таковою соединенный пользою есть испинное и совершенное торжество театровъ. И такъ можно заключить безъ ошибки, что театральное сочиненіе по мѣрѣ извлекаемой изъ него только пользы заслуживаешъ свое уваженіе.

При всемъ томъ какое поле для умовъ и какое ободреніе для сочинителей! ни гдѣ скорѣе не можешь быть утверждена ихъ слава, какъ на шеатрѣ: ибо казистое прочтеніе успами дѣйствовавшелей содѣлываетъ весьма лѣстную похвалу сочиненію, къ которой сочинители бывающіи чувствищельны; всеобщее рукоплесканіе есть награда за труды ни съ чѣмъ несравненная. Сочинители, дабы имъ быть удобопонятными и ясными, всегда заспавляютъ свои лица говоришь языккомъ каждому свойственнымъ; но языккомъ чистѣйшимъ и выработаннымъ по правиламъ Грамматики и Риторики. Какое училище для языка и какая помощь для всѣхъ училищъ учрежденныхъ для языка! А сверхъ того нужно примѣшишь и то, что всякъ идешъ въ шеатръ съ удовольствіемъ для забавы; а въ училищѣ иногда родишели принуждены бывающіи спротосицію посыпать дѣшей своихъ.

Нѣкогда въ Москвѣ былъ я ученикомъ Российской Исторіи; я соѣщовалъ цѣлую комнату обшивши портретами нашихъ Государей, дабы дитя смотря на каждого изъ нихъ разсказаль мнѣ всѣ его дѣла: сіе

было исполнено, и въ два мѣсяца восмилѣтій дитя начиная отъ Господомысла до нынѣшихъ временъ могъ разскажашъ сокращенную исторію нашу безъ малѣйшей ошибки.

Я привыкъ все на свѣтѣ видѣть со споронъ полезной, и мнѣ кажется, что шеатръ, еспѣли не большую, то по крайней мѣрѣ равную принесши можешъ помочь учащимся Истории, а особенно древнихъ временъ. Герой вѣлѣко, или частный человѣкъ выведенный на шеатръ въ свойственномъ ему видѣ кромѣ удовольствія рождаешь въ юношѣ наиболѣопытнѣйшіе вопросы — родились прѣхавъ изъ зрелица объясняешь ему оныя, покажушъ мѣста отступленія отъ дѣснанія, откроющъ причины, для чего это сдѣлано; сіе самое открываетъ правила и самого сочиненія, и шеатральное впечатлѣніе оспаешся въ мысляхъ зришеля на долго не изгладимымъ. А сверхъ этого для сердца преданного отечеству нѣшъ ничего усладишеинѣе, какъ видѣть давно умершихъ великихъ людей своего отечества, какъ будто воскресшихъ и передъ его глазами являющихъ древніе свои

добродѣтели — Жаркое рвение къ соревнованію ощущишся вмѣстѣ съ удовольствіемъ: коль вслика похвала сочинителю, гдѣ не одни руки; но и сердца плещущъ!

Отечественность въ шеатральномъ сочиненіи, кажется, должна быть первымъ предмѣтомъ: что нужды Россіянину, чѣмъ какій нибудь Чингисханъ Татарскій былъ завоевашелемъ Кшиая и онъ шамъ много надѣлалъ добрыхъ дѣлъ? Гораздо чувствительнѣе дѣшамъ видѣть, чѣмъ ихъ отецъ великъ, нѣжели другій кто; добрыя дѣла вездѣ любезны и привлекательны; но постороннія добрыя дѣла посторонніе имѣющъ и дѣйствіе надъ сердцами: а припомъ не все то добро въ Россіи, что добромъ починается въ другихъ земляхъ. Какая намъ нужда видѣть какую то Дидону тающую въ любви къ Энею и бѣснующагося Ярба онь ревности? Что намъ нужды до не примиримой вражды, какова изображена въ Веронскихъ Гробницахъ? Надобно напередъ узнатъ, чѣмъ происходило въ нашемъ отечествѣ. Кузма Мининъ купецъ есть лице достойнѣйшее прославленія на шеатрѣ, его првердость, его любовь къ отече-

спву, для коего жертвовалъ онъ всѣмъ, чѣмъ имѣлъ; непреодолимое мужество князя Пожарскаго и благородный его поступокъ при возведеніи на царство законнаго наследника извлекли бы у всѣхъ зрителей слезы, наполнили бы ихъ души и сердца возхищеніемъ; и все сїе послужило бы совершеннымъ училищемъ, какъ должно любить отечество.

Я не отрицаю, чтобы для перемѣны не нужно было выводить на явленіе иностранная лица; но по любви къ своимъ желалъ бы напередъ видеть своихъ. Императоръ Римскій Титъ по своему милосердію любезенъ и препохваленъ; но онъ миловалъ Римлянъ; для чего бы ис выпрашившися въ нашей Исторіи? Мы нашли бы, что не одинъ былъ въ Россіи превозходящій Тита милосердіемъ Государь, кошорый миловалъ Россіянъ. Признашься должно, что содержанія взятыя изъ нашей исторіи весьма новы, и требующіе великаго разсмотрѣнія, дабы сочинить хорошую драмму, и отъ сего новаго рода содержаній естественно должны выйти и новый вкусъ сочиненій; но какъ нѣкошорые сочи-

нишели по большей части удобиѣе прини-
мающія за то, чио прежде ихъ обработа-
но, то гораздо для нихъ легче перекроишь
по своему и выдать чужее на свой обра-
зецъ, нѣжели самимъ пробивашь трудную
шезю на Парнасѣ, дабы представиши
себя Апполлоновымъ нимфамъ, и кажеся,
боялся предшашь предъ нихъ безъ до-
клада, на сей конецъ и выбираютъ чужія
сочиненія, подъ покровительствомъ ко-
рыхъ надѣюшся снисканіе любовь сихъ Бо-
гинъ и похвалу отъ общества.

Французы слѣдуюшъ по большей части
правиламъ Аристопеля, Англичане ихъ
отмѣщутъ; и тѣ и другіе думаюшъ, что
они слѣдуюшъ природѣ. А мы начали свои
зрѣлища переводами, и многіе думаюшъ
даже до нынѣ, чио переводы доспашочны
и обогатишишь шеатръ и украсиши: его сїе
самое и даешъ преимущество чужесиран-
нымъ шеатрамъ передъ нашимъ: ибо игра
словъ въ переводе всегда пропадаешъ; а при-
шомъ и свойства лицъ намъ неизвѣстныя
насъ не прогаюшъ. На примѣръ Фигарова
женидба въ переводе Россійскомъ совершен-
но ничего не значиши: ибо у насъ чиновъ

ни когда непродавали и не продаютъ, слѣдовательно эшо для зрителя шарабарская грамоша; о варварскомъ правѣ господъ мы и понятія не имѣемъ. И такъ кромѣ скуки до трехъ часовъ продолжающейся ничего зрителю Россійскій въ сей комедіи не почувствуетъ. Хвалить Французскую драму Бѣглеца: но въ Россіи бѣгалъ ли когда нибудь солдатъ изъ арміи? — Не знаю — а чтобы офицеръ убѣжалъ? О шомъ, какъ споинтъ Россія, до нынѣ еще не слыхано: слѣдовательно драмма Бѣглецъ со всѣю своею красотою ничего намъ не скажетъ, какъ шолько то, чибо во Франціи бывають бѣглецы. Ошъ чего опера Мѣльникъ со всѣми слабоспяями сочиненія и не наблюденіями Аристопелевыхъ правилъ болѣе 200 полныхъ представлений выдержала и всегда съ удовольствіемъ принимается; а Нелюдимъ славная Мольерова комедія ни когда полнаго собранія не имѣла? Для того, чибо Мѣльникъ нашъ; а Нелюдимъ чужей. Между переводомъ и сочиненіемъ почно такая же разность, какъ между эспаниномъ и каршиною, естѣли не болѣе.

Многіе спарались поправиши сей недостапокъ подражаніемъ; оно хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и полезно; но не производиши одинакожъ испиннаго вкуса, который неопытно существовать долженъ и въ собственномъ Рускомъ своемъ видѣ: мы не можемъ подражашь слѣпо ни Французамъ ни Англичанамъ: мы имѣемъ свои нравы, свое свойство, и слѣдовательно долженъ быть свой вкусъ. Много мы имѣемъ комедій передѣланныхъ на наши нравы по надписи — а въ самой вещи многія изъ нихъ являюся на позорище во Французскомъ уборѣ, и мы собственныхъ лицъ мало видимъ: слуга напримѣръ барину говоришь осироты и колкосиши, которыхъ ни одинъ крепосный человѣкъ не осмѣлишся сказать ни въ какомъ домѣ, служанка на шеанире дѣлаешъ тоже, и вонъ лица, кошорыя больше всѣхъ смѣшашъ въ комедіи, и кошорыя меньше всѣхъ походяшъ на правду !

Я не знаю, какое то предубѣжденіе заставляетъ нѣкошорыхъ большаго свѣта особъ, что будто все Русское далеко отстоитъ отъ чужеспраннаго, и скжели судяши о сочиненіяхъ Россійскихъ, то судяши о нихъ

по близости къ чужеспраннымъ твореніямъ. А многіе увѣрили себя, что Россійскія зрѣлища не иначе и существовать должны, какъ только по образцу Французкихъ. Сіе предубѣжденіе разпроспралилось вмѣстѣ съ язвою моднаго воспишанія. Не спорю, что много Французкихъ шеатральныхъ сочиненій безподобныхъ; но много такъ же въ нихъ безподобныхъ и отступленій отъ природы. — Славные писатели Французкіе выводя Азіяшскихъ героевъ иногда по одѣж-дѣ только ихъ являли на шеатръ Азіяш-цами а образъ мыслей и разговора давали имъ Французкій. — Но какъ бы то ни было — я спрашиваю, для чего въ Россіи не создашь на шеатръ вкуса приличного на-шему свойству? И для чего не быть сму-въ своемъ родѣ совершеннымъ?

Мы имѣемъ свою собственную музыку: а музыка и словесность суть двѣ сестры родныя; шо по чемужъ одна ходишъ въ своеи нарядѣ; а другая должна быть въ чужемъ? Не ужли мы не умѣемъ выдумать для себя забавы и увеселенія? И ис ужли мы должны спрашиваться у другихъ, чио намъ должно быть пріятно, и чио про-

тивно? Не ужели для всѣхъ народовъ на свѣтѣ природа машь, а для насъ однихъ мачиха, которая не дала намъ ни какой собственности? — Нѣтъ; сїе предубѣженіе произходитъ отъ собственной нашей неосмотрительности и отъ какого ша вреднаго влїянїя ненавидѣть свое собственное. Имѣя наипрѣятнѣйшую свою музыку многіе domы большаго свѣта повыписали къ себѣ Ишаліянцовъ, изъ коихъ иные ходя по Ишаліи съ трудомъ выпѣвали себѣ на башмаки въ недѣлю, здѣсь разѣжая въ карешахъ съ гордымъ и презрительнымъ видомъ къ своимъ легковѣрнымъ благопворищелямъ дѣлающіяся судьями Россійскимъ та-ланшамъ; и отъ ихъ по приспрашиванаго решенія зависѣть ободреніе Рускому: и послѣ того говорятъ, что нѣтъ въ Россійской музыкѣ ничего привлекательнаго погда, когда и въ шой землѣ, которая пре-вращающіяся въ нопную бумагу; а жители кроме слуха все чувства умершили во-зхищающіяся Рускимъ напѣвамъ и капель-мейстеръ одинъ всю славу свою и первен-ство снискалъ вмѣщая сїи напѣвы въ своихъ сочиненїяхъ.

И такъ; еспыли бы захотѣли вникнуть
порядочно и съ должнымъ разсмопрѣніемъ
въ свое собственное; нашли бы, чѣмъ пль-
няясь; нашли бы, что ободрять; нашли
бы, чѣмъ удивить и самыхъ чужестранцовъ.
Не льзя отрицать подражанія въ музыкѣ на-
примѣръ ноты Ишаліянскія — на что пе-
ремѣняшь ихъ фигуру; на что слѣпо такъ
же слѣдовашь ихъ мудрености и пришор-
ной сладости?

Въ сочиненіяхъ же словесныхъ, для театра должна быть такая же существенная
разность: какая примѣчаешься въ нашихъ
свойствахъ, во нравахъ, въ обыкновеніи и
самомъ языкѣ — Французъ шушишъ по
бѣдности языка своего двосмыслиеми;
Рускій языкъ безмѣрно богатъ такъ, что
сѣва словъ десять найти можно, коиорыя
могли бы означать болѣе, нѣжели одно по-
нятіе; слѣдовательно Рускій сочинитель
сѣва ли можешъ употреблять таковыя
шушки въ комедіи — Французъ блесшишъ
поддѣльнымъ спекломъ — Рускій богатъ
алмазами, коихъ блескъ всегда долженъ зам-
ѣвать поддѣльнос. Французъ сѣва имѣешь
ли два шри нарѣчія, у насъ всякое соспоя-

ніе говоритьъ своимъ и особеннымъ наречіемъ. Вошъ сколько красошъ собственныхъ, которые всѣ противоречатъ слѣпому подражанію, и которые воїюшъ противу жеспокаго предубѣжденія!

Естьли разсѣявшіеся по многимъ домамъ иностранные воспитатели спремягся всѣми силами ошиять у насъ собственные нравы и свойства, то сіе происходитъ отъ того, что они обѣ нихъ ни малѣйшаго понятія не имѣютъ; но что удивительно, какъ Рускіе, родясь въ Россіи, пишась воздухомъ Россійскимъ, могутъ къ стыду своему и въ угожденіе пришлецамъ пренебрегать самихъ себя, гнущаясь ощущеніями внушенными природою? Какъ можно до што унизиться, чтобъ будучи господами своей собственности, видѣть спокойно ее разхищаемую и попираемую ногами иностранныхъ, которые ругаюся въ глаза самимъ призвавшимъ ихъ господамъ? Вошъ камень прешыканія для всѣхъ любомуудривающихъ! Какъ могли заспасти чужестранные Рускихъ искать въ чужестранномъ одного хорошаго; а въ своемъ одного худаго? Естьли бы это не подав-

ляло и не приводило въ отчаяніе дарованій, то бы и заслуживало одно шолько осмѣяніе; а будучи споль губищельно раждаешь ужасъ и горестное сожаленіе. Одни ли словесности и художества спра- дающій отъ сего предубѣжденія? Тор- говля сей исочникъ къ обогащенію Го- сударствъ симъ предубѣжденіемъ Россій- ское купечество подрываешъ. Съ ино- спранными воспитателями явились здѣсь и магазейны иностранные, и воспитанели запрѣтили своимъ домамъ покупать това- ры въ другомъ мѣстѣ, кроме сихъ магазей- новъ. Нѣкогда будучи въ театре сидѣль- я въ ложѣ съ одною новосвѣтскою барынею; играли Недоросля; Аббашъ Французъ въ то время проигрывалъ ей разныя красоты Французскихъ театральныхъ сочиненій и развлекъ ся вниманіе такъ, что она прѣ- хавъ домой спрашивала у меня, какая сего дня была піэса въ театре? — Чудное дѣло! въ Петербургѣ, гдѣ нѣть ни одного Мона- ссыря Каполицкаго; а игумны спаницею ходятъ. — Недоросль комедія была у меня въ карманѣ — я подалъ ей книгу и сказалъ, что эту комедію представляли. — Гдѣ вы

её купили? Спрашивала барыня: я отвѣчалъ въ гостиномъ дворѣ, въ книжной лавкѣ. — Какъ не смылно покупашь, закричала она, въ Русской лавкѣ — вѣрно эша книга ни куда негодиша, для чего вы за ней не съѣздили во Французскій или Англинскій магазинѣ — шамъ все гораздо лучше, нѣжели у Рускихъ. Когда же предубѣжденіе до такой степени возходишъ, то какого ободрѣнія должно ожидать театру Россійскому, сочиненіямъ и представленію, отъ такихъ домовъ, где приговоръ выходишъ изъ успѣ Аббаировъ: а можетъ быть еще и бѣглыхъ. Какъ же ожиданіе Рускаго вкуса на театръ?

Не смотря одинакожь на сїе нашлись люди, кошорые возымѣли благородную отважность борошся съ предубѣжденіемъ, и кошорые вооружились твердою непоколебимостию побѣдить его, и, хвала судьбы нашлись такъ же и ободришли въ семъ препохвальномъ подвигѣ, и успѣхъ подтвердилъ предпріятіе. Уже являющіяся на театръ свойства наши и возбуждающія вниманіе, хотя довольно большая часть большаго свѣта, еспѣли не гнушающіяся Россійскимъ зрели-

щемъ, то по крайней мѣрѣ по великодушю своему его презираешъ — да иначо и бышь сїе не можетъ: воспитанные по молѣ чада Россійскїе по руски ни говоришь ни разумѣшь не умѣюшъ, да Гувернери и Мадамы о шомъ и думашь имъ не велятъ, то какъ имъ постигать красоты того языка, о которомъ они слыхали по наслышкѣ только и что отъ слугъ своихъ; ибо родились берегушъ своихъ лѣтей отъ Россійскаго языка, какъ отъ моровой язвы. — Пусть любопытный пройдетъ мимо театра во время Французскаго представлениѧ, увидишъ площадь засыпанную шестернями — во время Русскаго же — гдѣ гдѣ увидишъ шестерню. — Одни пѣшеходы по большей части любяшь видѣшь свое; но сшо пѣшихъ рукоплескателей прошиву двухъ пуговыхъ не устояшъ. — Будемъ ожидашъ съ терпѣніемъ, пока время и сочиниши усердные къ отечеству изпотребятъ сей нагубный предразсудокъ — можетъ бышь почутствишау ѿстыженіе и возгнушающія имъ тѣ сами, кои теперь ему покорены; испинна рано или поздно всегда явится въ свое мѣсто. Начинаюшъ, говорю я, нѣ-

кошорые сочиниша открыть, въ чёмъ
долженъ состоять испинный вкусъ Рос-
сийскихъ зрешищъ; а можешъ быть уже
иные и постигли его. Надлежишъ только
проникнуть во время представлений намѣ-
реніе сочиниша. Представляюся коме-
дии, въ кошорыхъ нѣтъ ни какого подра-
жанія, кроме извлеченнаго изъ самой при-
роды. Опѣ чего блистаютъ свойствами
красоты Рускому только свойству и вели-
кое имѣющъ дѣйствіе надъ Рускимъ серд-
цемъ. Съ вѣроятіемъ утверждить можно,
что преспанушъ скоро спыдались одо-
брить то, что сердце одобрило: пре-
спанушъ занимать чувства у другихъ;
а предадущія собственному ощущенію, оп-
падушъ справедливость сами себѣ, и тогда
возникнѣти торжественное соверженіе
испиннаго нашего вкуса, кошорый овнеза-
пишъ удивленіемъ и зависію иноязы-
никовъ. Но когда сїе благословенное время
настанетъ? О томъ сказать не можно.

Странно и не понятно, какое побужде-
ніе влечетъ умы Российской извинять не-
доспашки въ иностранныхъ, и даже со-
всѣмъ ихъ не видѣшъ; а доспойинства ува-

жать свыше мѣры! — Къ своимъ же Россіянамъ Россіянѣ совсѣмъ шому прошивное чувствующі; и кажеши въ словесностяхъ и на шеатрѣ иѣшъ врага Россійскому шалашу ужаснѣе Россіяна. Француза не смыють охуждашь для того, что двадцать шатающихся какихъ нибудь Франузовъ его хваляшъ, еспѣли же сносенъ чужеспра-нецъ, то хорошъ; а еспѣли хороши, то превозносяшь его до небесъ, и не было еще до нынѣ, обѣ комъ бы сказали единогласно, что онъ худъ. Рускій же ошмѣнныи шалашъ съ трудомъ терпимъ; а посред-стивенный не сносенъ. Еще не понятнѣе, что многіе починаша шеатрѣ забавою въ свободные часы собирающія и представля-ющія комедіи по охотѣ и по большей ча-сти Французкія. Для чего они не хотяшъ сдѣлать этой чести сочинителямъ Ру- скимъ? Я слышалъ что эшо дѣлаешся для наученїя себя чистому и хорошему выго-вору; ибо де спыдно человѣку большаго свѣта худо говорить по Французски — Боже мой! для чего же не спыдяшся худо говорить по Руски? — Эшо испинна, чио произношеніе актеровъ, еспѣ несравненное

ни съ чѣмъ училище хорошаго членія — и ни чего на свѣтѣ нѣшъ не сноснѣе, какъ слышашь на шеатрѣ дурное произношеніе. Для чего же терпятъ его?

Не смѣшная ли слава для Россійскаго дворянину выговаривать такъ по Французски, чтобъ его не различили отъ природнаго Француза? Гдѣ и въ какой должностіи помѣшишъ онъ Французскую *декламацію*? Такъ на чѣмъ и Россійская — а особливъ еще и шеатральная? — — Ешьли говоришь выразительно есль первое искусство действовашеля, что какій человѣкъ можетъ сказать, что ему сїе искусство не надобно? Дворянинъ часіо бываешь отправляемъ онъ Намѣспничеству къ Монаршему Пресполу изъявить признательную благодарность за многія тысячи благодѣнствующихъ людей; не умѣя говорить выразительно, онъ не исполнитъ того, что возложили на него области, чувствованія сердцъ слабо объясненныя оставляющы въ сердце Монарха сумненіе, такъ ли счастлива та страна, какъ Монаршія попеченія и спасительные законы счастливою ея видѣть желающы? Судья не умѣя говоришь

можетъ ли въ разсужденіяхъ приказныхъ подавая голосъ свой дать исшине блестящее правдѣ? Военачальникъ неумѣющій говоришь, можетъ ли ободрить и возжечь огнь неуспрашимости въ подчиненномъ ему воинству? А все сіе дѣлаешся на Россійскомъ языке.

И шакъ для чего бы Россійскому дворянству по своей охотѣ представляя для забавы въ своей беседѣ зрелица не учиться предпочтительно предъ Французскимъ хорошему выговору Россійскому видя, сколь сіе необходимо? Ошъ сего родилась бы и приверженность къ своему, родилась бы охота въ нихъ самихъ къ сочиненію и слѣдовательно къ обогащенію словесныхъ наукъ. Театръ Россійский увидѣлъ бы зришель доброхотствующихъ и пѣмъ самымъ превзошелъ бы всякое чаяніе.

Не уже ли Французкій языкъ пресмыщеспвуешь предъ нашимъ по собственной красотѣ своей? Какое ослѣпленіе! — и къ какому языку, на которомъ нѣть ни разума ни добрѣшели! Изъ чего можно извлечь понятіе и о самомъ народѣ — и хощя

Французы и называютъ разумъ и добротѣль своимъ языкомъ, но около да кругомъ и шо въ смыслѣ метафорическомъ, то есть у подобленномъ, а точнаго имени обѣимъ симъ бездѣлицамъ у нихъ нѣшь. Ихъ *vertu* можешьъ бысть и въ человѣкѣ и въ винѣ въ деревѣ; а наша добротѣтель обишаешьъ въ одномъ только человѣкѣ.

Слыхалъ ли кто на свѣтѣ, чтобъ нищета была привлекательна? Всѣ о ней сожалѣютъ; но нищимъ ни кто бысть не хочешъ: по чмужь бѣлный Французскій языкъ такъ намъ понравился, что мы для него свой наибогатѣйшій презираемъ? Выраженія его нееспештвенны: представимъ самое нѣжное понятіе, каковое впечатлевається въ насъ при словѣ любовь — Французы ее называютъ *L'amour*: послѣднимъ слогомъ сего нѣжнаго изреченія всѣ на свѣтѣ народы дразнятъ собакъ — вотъ красопита языка! а сверхъ того глухіе выговоры да и въ носъ болѣе бы заспавить должны брезговать симъ языкомъ, нѣжели плѣняться имъ. Россійскій же на противъ того всякое понятіе называетъ своимъ именемъ: произношеніе его ясно плавно, гордо и

нѣжно, сопряженіе его свободно и музыка въ выговорѣ пріяшна.

(Продолженіе впередъ.)

Изъ Оссіана ОИНА - МОРУЛЬ,

Поэма.

Содержание.

По крашкомъ воззваніи къ Мальвинѣ, дочери Тоскаровой, Оссіанъ повѣствуетъ о походѣ своемъ въ Фуарфедѣ, островѣ Скандинавскій. Мал-Орхоль (кое-гдѣ называть будемъ Малоромъ) царь сего острова, сильно ущѣсняемъ былъ войсками Тон-Тормода, царя Сардронлосскаго, за кошораго отказалъ онъ выдать дочь свою Оину-Моруль. Фингаль посыаетъ Оссіана на помощь Малору, Оссіанъ на другой день своего прибытия сражается съ Тормодомъ, и беретъ его во плѣнъ. Малоръ предлагаетъ дочь свою въ замужество Оссіану; но сей

примѣшъ что Оина любитъ Тормода, великодушно уступаетъ ее любовнику, и примиряетъ обоихъ царей.

Какъ лучъ Солнечный бѣжитъ предъ шѣнью по лицу проспанныаго холма *Лармона-скаго*, такъ по среди мрака минувшихъ вѣковъ образованія преемствующъ единъ по другомъ въ умѣ моемъ. Когда Барды уклонились, когда гусли были уже ко сводамъ *Сельмскому* привѣшены, гласъ нѣкій коснулся тогда слуху *Оссіаносу*, и возбудилъ душу его ко вниманію. Се гласъ текущихъ предо мной минувшихъ вѣковъ, обремененныхъ бытіями разными. По мѣрѣ ихъ прохожденія, похищалъ я въ память мою знаменишайшія дѣянія, и паки въ пѣсняхъ моихъ прераждалъ оныя. Пѣсни *Оссіановы* не подобны потоку быстрому и мутному, но возносятся къ превыспреннимъ, какъ пріятное пѣніе *Луты*. О блаженная *Лутейская страна!* когда быстрыя персты *Мальвинины* лепшаютъ по златымъ гуслямъ, скалы шеи повороятъ тогда звуки ихъ доброгласные. О дщерь *Тоскарова!* о ты, разгоняющая мрачныя души моей помышленія! ис ужели не хощешь услышать гласа

моего? Приди, дѣва красная! возобновимъ
въ пѣсняхъ нашихъ дѣла минувшія.

Въ Царствованіе *Фингалево*, когда еще
лѣта не убѣлили власовъ моихъ, сѣлъ я въ
корабль ноющію, и поплылъ на островъ
Фуарфедъ. Звѣзда *Конкатлинъ* (1) была
пушъ моего указателемъ; *Фингаль* послалъ
меня на помощь *Малору*, царю *Фуарфед-*
скому, облежимому онѣсюду рашью силь-
ною: ибо опцы наши сидѣли вкупе на дру-
жественныхъ пиршествахъ.

Вошелъ я въ губу *Колькосскую*, и пред-
послалъ мечъ мой *Малору*. Позналъ онъ
значеніе *Альбіонское*, и воспрепешалъ отъ
радоснѣ; изshedъ изъ палатъ своихъ спѣ-
шилъ мнѣ во срѣшеніе; взявъ пошомъ дес-
ницу мою, рекъ сокрушеннымъ голосомъ:
„за чѣмъ идешъ оправить героеvъ на по-
мощь царю къ паденію близкому? *Тормодъ*,

(1) Конкатлинъ значитъ крошкой лучъ
волни; по толь давно прошедшему вре-
мени трудно сказать рѣшищельно, какой
именно звѣздѣ имя сіе придавали. Нѣкіе изъ
горныхъ жителей называютъ и нынѣ симъ
именемъ звѣзду поларную.

вождь острова *Сардлонло*, увидѣлъ и полюбилъ *Оину*, дочь мою; но я не восхощѣлъ сочтать ее любви *Тормодовой*: зане предки наши были непрѣятели. Днесъ пришелъ онъ съ многочисленнымъ воинствомъ: рабыни мои отъ лица его разсыпались. Кая же вина подвигла отрась геройскую прийти въ помощь мою? „

Я не за пѣмъ пришелъ, отвѣчалъ я ему, чтобъ подобно младенцу бышь шокмо бесполезнымъ бишвы зрищелемъ. — *Фингаль* помнишъ о *Малорѣ*, и о его великодушномъ спранныхъ угощеніи. Нѣкогда бурнос море повергнуло его на брега твои; ты воспрѣялъ его съ радостію, угостилъ пирами и пѣніемъ. Се вина вооружающая меня симъ мечемъ, который можетъ бышь разсѣсть враговъ твоихъ. Каково бы ни было раздѣляющее насъ отъ друговъ нашихъ разстояніе, но мы ни когда не забываемъ ихъ въ злонолучї. — „Достойный сынъ мужественнаго *Тренмора*! (2) глаголъ твой подобенъ гласу *Крумлоды*, когда сей могущій небесныя тверди обишацель разверзаенъ

(2) Праотецъ *Оссіяновъ*.

носящее его облако и благоволитъ къ намъ
бесѣдоватъ. Тысячи иныхъ браноносцевъ
ликовали на моихъ пиршествахъ, но всѣ
забыли несчастнаго *Малора*. Во всѣ концы
моря проспиралъ я взоры, и ни единаго
не узрѣлъ кораблъ идущаго къ моему спа-
сенію; ибо шумъ празднеспивъ не призы-
ваешьъ уже ихъ въ чертоги *Малоровы*, въ
коихъ нынѣ единъ токмо спукъ оружій
слышится (3) но се близится нощь къ
моей обишли: иди же, чадо геройское, иди
услышать пѣсни моей дочери!,,

(3) Малоръ обличаетъ симъ ложныхъ друзей,
оставившихъ его въ злосчастіи. Нѣкій изъ
древнихъ Бардовъ уподобляетъ счастливаго
и могущесвеннаго человѣка великому огню,
разведенному въ пустынѣ, а ласкашель-его
дыму онаго. „Дымъ окружающій пламень,
увеличиваетъ онъ въ очахъ удаленнаго
пушника; то се ни что есть иное, какъ
шонкій паръ, премѣняющій образованіе свое
при малѣйшемъ вѣтра дуновеніи. Когда пи-
шающій пламень древесный пень сгоритъ,
дымъ упончевается и исчезаетъ въ воздухѣ.
Тако ласкаши осипавшій вождя ихъ, коль
скоро власиѣ его склоняется къ паденію. ,,

Вошли мы въ чертоги царскіе, Оина бѣреши гусли звонкія; подъ перстами ея по перемѣнно каждая струна сотрясаешься, унылымъ гласа ея пѣніемъ препровождаема. Въ безмолвіи слушалъ я дщерь Малорову; въ безмолвіи созерцалъ красоту ея. Омоченные слезами очи ея подобны были блисцанію двухъ звѣздъ сквозь облако, проливающее на землю часный дождь. Наспавшу дню, сразились мы на брегахъ Тормульскихъ. Стукъ щиша Тормодова управлялъ движеніемъ его воинства. Убийство отъ единаго крыла до другого просперлося; и я вступилъ по помѣ съ вождемъ Сардрондосскимъ въ единоборствіе. Щитъ его въ щепы разлешаешься: я пѣнилъ его, обложилъ оковами, и предалъ во власть Малору оскорбленному. Тако низложеніе врага возвратило въ область Фурфедскую радость и веселіе, униженный пѣмъ Тормодъ, боялся срѣтишь взоры Оинины.

,Сынъ Фингалевъ, рекъ мнъ Малоръ, не удалишься ты отъ меня не взять съ собой свидѣтельства моей благодарности: Оина сядетъ съ тобой въ корабль. Въ великой душѣ твоей возжестъ она пламя любви

супружеской. Достойна она обитали въ Сельмѣ, и по красотѣ своей достойна бысть въ жилищѣ царей знаменишою. „

Ношь провелъ я въ черногахъ. Еще не закрылись сномъ очи мои, какъ услышалъ я тихій и жалобный гласъ, подобный порхающему Зефиру и производящему въ злахъ пажишныхъ шептаніе. Сей гласъ былъ поющей въ ночи дщери Малоровой: знала бо колико можешъ звукъ пріятной мусики умилишь душу мою.

„Кто сей младый воинъ, проспирающій съ верху скалы взоры свои на шуманіе моря синаго? Длинные власы его, черны какъ крыло враново, развѣвасмы резвящимися вѣтрами. Шестивѣе его провѣщаешь горестъ, слезы текутъ изъ очей, грудь отъ вздоховъ воздымасшся. — Удались злополучный: я странствую въ земль не знаемой. Окружаетъ меня порода геройская; но печали моей не смягчаешь ихъ присудствіе. Ахъ, Тормодъ! предмѣшъ любви красныхъ дѣвъ! почто опцы наши были ненрѣши? „

„Возлюбленная Оина, вѣщалъ я ей, отъ чего ты оглашаешь ночь скорбными спо-“

ми? Попомки мужественного Трендора не имѣютъ души жестокія, нѣтъ: не пойдешь ты спраншивовать въ земль не знаемой. Нѣкій гласъ властительный опозвался въ сердцѣ Оссіановомъ, гласъ сей, ни кому другому не слышимый, повелѣвашъ ему внушать спону несчастныхъ во дни ихъ злополучія. Успокойся Оинна прекрасная! любовникъ твой не будешь шебя на камнѣ оплакивать. „

На разсвѣтъ дня развязалъ я узы Тормодовы, и вручилъ его любовницѣ. „За что, рекъ я Малоруж, за что провождашь Тормоду дни свои въ горести? Произходитъ онъ отъ рода геройскаго, во сраженіяхъ блистаешь славою; и хотя предки ваши были непріятели, но днесь соединенные щиты ихъ ликующъ вкупе, и пьющъ изъ единаго чаши въ чершогахъ Лодовыхъ. О воины! забудьше древнюю ихъ ненависть, и погребище ее во мракѣ минувшаго! „

Таковъ былъ поступокъ Оссіановъ во дни его юности; тако возвратилъ онъ Оину нѣжному ея любовнику, и не прельстился блескомъ красоты ея.

Перевелъ Иванъ Захаровъ.

Е П И Г Р А М М А.

Къ чemu, мой другъ, шумишь и кажещъ ты
досаду,

Что милая твоя жена
Терпѣніе потерявъ и уступая гладу,
Тебя не дождавшись обѣдала одна?
Вѣдь шѣмъ она, ей сї! не много погрѣ-
шила.

Бывало безъ тебя, и умъ не возразишъ
Какія спранныя дѣла она шворила,
А ты все не былъ такъ сердитъ.

A . . . B . . .

Э П И Т А Ф I Я.

Прохожій, улыбнись взглсня на камень сей!
Сокрышъ подъ онимъ здѣсь ужасной риф-
мошкачъ:
Что умеръ, ты о томъ ни мало слезъ не
лей;
Но что онъ былъ въ живыхъ, обѣ этомъ
ты заплачъ.

I. I.

ПРОГУЛКИ.

Всѣ болѣзни человѣческія, суть слѣдствія невоздержности людей; говорилъ мнѣ докторъ Смертодавъ. Хотя умозаключенія сво казались мнѣ несправедливыми, по тому, что мы физически сотворены слабыми и подверженными болѣзнямъ, часто случающимся даже и отъ перемѣны воздуха; но я долженъ былъ согласоваться съ нимъ — Чье здоровье не воспрепещеть подъ десницей медицины? — Я думаю, что и самой Катонѣ спрussилъ бы при вращахъ Гишнанской инквизиціи и въ рукахъ у многихъ медиковъ.

Какимъ же образомъ, г. Смертодавъ, достойный поклоненія, получаемъ мы болѣзни? — Посредствомъ пяти чувствъ, сказалъ онъ съ гордостью — да, да, посредствомъ пяти чувствъ — зрѣніе, сообщаешь бѣніе сердцу; вкусъ, разстроеваетъ желудокъ; слухъ, щекочетъ тонкія и нѣжныя органы; осязаніе, разслабляешь нервы; обоняніе — Что касается до обонянія, оно было для него камнемъ предновеній — по этому, г. Смертодавъ, чтобъ человѣку

быть здорову, надобно быть ему безчувственну? — Безъ сомнѣнїя, г. м., безъ сомнѣнїя — вы видите, какъ я сплю.

Но имѣешъ ли какое отношеніе безсонница къ пяти чувствамъ? — Имѣеть ли! превеликое, превеликое. — Например — начнемъ мы съ раздробленія; скажемъ, что у васъ загустѣніе крови, слабое бѣеніе пульса, шумность въ глазахъ, жаръ съ сильнымъ пошомъ; по томъ скажемъ, что соединеніе всево эшова приключаетъ безсонницу; что — ахъ какъ вы сильно убеждаете! хотя я ничего не понимаю. — Вопь въ эшомъ — то и вся важность нашей науки. Можно въ часъ наговоришь обѣй болѣс, нежели въ тысячу лѣтъ понять ее — О! вы неоспоримо эшо доказываеще.

И такъ вы видите, г. м., что я чудо медицины: оспичный мои свѣденіи доспавляюшъ въ мои руки множествомъ больныхъ; тошь день починаю я погибшимъ въ моей жизни, въ которой больному не пущу крови, не поставлю к... ^{риммера}, не уверчу ево въ пластири, не увию въ бандажи, не дамъ кровочистильного; ибо я больныхъ очень люблю — Ахъ пожалуйше возненавидѣше

меня! я вамъ очень обязанъ буду — съ охотою; эшо для меня бездѣлица.

Но чесмъ же вы меня будеше пользовашь, г. Смертодаетъ, чиобъ избавишъ отъ бессонницы? — Чшеніемъ. — Какъ! какое сношениe имѣешъ лишерапура съ медициною? — Превеликое, г. м.; читаше только болѣе, и вы увидишь, что многія авшоры и переводчики подъ покровомъ девяши музъ приняли на себя должностъ Морфѣя, и дѣлающъ подрывъ апшекамъ — вы шушише, сударь? — Ни мало; я многихъ больныхъ симъ средствомъ выпользовалъ, и рецепты мои, сушъ рецепты универсальныя; размошире ихъ съ прилежаніемъ: умѣйше пользоваться моими ошкровеніями, прибавя къ тому съ завѣршняго же упра прогулки. Начнише ихъ съ 3 часовъ и продолжайше, выключая жаровъ, да самаго вечера. — Вы излѣчилесь, излечишасть, и даже будеше почишашь нѣкошорыхъ авшоровъ и переводчиковъ — и пошелъ отъ меня.

Неужели, думалъ я, нозволено господамъ медикамъ сверхъ незнанія своей должностіи и шушишь надъ ихъ больными? — Признаюсь, я люблю осиротшу, но въ ихъ ре-

цешахъ бываетъ столь много Ѳдкой соли, что послѣ двухъ прѣмовъ не успѣшь полакамишься шрѣпьимъ — Разсмотри мъ ево рецепты.

Первый рецептъ.

Собери всѣ манускрипты *Парацельса* о шаинсвахъ химіи, о извлечениіи кладовъ посредствомъ опыта надъ первымъ ягненкомъ, зарѣзаннымъ первымъ ножемъ, кооторый бы первой былъ вынятъ изъ огня; прибавь къ ссму книгу . . . читай битыхъ два часа поперемѣнно и ту и другую — опѣ 7 спраницъ каждой, зѣвиоши; опѣ 10, залремлешь; опѣ 12 ударишъ въ сильной пошѣ — послѣ сего случится небольшой обморокъ, и по томъ благополучной сонъ.

Примѣчанїе.

Сѣ разумѣется о посредственной напушѣ человѣческой; но какъ есть такія неблагодарныя, кооторыхъ ни чѣмъ не проймешь; то рецептъ сей можетъ служить другимъ образомъ: вырѣжь изъ помянущихъ книгъ, изъ всякой по 7 листковъ, что сошавишъ число миспическое; изомни ихъ крѣпко на крѣпко, опусти въ горшокъ го-

рячей воды, вскипѣши все это семь же разъ; по шомъ сдѣлай лейку изъ бумаги, на которой бы что нибудь напечашано было изъ *Телемахиды*, *Трояна* и *Лиды*, *Сакмира* и другихъ подобныхъ; — пропусти сквозь нее все, что въ горшкѣ сварилось; выпей сей микшуръ каждой вечеръ два порядочныхъ стакана — за симъ слѣдуешь пріятной сонъ; но не рѣдко и малинькое съ умасшествіе.

Второй рецептъ.

Пробѣги у всѣхъ переводовъ и оригиналънъ книгъ предисловіи; болѣе всего спарайся вышвердить наизусть одно и самое мучительное предъ комедіей Ф. Ж. — ибо оно въ состоянїи преимущесивенно предъ другими вскружишь чесинную голову и привесши всѣ нервы въ разслабленіе — не забудь присоединить къ сему рѣдкихъ и избранныхъ изображеній какія напримѣръ помѣщены въ . . . О инструментъ моей печали! — О магнитная сила моихъ удовольствий! — прибавь къ сему рифмопозаическое швореніе *вахт.мистръ*, разсужденіе о поемахъ, помѣщенное въ примѣчаніи на

К. и Г. — сверни все это въ кину, положи поближе къ сердцу; но берегись продолжать болѣе пяти минутъ. Ибо первый опытъ усыпляетъ только на двои сушки, а переходъ за семь, охлаждаетъ кровь на всегда.

Третій рецептъ.

Читай всѣ помѣщенные ниже сего стихи 18 часовъ въ сушки; а поелику ни чьей памяти не доспансъ вышвердишъ ихъ наизусиѣ; что они приведутъ сперва въ безпамятство, по шомъ въ изспущеніе, по шомъ одревяняшъ всѣ чувства больнаго.

Стихи изъ трагедии П . . .

Зрю — зрю, что у шебя, дщерь, язычокъ
восторъ —

Эй, воинъ! — ась? — Что спалъ? — Танци же на костюре.

Стихи изъ Н. Н.

Нещаснія меня жиляютъ словно блохи,
И невольно гоняютъ вонъ изъ сердца охи —
Я къ нещаснью предался прекрасному ли-
чишку,

И отъ шово приобрѣлъ колотье и одышку. —
И гдѣ, ахъ гдѣ спастишь отъ горесипной
жерюхи! —

Изъ Оды

Вѣтеръ вѣпры вѣпромъ гонитъ,
Туча шучею льетъ дощъ;
Воздухъ какъ въ кимвалы звонишъ,
День облекся въ смуроу нощъ. —
Волны съ волнами спирались,
Въ бокъ, въ передъ, въ кось, подвигались,
Словомъ: спала спрашна тьма —
Описать же нѣшъ ума.

Примѣчаніе.

Кто сей сильный опышъ выдержишъ, прошиву тово всѣ покушенія лѣкарей будущъ недѣйствительны, и онъ ошъ всѣхъ болѣзней по приговору медицинскаго факультета увольняется — ибо легче выдержать семь горячекъ, лихорадку, всѣ извѣстные и неизвѣстные медицинѣ болѣзни, нежели во всѣхъ этихъ спихахъ найдши мыслей, ума и правилъ.

Таковы были рецепты г. Смертодава — я пробѣжалъ ихъ два раза, и увидѣлъ сколь крѣпкому надобно быть сложенію, чтобъ пройти въ третей — наконецъ я рѣшился пользоваться только прогулками. Выспрѣль пушечной возвѣстилъ начало дня —

я вышелъ на улицу, и увидѣлъ человѣка съ нахмуреннымъ лицемъ, похожимъ на кри-
вляющуюся обезьяну — эшо былъ:

КРИТИКЪ.

На все смотрѣлъ онъ очень пасмурно и ка-
зался сердитымъ — во гнѣвѣ своемъ былъ
онъ подобенъ угрюому морозу, который
желая повредить разцвѣтающей розѣ, тѣ-
ряешь силу въ одно мгновеніе, какъ скоро
благотворныя лучи солнца касаюшися его —
Сей по *Антикритикъ*, или надмѣнныи пе-
дантизмъ знаніемъ, безъ малѣйшаго знанія;
свѣденіями, безъ малѣйшаго просвѣщенія;
проклиналь какую то книгу, которая у нево
въ рукахъ была, и какъ казалось, готовился
писать на нее примѣчанія — я съ нимъ за-
говорилъ.

Конечно, м. г., эша книга вамъ не нра-
вишися?

Такъ, сударь — переводъ сей гадокъ; не
имѣешъ въ себѣ ни правиль языка, ни пра-
виль грамматики; достоинства чувствованій
автора изкажены; и сверхъ того еспѣ слов-
ва, коихъ я не понимаю —

Вы имѣете причину сердиться!

Смотрите, смотрите, какая погрешность, какой недоспакъ ума, какое оскорблениe языка, какая мерзость! — вмѣсто родительного, синкетильный падежъ; вмѣсто точки съ запятой, двоеточіе; когда известно, что между членами періода, коихъ содержанія одно другому прошивуполагаються, непремѣнно ставится точка съ запятою — напримѣръ: дуракъ къ бездѣлку привязывается; а умной отъ него убѣгаешь.

Позвольте мнѣ вамъ откланяться.

На минуту — вы не можете предсказать, какъ это деретъ уши.

А особливо у кого такъ огромны, какъ у Мидаса; — какъ, напримѣръ, ваши —

Ахъ ежели бы вы знали, какъ мои — щекопливы! — вотъ извольте посмотрѣть какая еще ошибка: почти съ малою перерывкою слѣдуешь глаголовъ въ рифмахъ. Какъ это больно!

По вашему мнѣнію это порокъ?

Безъ сомнѣнія — имена и глаголы для рифмъ ни мало не годятся. — Самые правильные и самые чистые должны быть изъ местоименій и изъ междометій; а развѣ по нуждѣ изъ именъ — напримѣръ:

Влюблень въ девицу былъ Семіонъ —
Ахъ какъ же жалокъ онъ!

Я часто вѣдь швердилъ, что ты горда;
но, О!

Ты сердишься всегда, а право ни зачто.
Всмотришь ка ты въ себя, но только лишь
одна:

Увидишь, что я правъ — смеешься ты? —
Ага!

Я думаю, что г. Критикъ вѣчно бы не
кончилъ своихъ педантическихъ примѣча-
ний и безобразныхъ спиховъ, ежели бы я
въ самомъ ево изступлении не ушелъ отъ
него полгоныку — совсѣмъ шѣмъ примѣ-
чаний ево мнѣ понравились, и можно быть
увѣрену, что съ ево неусыпнымъ попече-
ніемъ о Рускомъ языкѣ, и въ самыхъ пи-
пографіяхъ опечатокъ будешъ гораздо ме-
нѣе. — Правда, онъ не касается до раз-
сматриванія авторовыхъ мыслей, плана со-
чиненія, характеровъ дѣйствующихъ лицъ,
ума и способностей — да и хорошо, что
не за свое не берется — какъ заниматься
шакою мѣлочью?

МОНИУМЕНТЬ.

Великолѣпная Невровская площадь, набережная — какое величественное зрѣлище! — на сей то площади воздвигнути монументъ *Петру Переому*, Государю мудрому, Великому. Возсѣдя на конѣ, обращаетъ онъ взоры на мѣсца, бывшія до него незаселенными, мрачными, пустыми — взираешь — и все содрагаешься при возврѣнїи его. Струи Невы съ уныніемъ упекая, изъявляющій томнымъ журчаніемъ сожалѣніе, что не могутъ далѣе наслаждаться зрењемъ изваяннаго образа своего благопворителя; *Нева* подъемля главу свою на рамена, вѣщаешь: Се черпы того, кѣмъ я прославлена! — сей монументъ сооруженъ Государю Великому, Государемъ ему подобнымъ — *Россїя!* обрати взоры свои на прошедшее сполѣшіе, сравни сго съ настоящимъ: изъ пепла изпорженная, возвеличенная, пролей слезы благоговѣнія и благодарности при воспоминаніи единаго имѧни виновниковъ твоего блаженства.

ХРАМЪ ВОСПИТАНІЯ РОССІЙСКИХЪ ГЕРОЕВЪ.

По полудни 6 часовъ, день праздничный, въ саду онаго публичное собраніе — я не зналь можноли туда войти, но меня съ крайнею учтивостію въ него впустили. — Я обратилъ взоры на училищѣ, — и уви-

дѣлъ, сколь великая, сколь ощущимельная польза для опечеснія заведеніемъ его. Государь получаетъ полезныхъ сыновъ; опцы, наученныхъ, хорошо воспишииныхъ дѣтей — взглянулъ на самое строеніе, на садъ и украшеніе его — и увидѣлъ каршину пріятную, поразительную. Разные хоры вокальной и инструментальной музыки занимая слухъ присудствующихъ шамъ, услаждали сердце. Самые спѣны, окружающіе садъ, попечніемъ управляющаго училищемъ, не были праздны, пусы — на нихъ были написаны краткія нравоученія и пословицы на разныхъ языкахъ для членія кадшамъ. — Сколь ни мѣлко сїе показашся можешъ, но оно гораздо важнѣе, нежели по поверхности судишь можно. — Не рѣдко изъ самой малости можно извлечашъ сколь же великую пользу, какъ и изъ глубокаго нравоученія мудрецовъ.

Наконецъ я увидѣлъ дѣтей двухъ первыхъ возрастовъ: они пѣснились около мужа соспарѣвшагося въ подвигахъ славныхъ, великихъ. — На лицѣ его начершана была не устрашимость, съ крохотствомъ; величествъ души, съ человѣколюбіемъ; разумъ, съ нѣжностю сердца — это былъ управляющій училищемъ; это былъ нѣжный отецъ, посреди сѣмейства имъ любимаго; это былъ наставникъ тихій, мудрый, герой

безъ высокомѣрія; учитель, безъ лозы — но съ величайшими свѣденіями извѣстными Европѣ — какъ герой, какъ полководецъ проницательный, какъ воинъ неуспрашиваемый, занималъ онъ ихъ краткими повѣщованіями о военныхъ подвигахъ; какъ мудрецъ о должностяхъ гражданина; какъ учитель о пользѣ наукъ — но крошки, привлекательно, нѣжно, безъ спраха — дѣши вокругъ сво рѣзвились, распрашивали, отвѣчали, но безъ нарушенія благопри-
стойности, не забываясь предъ нимъ и не ужасаясь его — такъ малѣйшія шѣла заемля свѣтъ отъ солнца, вплюгивающъ въ себя лучи свое, пишаются имъ и согрѣваются, но не отнимая собственного его блескания.

Расскажите намъ эти пословицы, спрашивали у него дѣши на разныхъ языкахъ — смотрите, смотрите, башюшка, какъ эти дѣ смѣшны — слово не стрѣла, а луже убиваетъ — за Богомъ молитеа, а за Государемъ служба не проладетъ.

Ничево не смѣшны, дѣши мой; я вамъ объясню обѣ. — Ежели принять буквально, то, слово не стрѣла, конечно значитъ мало; но должно войти во внутренной смыслъ. Не убиваешь ли ты, напримѣръ, швоего сошоварища, когда клевещешь на него учителю? Не убиваешь ли ты сво, когда дурныхъ слухи обѣ немъ разглашаешь? Не

убиваешь ли его, когда ищешь случая по-
ссорить его съ человѣкомъ честнымъ, до-
брымъ? Не убиваешь ли ты его, когда
чрезъ происки желаешь лишить его награ-
ды ему принадлежащей, дабы воспользова-
ться самому оною? А смерть есть по-
слѣднѣе нещастіе, нещастіе неминуемое —
и спало мѣнѣе значище первого — это
правда, батюшка, вскричали дѣти, мы бу-
демъ беречься, чтобъ этова не дѣлать —
расскажите же намъ другую.

*Слушайше: за Богомъ молитва, а за Го-
сударемъ служба не проладеть — нѣтъ ни-
чево несмыслинїе, какъ отвергать, что
провидѣнїе не внемлешъ молитвамъ нашимъ;
нѣтъ ничего ушѣшильнѣе, какъ мыслишь,
вѣришь, что за Богомъ молитва не пропа-
детъ; ибо это истина. — Первый есть
заблуждающійся, жалкій вольнодумецъ; по-
слѣдній, истинный христіанинъ — должно
ли заключашь, чио Богъ не внемлешъ намъ,
когда въшу секунду не исполняешъ нашей
воли, какъ скоро мы къ нему взываемъ;
когда, всею чаще, молѣнія наши основы-
ваются на безразсудности, на своеволіи,
даже на желаніи зла другому — имѣй чи-
стое сердце, правила честные, люби оче-
чеснѣво, человѣка — и молитва твоя бу-
дешъ ему внята. Оспавь сму право рас-
полагающею тобою; ибо онъ тебя создалъ —*

онъ лупче насть знаєшъ наши нужды, наше сердце, нашу волю, и спало лупче насть самихъ награждать насть умѣши.

За Государемъ служба конечно не пропадеши — ибо не остался ни одинъ прямо заслужившій награжденіе, безъ воздаянія — но чтобъ имѣши право на награжденіе, надо споить награжденія, дѣши мои; надо сдѣлаться гражданиномъ крошкимъ, шихимъ, человѣколюбивымъ, храбрымъ, неуспрашимымъ; надо для пользы Государя, ощечесива, отваживаться на все, проливашь кровь, жертвовавъ жизнью — я говорю это о воинѣ; но есть и другія въ общежитіи должностни — судья не мнѣе почтенъ, какъ и воинъ — послѣдній сражается съ врагами вѣшними; первой съ врагами внутренними — то есть: съ нарушишелями спокойствія, съ похищелями чуждаго — онъ есть особа, охраняющая законы, право собственности каждого; онъ есть спражъ правосудія, и гоницель лице-прѣятія; онъ не внемлеши ни состоянію, ни пышности, ни могуществу; но гласу единой истинны — она къ нему вѣщаешь: сынъ мой! помни, что подсудимый законамъ, тебѣ подобный человѣкъ; не криви вѣсовъ моихъ — сіи два первѣйшія состоянія, болѣе другихъ имѣютъ способовъ быти полезными ощечесиву и право на награду —

и кіо не награжденъ изъ нихъ? — Тотъ только, кіо не выполнилъ ему порученна-го — и сшало нѣтъ ничего справедливѣе сей пословицы въ нынѣшие просвѣщенное время — правда, вы можете услышашь недовольныхъ, вопіющихъ что они обижены; но сіи люди или не умѣютъ цѣнишь награ-ды и малыхъ своихъ доспоинствъ, или не спояшь награжденія — Государя мудраго первѣйшая должностъ награждать заслу-ти — будьше вы хороши, дѣши мои, и ни-когда не будеше ропшашь.

Будемъ, будемъ, башюшка, закричали они въ разныя голоса, чтобъ государь къ намъ былъ милосердивъ, а вы любили насъ — и побѣжали прогуливаться — Герой пошелъ во внутренность сада, музыканты заиграли маршъ увидя его — шакъ въ древнія времена принимали побѣдишель — равна-го почтенія доспоеи и сей просвѣшишель младенцовъ. — Кто не возчувствуетъ къ нему испиннаго благоговѣнія? — Ибо онъ заслужилъ его.

(Продолженіе впредъ.)

Александръ Клушкинъ.

Особы подпісавшіся на сїе изданїє
въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

Въ Санктпемербургѣ.

Его Высокоблагородїе Павелъ Машвѣевичъ
Скобельцынъ.

— — Максимъ Никитичъ Дьяковъ.

— — Петръ Ивановичъ Калашниковъ.

— — Семенъ Романовичъ Садовниковъ.

Его Благородїе Павелъ Николаевичъ Скры-
пицынъ.

— — А. Н. Б.

— — Н. С. Р.

— — Петръ Ивановичъ Пермяковъ.

— — Иванъ Лукичъ Лукинъ.

— — Михайло Висильевичъ Языковъ.

— — Родонъ Ивановичъ Крюковъ.

— — Александръ Михайловичъ Споро-
женко.

— — Г. Г.

— — Дмитрій Семеновичъ Пороховъ.

Г. Баронъ Ванжура.

Елизавета Алексѣвна Зарина.

Въ Москвѣ.

Его Благородіе Павелъ Васильевичъ Ваксель.

Въ Новѣгородѣ.

— Высокоблагородіе Степанъ Васильевичъ Рыкачовъ.

Въ Ярославль.

— Статство Князь Василій Семеновичъ Вяземской.

Въ Курскѣ.

— Высокородіе Петръ Ивановичъ Анненковъ.

Въ Царицынѣ.

— В. Н. В. С.

Въ Клину.

— Благородіе Алексѣй Сергеевичъ Блахинъ.

Въ Лукояновѣ.

— — Павелъ Яковлевичъ Бекешовъ.

Особы желающія подписатьсья на сїе сочиненіе, могутъ присылать деньги въ типографію Крылова съ товарищи въ новой домъ Его Высокопревозходительства Ивана Ивановича Бецкаго, что у лѣпняго саду. Плаштишь за весь годъ на бѣлой по 6, на проспой по 5 рублей. Желающія же получашь въ другихъ городахъ, плаштишь два рубли дороже пропиву здѣшнаго; деньги взносяшь къ г. Почтмейстерамъ, надписывая ихъ въ Сankspeterburgъ въ помянутую типографію, съ объявленіемъ своего имени и мѣсца, куда оные досыпавлять. Издашьли увѣряютъ въ немедлѣнномъ отправлениіи какъ вышедшихъ пяти мѣсяцовъ, такъ и послѣдующихъ. Каждый мѣсяцъ особо продается безъ переплета на бѣлой бо коп. на проспой 50 коп. — Въ сей же типографіи продаються оперы: рѣдкая вещь 80 коп. Діянино древо 70 коп. Мелодрамма Пигмаліонъ 20 коп. Сельская лира 20 коп. всѣ въ бум. пер.

ЗРИТЕЛЬ

ежемѣсячное изданіе

1792 го да.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.

от типографіи И. Крылова съ товарищи.

О Д О Б Р Е Н И Е.

Напечатать позволено отъ Управы благочинія
Іюля 18 дня 1792го года. Коллежский Совѣтникъ
и отправляющій должностъ Сankt Peterburgскаго
Полицеймейстера

Андрей Жандъ.

Мѣсяцъ Іюль.

П А Н Ъ

и

С И Р И Н К С А.

Въ тѣ славны времена, когда существовали
Безсмертны всѣхъ родовъ въ количествѣ
большомъ,

На небѣ, на земли, во адѣ обитали,

И даже въ самомъ днѣ морскомъ,
Была межъ прочими Богами

Одна охотница гоняясь за звѣрями.

Чай лишие будеть то, чтобъ я ее назвалъ;

Но Миѳологію кто если не чишалъ,

Тому, чтобъ не были шемны мои рассказы,
Скажу что *Фебова* сестрица то была,

Діаною слыла.

У ней была шьма Нимфъ, и всѣмъ даны
указы

Чтобъ кажда берегла первыйшій признакъ
дѣвъ;

Чтобъ твари слабы шѣ боролися съатурой.

Часть II.

М

Но божеству сказать *Діаны* не во гнѣвъ :
Ей должно было быть великой право дурой.

Хотѣть то бремя налагать
Терпѣть подъ коимъ столь несносно,
Которо сладко такъ свергашь !
За то бывало смертоносно
Повиновенье Нимфъ Богинъ въ томъ своей.
Во скакѣ топчасъ всякъ увидишъ то
моей.

Межъ дѣвъ которыми *Діана* окружалась,
Въ шолѣ подвижнаго сего монастыря,
Какъ свѣженѣй цвѣшокъ *Сиринка* опли-
чалась,

Или какъ розова предъ вѣшнимъ днемъ заря.

Когда она вспутила
Къ игуменѣ шоль спротой подъ началѣ,
То всю себя ея успавамъ посвяшила :
Присягу съ трепетомъ языкъ ея чидалъ,
А сердце билося тому пропиваясь скрышно.
Ахъ ! чио шы сдѣлала невинная душа ?
Сіяя прелестными и нѣжностю дыша,
Когда возчувствуешь движенье любопыт-
но,

Увѣдать шо, чио знать тебѣ запрещено,
Терзанїю тогда подвергнешься какому !
Знай, сердце нѣжное на то тебѣ дано,

Чтобъ имъ счастливой быть и счастье
дать другому.

Но какъ бы ни было, она
Въ несчастны Нимфы шъ уже пострижна:
А дерзновенный давъ обѣтъ неосторожно,
Блюсти ушавъ *Диани* должно.

Случилось съ нею разъ:
За зайчикомъ гонясь,
Опъ миленькихъ своихъ подружекъ осо-
бливо,

Лѣсистый пробѣгая пушь
Услала: успавъ и Нимфамъ вить не
диво:

И зайца потерявъ рѣшилась отдохнуть.
Забывъ что шъ мѣста для девушекъ опасны,
Калчанъ за рамена забросивши прекрасны,

Идетъ она шажкомъ:
Зефиры машущъ ей прохладными крылами,
Пушь *Флора* ей своимъ украсила ковромъ,
Который мнется чушь подъ легкими спо-
пами.

Идетъ — и вдругъ
Нечаянnyй шумокъ ея пронзаешь слухъ.
Что далъ, что сей шумъ къ ней ближе
спановицся.

Чпожь зритъ она? О спрахъ!

То станомъ человѣкъ, чудовище валился,
 Съ рогатой головой, на козынныхъ ногахъ,
 Тяжелою ступней глубоко землю давилъ,
 И всякий нѣжный взоръ мерзилъ собой за-
 спавшъ.

Но ктобъ подумашь могъ
 Чтобъ сей уродина былъ Богъ?

Однако то не ложно,
 И вычернить его изъ списка не возможно.
Меркурий съ сынокъ, прозваниемъ онъ *Панъ*,
 И всѣхъ на свѣтѣ роща владѣшель сей бол-
 ванъ;

Въ лѣсу онъ ростомъ съ лѣсъ, въ шравѣ
 равенъ съ травами,
 А ежели сказать короткими словами,
 Онъ лѣшихъ старшина.

Уэрѣвъ его она
 Блѣдишеть и трепещеть,
 И въ землю взоръ свой робкій ме-
 щетъ.

Но *Панъ* свой на нее глазъ дерскій обра-
 пивъ,
 Всѣ прелесши на ней смѣшены примѣ-
 чаешь:
 То роза дышашъ въ ней, то лилія бли-
 спасть.

Извѣстно всѣмъ чио *Панъ* весьма сласио-
любивъ.

На Нимфу у сего горячъ урода зубы,
И заиграли всѣ любовью чувства грубы,
Раздулась каждая страстью въ немъ щека,
И въ мигъ желаньями глава его набиша.
Хошь росъ въ лѣсу, но онъ искусный во-
локиша.

Та Нимфа отъ него была не далека,
И разсмотрѣши ее всюбъ можно было
съ разу,
Но вынувъ онъ лорнетъ тошчасъ приспа-
вилъ къ глазу.

Въ Сиринкѣ нѣжный вдругъ румянецъ за-
алѣлъ,
Всслились опъ стыда и страха всѣ за-
боты,
И даже вкругъ нее смущилися Гроты;
А *Панъ* тѣмъ болѣе горѣлъ.

Хотяшъ бѣжать ея привыкли къ бѣгу ноги;
Но *Панъ* догадливый спалъ по средѣ до-
роги.

Въ тупикъ сей шутъ пришло, и нѣкуда
ступишь;
Безъ поцѣлуя *Панъ* не хочешь пропу-
спишь.

Но лъязль, чтобъ было шакъ чудовище
счастливо,
Чтобъ розы на устахъ могло оно помяшь,
Которы самъ Зевесъ желалъ бы цѣловать?
Сиринка мечется смяшенно, торопливо;
Но Нимфа слабая что можеиъ сдѣлать
шупъ?

Сталь рокъ ей очень крутъ.
О слабый полъ! о полъ прекрасный!
О вы красавицы! еще не споль несчастны,
Коль попадешся *Адонису* во власть;
Спышася своему предаться вдругъ желанью,
Вы нѣжному его пропивишесь спаранью,
И бьешесь для того, чтобы скорѣе пастъ.
Но ежели ширанъ прошивенъ вамъ и гну-
сенъ,
Который и любя любиши не искусенъ,
Желая звѣрски бысть въ своихъ счастливъ
страспяхъ,
Овечку будто левъ, заспигнешъ васъ въ
когпяхъ,
То сколько я объ васъ жалю!
На варвара сего
Я злюся, свирѣпью,
И лучше самъ хочу на мѣстѣ бысть его.
Признайшеся что я весьма мягкосердеченъ.

Однако же, увы! что долженъ я сказать?

Любовникъ сей безчеловѣченъ
Разстроивши ее успѣлъ поцѣловать.
Но чио за поцѣлуй, насильно кой сры-
вающъ,

Лобзаны коему уста не отвѣчають?

Сиринка будто бы отъ язвы моровой,

Летишъ отъ *Пана* прочь спрѣлой:
Бѣжишъ за нею онъ, огнемъ изъ устъ ды-
хаешь.

Хоть Нимфа всякая *Діанна* легка;
Но сіпаршій лѣшій самъ не плоше рысака.
Бѣжишъ... и наконецъ ее онъ настигаетъ.
До берегу рѣки *Сиринка* добѣжалъ,

И задыхаясь и успавъ,
Запнулася въ шравъ, запнулася и пала,
А *Панъ* уже и шутъ.

Съ какимъ, природа, ты мерзѣніемъ взирала
На то чио счастливъ извергъ люшъ;
На то какъ нѣжная красавица страдаешь,
Лобзанія шому неволей сообщаешь,
Который не на то судьбой назначенъ былъ.
Не тошь кто споишъ ихъ, не тошь ихъ
получилъ.

Вошъ такъ - то нѣжности цвѣтъ намъ
опредѣленной

Не рѣдко рвѣшъ другой ошибкою за насъ.
 Произицельный крикъ Нимфы побѣж-
 денной,
 Необычайный шумъ услышала за разъ
 Тскуща шумъ рѣка, иль Богъ тѣмъ вод-
 нымъ покомъ
 Который обладалъ, по имени *Ладонъ*.
 Оставилъ онъ просперѣть по тиы мокрый
 шронъ,
 И выглянуль изъ водъ, какъ будто не на-
 рокомъ.
 Чпожъ зришъ онъ? . . . должно чтобъ чи-
 пашель миъ просшилъ
 Чпо мной не сказано сей сказки при на-
 чинѣ,
 Чпо сей *Ладонъ*, въ рѣчной господствуя
 нучинѣ,
Сиринъ былъ отецъ . . . чпо дѣлашь? Я
 забылъ.
 Онъ зришъ, увы! себѣ и своему спыдѣ
 роду;
 Прекрасна дочь его, спавъ жершвою уроду,
 Ядѣ сыплешъ внутрь ему, кой сильно чув-
 шва жжошъ,
 Кошораго вода рѣки вся не зальешъ.
 Опѣ спрашнаго сего вострепешавши виду,

Дочь милю онъ въ трошникъ поздненько
преврашилъ;

Но шѣмъ не замѣнилъ
Случившуюсь ему смертельну шу обиду.

Смущающійся мой *Панъ*,
Зришъ тонъ сталъ еще препонкой Нимфы
станъ;

Всѣ члены гибкіе еще свободнѣй гнутся,
И ножки корнемъ спавъ во мѣлкомъ днѣ
спояшъ;

Всѣ прелестни трошники, вершинки лишь
шумяшъ,

При всякомъ вѣщеркѣ и малинькомъ
трясущіяся.

Любовники себя упѣшаши чѣмъ нибудь,
Опрадой чушашъ себѣ любовницы без-
дѣлку.

Панъ вырвалъ прутики, и сдѣлавши сви-
рѣлку,

Въ нее со спрасью началъ душъ.

О новой вѣ свѣшъ всѣ свирѣлкѣ той
узнали,

И вѣ памяшь Нимфы ей *Сиринксы* имя
дали.

А *Панъ* на ией игралъ
По рощамъ вѣ восхищенье,

И Нимфу тѣмъ лобзать живую воображалъ.
О! много дѣлаешь въ любви воображеніе.

A . . . B . . .

Исъ Оссіана (*)

Д А Р Т У Л А,

П о э м а.

С о д е р ж а н і е.

Узношъ, обладашель Эши, женился на Слизамъ, дочери Семовой, и сесири знаменишаго Кухуллина. Отъ ней имѣлъ онъ трехъ сыновъ, Нашоса, Алтоса и Ардана, коихъ, едва только вышли изъ лѣтъ младенческихъ, послалъ въ Ирландію, для изученія иску-

(*) Оссіанъ, сынъ Фингила, царя Шотландскаго, Бардъ, (пѣснопѣвецъ) жившій въ концѣ третьяго и въ началѣ четвертаго вѣка. Пѣсни его сочинены были на древнемъ Целтическомъ или Галлическомъ языкѣ, и изъ устныхъ преданій переведены на нынѣшній Англинскій языкъ, около 1760 года, Мак-Ферсономъ, Профессоромъ Эдинбургскимъ.

сиву военному, подъ надзираніемъ дяди ихъ Кухуллина, опличавшагося тогда въ браняхъ, царство оное изнурявшихъ. При самомъ сошествіи ихъ съ судовъ въ Ульстерь, узнали они о смерти своего дяди. Нашосъ, хотя и весьма еще молодъ, принялъ шотчашъ начальство надъ воинствомъ, напалъ на Каирбара, и разбилъ его во многихъ сраженіяхъ. Послѣ сего Каирбаръ нашедъ средство убить Кормака, законнаго всей Ирландіи царя, обратилъ къ себѣ все войско Нашосово, которое принялъ хищникову сторону принудило Нашоса возвратиться съ братьями въ Ульстеръ, дабы отпугнуть переплыть въ Шкотію.

Даршула, дочь Коллова, которую любилъ Каирбаръ простиъ ея воли, жила тогда въ Ульстерскомъ замкѣ, называемомъ Селама. Она увидѣла Нашоса, полюбила его, и убѣжала съ нимъ. Но во время проплаванія воспавшая буря кинула назадъ корабль ихъ на щѣжъ берега Ирландскіе, гдѣ Каирбаръ со всемъ войскомъ своимъ расположень былъ станомъ. Мужественно при браша защищались нѣкое время; но опѣ множесшиа враговъ низложенные пали и умерщвлены, а злополучная Даршула пронзила грудь свою на щѣль возлюбленнаго ей Нашоса.

* * *

Прекрасная дщерь нощи, о Луна! колико
прельщаешьъ мене тихій свѣтъ лица твоего!
восшекаешьъ ты исполненна прѣят-
носными, преслѣдуема звѣздами, по лазу-
ревой спезѣ пущи твоего къ восшоку гря-
дущими. Присутствію твоему радующиму
облака: ибо лучами своими посребряешьъ ты
мрачныя края ихъ. Кто можешъ уравни-
тишся шебѣ въ небесахъ теченіемъ, крошкая
дщерь нощи? Предъ лицемъ твоимъ по-
спыжденныя звѣзды отвращаютъ сверкаю-
щія очеса. Куда же уклоняешьъ ты въ
концѣ поприща своего, когда сгустившаяся
иънъ блісшательный шаръ твой покры-
ваешь? Не подобное ли *Оссіанову* имѣшь
и ты жилище? Не обишаешьъли, какъ и
онъ, во шмѣ печалей? Или сестры твои
изнапали съ небеси? Или несуществующій
уже ликовавшій съ тобою во время нощи?
Увы! всемѣрно нали сестры твои; и ты
прекрасное сѣшило, для того почасту
скрываешьъся, чиѣбъ низпаденіе ихъ опла-
киванъ. Но приидетъ ночь злополучная,
въ кошорую и сама ты надешь, и отъ ла-
зореваго пущи своего по тверди небесной

на вѣкъ уклонишися. Тогда, уничиженныя нынѣ присутствіемъ швоимъ звѣзды вознесупъ блеспящія главы свои, и о паденіи швоемъ возвеселятся.

Днесъ одѣяна ты полнымъ свѣшомъ; изѣдихъ изъ черпога швоего и явишся на небеси. О вѣтры! распоргнише облако, скрывающее отъ очей нашихъ дщерь нощи! да грядешъ она освѣшишь злаки холмные, и да воздымаешъ окіянъ синія волны свои при блескѣ лучей ся.

Натосъ бездны морскія преплаваетъ; *Алтосъ* и *Арданъ* брашія его, сопушствующій сму, разсѣкая кораблемъ по среди мрака волны пѣнистые. Сыны *Узнатовъ* бѣгутъ въ нощи, спасаясь отъ лютосни *Каирбаросой*.

Но кио сей съ ними вкупе юный клеврѣшъ, красому коего покрываетъ нощь? Власы его возвѣлии морскими вѣтрами; длинными складками одѣжда во шмѣ плавастъ. Подумашь можно что то прекрасный призракъ небесный, являющійся по средѣ густаго шумана. Конечно сіе *Дартула*, первая изъ дщерей Эринскихъ. Укрываясь отъ любви *Каирбаровой* вдалась она

бѣгству съ *Натосомъ*. Но вѣтры обманываютъ тебя, о *Дартула!* и отрицаютъ кораблемъ твоимъ *Этскій* вожделѣнныи брегъ. Сіи здимыя тобою горы, о *Натосъ!* не суть горы твоего отечества; внемлешь ты шумъ не твоихъ ревущихъ волнъ; но находишься близъ *Каирбара* свирѣпаго. Не далеко отъ тебя врага твоего башни возносятся; холмъ склоняющій зеленую главу свою надъ моремъ, сей холмъ есть *Уллинъ*; заливъ сей, воспрѣмлюющій вѣ обѣяний корабль твой, есть заливъ *Туры*. Гдѣ были вы полуденные вѣтры, когда сіи нѣжности моей предлоги толь бѣдственno скончали жизнь? Играли вы тогда вѣ долинахъ, гоня предъ собой косматый репейникъ. Ахъ! по чю не устремились вы надушь вѣтриль *Натосовыхъ*, до толь, чтобъ холмы *Этскіе* подѣли лица свои до самыхъ небесъ, срѣшая царя ихъ приближеніе. Давно уже опиупшіе твое продолжается, о *Натосъ!* и назначеній (1) для возврата пивого день уже минулъ,

(1) Назначенной судбою. Вѣ спиховореніяхъ Оссаиновыхъ не находимъ иныхъ Божествъ, кроме судьбы.

Вълюбленный герой! колико прелестенъ явился ты очамъ *Дартұлы*, прибывъ въ землю чуждую! лице твое имѣло подобіе первыхъ лучей утренней зари; черныс власы твои не уступали цвѣтомъ вранову крылу; луша твоя, спокойна была подобно тому времени, когда по ясномъ дни солнце въ окіянѣ погружастся. Ни зефирово между проспника шептаніе, ни журчаніе источника *Лоры* споль не прѣяты, какъ звукъ гласа твостго.

Но въ ужасахъ брани уподоблялся ты обуревасмому вихрями морю. Удары оружія твоего были спрашны, и отъ единаго слуха шествія твоего содрогался врагъ . . . Таковымъ узрѣла его *Дартұла* съ высокихъ опицевъ ся шеремовъ чертожныхъ; и увидя таковымъ воспрепстало ся сердце. — „Колико любезенъ ты, юный спринникъ, вѣщала она; коль прекрасенъ ты въ бояхъ! о другъ *Кормака* злополучнаго! (2) почто

(2) Котораго предательски умершиявъ Каирбарь. Описано сїе въ другой поэмѣ называемой *Темора*.

слѣдуешьъ движенію кипящаго твоего мужества? Число воиновъ твоихъ, малый герой, къ нападенію на *Каирбара* недоспашочно. О когда бъ возмогла я свободицься любви сего звѣронравнаго воина, и возвращавшись шому предъ лицемъ *Натоса*! блаженны вы скалы Этскія: вы узришь спопы моего любезнаго; узришь и грудь алаваспрову, когда вѣши возвѣюшъ кудри его черныя.,,

Таковы были вѣщанія твои, о *Дартула*! на покровенныхъ мхомъ башняхъ; но днесь окружаешьъ тебя ночь, и вѣши солгали парусамъ твоимъ: солгали, *Дартула*, вѣши парусамъ твоимъ. Преспань, о съверъ! душъ хощя на малое время, и дай мнѣ услышашь гласъ дщери *Коллосой*. О коль возлюбленъ мнѣ гласъ твой, *Дартула*, по средѣ рѣзкаго свисца буйныхъ вѣпровъ!

(*) „Сіи ли скалы *Натосовы*? Здѣсь ли шумъ пошоковъ ихъ? Свѣшъ сей отъ чершоговъ ли *Узнатовыхъ* свѣшился? Едва проницаешь онъ мракъ насть окружающей. Но свѣшъ, возвеселяющій душу *Дартулы*,

(*) говоришъ *Дартула*.

есть присутствиє дражайшаго ей *Натоса* . . . по чю же, о сынъ великодушнаго *Узнота!* почю скрываешь вздохи въ груди своей? Не ужели мы въ чужей землѣ?,,

,, Такъ, дражайшая, отвѣщаєшъ *Натосъ*: не наши скалы сии; шумъ сей, не моихъ попоковъ. Не можешъ сюда отъ чертоговъ *Этскихъ* доспигнуши ни малый свѣтъ: ибо весьма отъ насъ удалены сумь. Находимся мы въ чужей землѣ: во обласши *Каирбара* люшаго. Вѣты обманули насъ, *Дартула*: се есть *Уллинъ*, коего зеленые холмы до облакъ возносятся. — Иди *Алтосъ* къ сѣверу; а ты, *Арданъ*, направь споны вдоль берега; дабы не напалъ на насъ въ нощи обманомъ врагъ, и не отъялъ отъ насъ надежды увидѣть чертоги *Этскіе*. Я же пойду къ оной башнѣ, покровенной мхомъ, да узнаю, кшо обишаешь въ шеремѣ, откуду свѣтъ сей проливаешься. Но ты, прекрасная *Дартула*, почїй на берегѣ, почїй въ спокойствїи: ограждаешь тебѧ мечъ *Натосоетъ*. ,,

Натосъ удаляется; *Дартула* едина остается на берегѣ; садится и внимаетъ смятенному шуму волнъ. Горячая слеза

трепещенъ на вѣждахъ ся, и очи ищутъ
зражайшаго Натоса; сердце отъ дуновенія
вѣтровъ содрогається; приклоняетъ она
ухо на спезю любезнаго но звука
сипонъ его спало уже не слышно. „Гдѣ
ты, драгій любви моей предмѣтъ? Вѣтры
ревущъ окрестъ меня; спрашна ночь шем-
ная; а ты не возвращаешься. Что удер-
живаетъ тебя, любезный Этскій вождь?
Развѣ уловили къ нощи враги наши? „

Натосъ возвратился, но съ помраченнымъ
лицемъ печалию: видѣлъ-бо тѣнь друга сво-
его, тѣнь Кухуллинову, шествующу по спѣ-
намъ Тұры. Изъ груди героя сего частыя
исторгались вздохи; помраченныя смертію
очи еще мешали искры спрашныя. Копіе
его составлялъ шуманный столпъ, и звѣз-
ды слабымъ свѣномъ проницали воздушное
шѣла его образованіе; гласъ его яко гласъ
вѣтра ревущаго изъ глубины пещеръ; а гла-
голъ возвѣщалъ нагубу.

Прискорбна была душа Натосова; чело
его помрачено подобно солнцу во влаж-
номъ шуманѣ погруженному. „Онъ чого
произходишъ печаль швоя, о Натосъ? Вѣ-
щала ему дочь Коллова. Единъ ты остался

покровъ и защища *Дартулы*: всѣ радоснин
ся въ швоемъ лицезрѣніи, и нѣтъ у ней
друга, кромѣ *Натоса*. Въ шѣсномъ дому
почиваешь родителъ мой; владычествуетъ
въ *Селамѣ* безмолвіе; слезы и сѣнованіе
въ моемъ отечествѣ; пали со злонолуч-
нымъ Корлакомъ други мои; погибли во
браняхъ *Уллинскихъ* сильные.

(*) Разспилался по долинѣ вечерний
мракъ; синеющіеся поноки во шмѣ скры-
ваться начали: вѣты колебали вершину
дубравъ *Селамскихъ* съ разспановкою; я си-
дѣла на башнѣ подъ деревомъ, распущимъ
ири черпогахъ моихъ родишслей. Тогда
предсталъ мнѣ брашъ мой *Трутгилъ* въ но-
мышеніе, ради сраженія съ *Каирбайроизъ*
со мною разлучившійся. Достопочтенный
Колла, ощецъ мой, опираясь на копіе въ
можъ время ко мнѣ приближился: уклоненіѣ
былъ къ землѣ мрачный зракъ его; въ душѣ
люшая горестъ скрывалася. Мечъ препоя-
санъ былъ по бедре его; главу осѣнялъ
шлемъ прародишельскій. Воздымающаяся

(*) *Дартула* повѣщуетъ о смерти Коллы,
ея родителя.

грудь его дышала жаромъ ко сраженію; изъ очей его падала слеза, кою онъ скрыть силился.

Дартула, вздыхая рекъ мнѣ родицель мой, ты послѣдняя осталась отъ рода Коллова. *Трутгилъ* погибъ во сраженіи; нѣшь болѣе въ живыхъ царя Селамскаго (3); *Каирбарь*, начальствующий надъ многочисленнымъ воинствомъ, идетъ уже ко спѣнамъ нашимъ. Колла смиришь гордыню сего варвара, и ошместишь за сына убѣннаго; но ты любезная *Дартула*, куда ты скроешься? Кому въ покровъ вѣрю лѣпошу твою? Гдѣ будешь ты въ безопасности? Погибли всѣ друзья швои.

Такъ нѣшь уже на свѣтѣ *Трутгилъ*? Воскликнула я съ вздоханіемъ; и не будешь гремѣть великодушнаго брата моего крѣ-

(3) Селама на языкѣ Галлическомъ, значицъ, красный видъ; видъ обширный. Домы сстроили тогда на высотахъ, дабы превышать окрестности и не быть окружены расплодомъ непріятелямъ. По сему многие замки назывались въ то время Селама; и отъ иного происходицъ имя Фингалевъ жилища, славныхъ чершоговъ Сельмы.

пость во сраженіяхъ?... Но моя безопасность о Колле! въ семъ лукѣ содержиша. Наученная пронзашь робкихъ сернъ, не ужель не возмогу, о родиша злополучнаго Трутгилля! пронзишь и Каирбара звѣронравнаго? — При словѣ семъ лице спарцево просияло радосшю; скопившіяся на вѣдахъ слезы полились по ланишамъ со спремленіемъ; внезапный трепетъ привелъ въ движеніе уста его; сѣдая брада опѣ дуновенія вѣпровъ колебалася. — Достойная сесира Трутгилева, возопилъ Колла; по сему горящему огню познаю въ тебѣ душу братову. Прими, Дартула, прими копіе сіе, сей мѣдный щитъ, и сей булапный шлемъ: се суть корысти снятыя съ воина, въ первыхъ лѣтахъ его юности. (4). Когда воспечетъ солнце надъ Селамою, пойдемъ во срѣтеніе Каирбарово; но не отходи отъ руки отца твоего, пребудь подъ щитомъ моего щита. Въ прежнія времена Дартула, могъ бы защищить тебя

(4) Дабы учинить повѣсть Дартулы правдоподобною, пѣвецъ съ измѣреніемъ говоритъ, что оружіе ея было весьма молодаго воина.

родищель твой; но днесь опяготъла лѣшами трепещущая рука его, силы отъ мышцъ удалилися, и душу его помрачаетъ скорбь люстя.

Въ Горести провели мы ночь. Наставшу дню возсіяло на мнѣ оружіе бранное; опецъ мой предо мною шеспвовалъ; воины Колловы собрались окрестъ щита его. Но малое число собралось ихъ на долинѣ, и всѣ были съдиною покровенные. Младые герои пали съ братомъ моимъ, по злополучномъ Кормакѣ поборающи. Товарищи Юности моей! рекъ имъ Колла; не таковымы видѣли вы меня прежде въ вооруженїи; не таковъ шель я къ бою, когда великий Конфаданъ палъ отъ ударовъ моихъ. Опягощены и вы лѣшами и печалію; мрачная спарость покрыла насъ; щитъ мой сперло время жаднос, а мечъ давно уже повѣшенъ былъ на спинахъ моей храмины. (5) Говорилъ я

(5) Когда воинъ становился старъ, или не способенъ ко сраженію, вѣшалъ онъ оружіе свое въ палатѣ, въ которую все семейство собирался во дни торжественные. Уже не являлся онъ въ бояхъ, и сїе время жизни

самъ себѣ: спокоси будешь вечеръ жизни твоей, и конецъ твой догарающей свѣщѣ уподобишся. Но днесъ наспавшой бурѣ, согбенъ я подобно древнему дубу, вѣтвей лишенному; колеблюсь, и всякий шагъ угрожаешь мнѣ паденiemъ... Гдѣ ты, о сынъ мой! гдѣ съ шѣнями героеvъ твоихъ пребываеши? Не отвѣщаешь ты мнѣ изъ нѣдръ вихря тобою обишаемаго. Душа отца твоего горесшию сиѣсненна... Но вскорѣ скончается печаль моя: паденіе Колла, или Кайрбарь паденіе. Чувствую возвращающуюся силу дѣсницѣ моей, и сердце мое пропещетъ въ радости отъ шума браннаго.

Колла извлекаетъ мечь; сашль блиспаешь пошомъ въ рукахъ всѣхъ преспарѣлыхъ его воиновъ. Шествующій они по долинѣ; сѣдые власы ихъ вѣтрами развѣваются. Въ тихой долинѣ Лоны (6) сидѣлъ Кайрбарь на пиршествѣ; узрѣлъ воинство отца мое го, и тошчасъ далъ знакъ ко сраженію.

его называлось временемъ повѣщенія оружій.

(6) Лона, долина исполненная болотъ. Въ обычаяхъ было пиршествовать послѣ побѣды;

Уже... (7) но ради чего повѣстовать
Натосу битвы сей о подробностяхъ? Не
видѣлали я тѣя по средѣ враговъ, подобна
небесной молнїи? Прекрасна молнїя но ужа-
сна въ ярости, и палящїй бѣгъ ея испро-
вергаешь изъ смертныхъ сильнейшихъ. —
Копіе Коллово всемѣсно носитъ смерть.
Воспомянуль онъ бои юности своей; но
увы! лепитъ спрѣла, и узаетъ въ ребра
героевъ. Вся душа моя воспрепечала онъ
ужаса. Упадаешь онъ на крѣпкій щитъ;
я покрываю его моимъ щитомъ, и въ семъ
движеніи обнажаешься грудь моя. Направя
копіе *Каирбарь* на меня устремляется, и

и по сему Каирбаръ праздновалъ тогда по-
раженіе Труштилево, и съ нимъ останка
поборниковъ Кормаковыхъ, когда Колла
шелъ на него съ нападеніемъ.

(7) Пѣвецъ искусно уклоняется отъ описанія
битвы Лонской, которое было бы въ
устахъ женщины не вмѣсно, и не пред-
ставило бы ничего уже новаго, послѣ множе-
ства описаній сего рода въ другихъ его
поэмахъ. А сїе подаетъ ему случай заспа-
вить Даршулу сказать любовнику ея лес-
ное привѣтствіе.

усматриваетъ дѣву Селамскую. На мрачномъ лицѣ его играетъ лучъ радоспній, и рука оспановляетъ гошовое желѣзо на пораженіе. Родителю моему воздвигъ онъ надгробіе, а меня ошвелъ въ Селамъ плачущу. Тамо вѣщалъ комиѣ любовну рѣчъ; но душа моя уязвлена была печалію. Взирая на щиши праотцесвѣ моихъ, на мечь возлюбленнаго Тхутгилля, на умершихъ друзей оружія, орошала я лице слезами горькими. Тогда пришелъ ты, о Натосъ! и вѣтъ мгновеніе злонравный Каирбай уѣгъ, какъ уѣгаешь пустынное привидѣніе ошъ лучей дня свѣщающа. Далече было ошъ Селамы его воинство, а рука слаба прошиву крѣпости мышцъ швоихъ.

Но отъ чего происходишъ печаль твоя, о Натосъ? безпрепанно повторяла дочь Коллова. (8) „

(8) Таково всегда обыкновеніе Оссіаново, чтобы при концѣ Эпизоды повторять рѣчъ, которою приступилъ онъ къ ея повѣстованію. Симъ способомъ лучше, кажется разумъ читателевъ принаравливается къ первоначальному содержанію.

„Уже во дни моего младенчества видѣлъ
я бои страшные, ошвѣчалъ Натосъ; рука
моя еще не могла копія поднять когда
опасность предсипала мнѣ въ первый разъ.
Но война шолико же была вожделѣнна душѣ
моей, колико углубленнымъ въ долинѣ зла-
камъ вожделѣнио солнце, когда оно проли-
васиъ сприи свѣта предъ сокрытиемъ пла-
менѣющаго лица своего во мракѣ спраш-
ныхъ бурь. Мужество мое ознаменовалось
въ опасностяхъ прежде того времени, ко-
гда очи мои узрѣли красоту твою, о Дар-
тула! красоту лучезарную, подобну со-
звѣздію, блisшающему въ ночные часы на
холмѣ Но вижу днесъ наступающую
медлѣнно шучу, копорая прекрасной звѣз-
ды моей свѣтъ запимиши угрожаетъ. На-
ходимся мы въ землѣ враговъ нашихъ;
вѣшры обманули насъ; храбрыя друзья
наши опсушившены; далече спали отъ
насъ горы Этскїя. Гдѣ же найду шебѣ при-
бѣжище, о Дартула! сильны братія Нато-
совы; рука моя не въ одной битвѣ блisпа-
ла оружіемъ; но что возмогушъ шри сына
Узнатовы пропиву рапи Канробаросой? Ахъ!
почто вѣшры не донесли кораблей твоихъ

на брегъ сей, о шы, героевъ вождь Оскаръ! (9) обѣщавшій мнѣ прийти по Кормакѣ злополучномъ въ поборствіе! тогда бѣ десница моя подобна была перуну смертоносному. Воспрепешалъ бы Каирбара въ черпогахъ своихъ, и окрешилъ возлюбленной Дартулы шишина воцарилася. Но почто унываешь ты душа моя? Развѣ не могутъ споржо-сивовать сыны Узнатовы? „

„И безъ сомнѣнія воспоржествуешь,
о Натосъ! съ воспоргомъ возонила лѣпонша Селамская. Во вѣкъ не узришь Дартула черпоговъ Каирбара свирѣпаго. Дай мнѣ мѣдное свое оружіе, на днѣ корабля скрытое и освѣщенное теперь мелькнувшему зарницею; дай! Дартула сражаясь шес-сивуешь . . . Великодушная тѣнь Коллы, отца моего! тебя ли въ облакахъ вижу явившаяся? Но кио сей близъ тебя угрю-

(9) Оскаръ давно уже расположился плыть съ воинствомъ въ Ирландію, для нападенія на Каирбара, умертвившаго друга его Камполя, сына Моранова, отъ рода знаменитаго въ Ирландіи, державшаго спорону Кормака.

мый призракъ? Се *Трутень*, безшрепетный! . . . И чтобъ я уэрѣла чершоги варвара, главу *Селамы* умерившаго! нѣшь никогда, о пѣни дражайшія! никогда не увижу ихъ. „ — Глаголь сей возврашилъ радованіе на лицѣ *Натоса*. — „Дщерь *Селамская* рекъ ей *Натосъ*; ты проливаешь свѣшъ душѣ моей. Иди днесь, *Кандаръ*, иди со всемъ твоимъ воинствомъ: *Натосъ* ощущастъ въ себѣ силы новыя. А ты почтенный *Узнатъ*, не услышишь вѣсти, что сынъ твой бѣжалъ отъ сраженія. Всегда незабвены мнѣ послѣднія слова твои, вѣщанныя на брегѣ *Этскому* въ то время, когда парусы надмѣвавшися уже начали, и когда я ко спенамъ *Туры* гоповъ былъ къ ошилишю. — *Натосъ*, рекъ мнѣ родишелъ мой, ты идешь теперь соединиться съ *Кухуллино.и.*, съ героемъ никогда неуклонявшимся отъ опасностей. Не попущай слабѣвать во брани рукъ твоей; не помышляй ни когда о бѣгстве со сраженія: да не речешъ *Семовъ* сынъ, что малодушны сыны *Этскіе*. Обидная рѣчь сія дошигнешъ слуха моего, и тогда печаль отяготившъ меня въ уединеной моей хра-

минъ. — Тако вѣщалъ мнъ ощецъ мой съ
кашящимися по ланишамъ его слезами.

Потомъ пріявъ отъ рукъ его сей мечъ,
доспигъ я залива *Турскаго*. Далече окрестъ
черноговъ царствовало безмолвіе. Тщипно
искалъ я взорами кого либо отъ воиновъ,
могущаго повѣдать мнъ о вождѣ *Дунскар-
скомъ* (*). Вонедѣль въ пришественную хра-
мину, гдѣ были дошоль оружія дѣдовъ его
повѣшены, нашелъ я мѣста ихъ праздны-
ми. Единъ токмо *Ламоръ*, сѣдинами покры-
тый спарецъ, сидѣлъ шамо во слезахъ ушо-
пающій.

Опкуду возблістало оружіе въ очахъ
моихъ? Вспавая рекъ спарецъ. Давно уже
не сверкало во мрачныхъ стѣнахъ *Туры* ко-
ніе крѣпкое. Отколѣ вы пришли? Отъ по-
лейли окіяна синяго, или изъ печальныхъ
черноговъ *Теморы*? (10)

(*) о Кухуллинѣ.

(10) Теморою назывались палаты государей
Ирландскихъ. Оссіанъ именуетъ ихъ
печальными, по причинѣ смерти Кормака,
умерщенного Каирбаромъ, дабы похитить
престолъ его.

Пришли мы съ долинъ окіяновыхъ, отвѣчалъ я, отъ чертоговъ *Узнота* великодушнаго. Зри въ насть сыновъ Слизамы, знаменишаго *Сема* дочери. Гдѣ сильный *Кухуллинъ?* . . . Но почто вопросашъ тебя о немъ *Натосъ?* Не вижуль текущихъ по лицу твоему слезъ? Скажи, какъ палъ герой сей? Отвѣщствуй мнъ, уединенный обиташель *Тұры.*

Онъ палъ, отвѣщалъ *Ламоръ*, не какъ шихая искра небесная, копорая лепишъ въ нощи, сверкнеши, и исчезаетъ въ мигъ; но какъ ужасное съверное сіяніе, отдаленныя страны озаряюще: спремленію его предъидешъ смерть; явленіе онаго на небеси предзначеноша брань люстру. Горестъ и съпованіе обишаешь днесъ на брегахъ шумящаго *Лего*; журчаніе потока *Лары* плачевно и уныло: ибо на ихъ брегахъ, о сынъ великодушнаго *Узнота!* погибъ герой мой.

Погибъ среди сѣчи? Возопилъ я воздыхая. Ужасна была рука его въ бояхъ, и мечу его сопущивала смерть алчная.

Опполь пошли мы къ сѣшующимъ берегамъ *Лего*; нашли гробъ *Кухуллиновъ*. Бра-

ионосные клевреши его окружали онъи вкупъ съ Бардами, многократно до шоль побѣды его восиѣвавшими. Три дни плачали мы надъ героемъ; но въ четвертый ударилъ я во щинъ прародишельскій: и се рашники *Кухуллиновы*, грозно копіями ихъ попрясая, съ радостію собрались окрестъ меня.

Не далече отшоль споялъ другъ *Каирбаровъ*, Корлатъ, началствующій надъ многочисленнымъ воинствомъ. Подъ сокрытиемъ нощнаго мрака мы напали на него; истребили всѣхъ его рашниковъ; и когда жишли долины той проснулися, увидѣли при раннихъ лучахъ зари всю землю кровью ихъ обагренную. По семъ двигнулись мы къ чертогамъ Кормаковымъ. Мечи наши подняты были на защищеніе царское; но пусты уже предсшли намъ чертоги Теморы: Кормакъ погибъ въ юности, и не спало царя Эринскаго.

И се печаль обѣмлетъ сыновъ Уллинскихъ: въ мрачномъ унынїи удаляются они коснымъ шествіемъ, подобно тучамъ, кои долговременно угрожая бурею за холмами шеряются. Сыны Узнатовы въ сѣтованіи

своемъ грядутъ къ заливу Тулы. Въ прехожденіе наше мимо Селамы, Каирбэръ убѣжалъ отъ насъ, подобно стучающемуся надъ Ланою шуману, прогнанному вѣшрами, бушующими отъ пустыни.

Тогда увидѣлъ я тебя, возлюбленная дѣва Селамская. Прекрасна явилась ты мнѣ, какъ солнце лучезарное. Коль блиспашеленъ юный сей лучъ! возопилъ я; и вздоханія сперлися въ груди моей. Не отреклась ты послѣдовать несчастному вождю Этскому . . . Но вѣтры обманули насъ, о Дартула! и близокъ къ намъ непріяшель нашъ. „

„Такъ, рекъ пришедший тогда Алтосъ (11); близокъ къ намъ непріяшель нашъ. Слышалъ я шумъ похода его; стукъ оружія коснулся ушей моихъ; видѣлъ развѣвающуюся хоругвь Эринскую; позналъ Каирбарь гласъ (12). Усмощрѣлъ онъ корабль

(11) Алтосъ возвратился съ береговъ Лоны, куда посыпалъ его Напосъ, для разведанія.

(12) Каирбаръ собралъ войско на берегахъ Ульстерьскихъ, дабы пропиву спашь Финга-

нашъ на морѣ, прежде нежели спусшилась
ночь на волны синія. Воины его въ долинѣ
Ленской бодрствуяющъ, и возносящъ мечей
десять тысящій. „

„Пусть подъемлющъ они мечей своихъ
десять тысящій, ошивъчалъ *Натосъ* съ
улыбкою: сыны *Узнота* сильного никогда
не трепещущъ при видѣ опасносней. Но
почто гонишь ты съ шоликимъ шумомъ
пѣнистая волны свои, о море *Уллинское*?
Почто разширяше по воздуху свистящіе
криле свои, о бури съ неба гремящіе?
О вѣтры буйные! не мнишели, что вы удер-
живаете на брегъ семъ *Натоса*? Нѣшъ, сви-
рѣпые сыны нощи, нѣшъ: остановляешь
здѣсь безшрепетнос его мужество. — *Ал-*
тосъ, принеси оружіе ошцевъ моихъ: ты
увидишь его отъ свѣща звѣзднаго блісшаю-

О 2

лю, имѣвшему намѣреніе высадить своихъ
въ Ирландіи, ради восстановленія на пре-
столъ рода Кормакова. Губа Турская,
въ которую занесенъ вѣтрами корабль *Натосовъ*, заключалась двумя крылами войска
Каирбарова, такъ что дѣши Узношовы
никакъ не могли спасти отъ непріятелей.

ща; принеси копье Семово (13), сохраненное на днѣ корабля нашего. „

Алтосъ приноситъ оружіе; *Натосъ* облекається во броню булашную. Осанка его величественна и гордѣлива; въ грозныхъ очахъ бліспаешь радость и желаніе видѣть приближающагося непріятеля. *Дартула* безмолвна стоишьъ близъ любезнаго, устремивъ на него нѣжные взоры; но испоргающійся изъ груди ся вздохъ и две капли слезъ, помрачающихъ прекрасныя глаза ся, сокрыши стараешься.

„*Алтосъ*, вѣщаешьъ вождь Эты, я вижу въ скалѣ сей вершень: сокрой въ немъ *Дартулу*, и да защищаешьъ ее рука швоя. А мы, *Арданъ*, пойдемъ на непріятеля; иззовемъ въ бой *Карбара* люшаго. О! когда бы дерзнулъ онъ покрыть шумящими лапами наступить на сына *Узнотова*! . . . *Дартула*! буде спасешься ты отъ мечей вра-

(13) Семо былъ дѣль Напосовъ, со стороны матерней. Кошѣ, о коемъ здѣсь упоминается, далъ онъ Узноту при бракѣ. Таковъ былъ обычай, чтобъ тѣсти дарили зажевей своихъ оружіемъ.

жескихъ, бѣги, дражайшая, не ожидая по-
слѣдняго взора отъ *Натоса*. О *Алтосъ*!
подними вѣтрила, и достигай съ нею бре-
га Этскаго: скажи *Узноту*, что сынъ его
умеръ со славою; что мечь мой не укло-
нялся отъ сраженія. Вѣщай ему, что палъ
я среди тысящей, да шѣмъ возвеселишся
душа его въ горести. Любезнѣйшая *Дарту-*
ла, собери въ чертоги отца моего юныхъ
дѣвъ страны Этскія, да воспоютъ онъ
хвалы пѣсни *Натосу*, по возвращеніи
ненаспная осени. О естыли бы и пѣвецъ
Коны (14) возвѣстилъ міру славу мою!
шѣнь моя возвеселилась бы паря на кри-
лахъ вѣтренихъ надъ вершинами горъ
нашихъ. , —

(*) Вѣрь, *Натосъ*, гласъ мой воспоетъ
хвалы твои; Оссіанъ ознаменишъ славу
твою, о сынъ великодушнаго Узнота. Ахъ!
почто не былъ я тогда на Ленской долинѣ,
когда ты бѣдственныи бой началъ. Мечъ

(14) Оссіанъ. Въ древнемъ стихотвореніи Бор-
довъ часто именуется онъ пѣвецъ, гласъ,
сладчайший гласъ коны.

(*) Вѣщаешь Оссіанъ.

Оссіановъ оградилъ бы дни твои, или погибъ и самъ я вкупе съ тобою.

Въ нощь сю сидѣли мы въ Сельмѣ, на
пиршествѣ у Фингалла. Вѣтры ломали дре-
веса; споны горныхъ спрашилищъ (15)
ревели въ воздухѣ; вихрь бурный впор-
тился въ храмину, и тихо коснулся спру-
намъ гуслей моихъ. Звукъ уныный оп-
дался отъ нихъ, подобный пѣнию погре-
бальному. Фингаль первый услышалъ сю;
и частыя вздоханія начали воздымать
белую грудь его. „Конечно погибъ кто-
либо отъ героевъ моихъ, рекъ Морвенскій
царь. Отъ гуслей сына моего слышу исхо-
дящій гласъ смертный. Оссіанъ! тронь
звѣнящую спруну сю: произведи намъ во-
услышаніе плачевное звоновъ согласіе: да
воспарятъ тѣни сильныхъ моихъ съ радо-
стью къ холмамъ Морвенскимъ. „

Бряцалъ я на гусляхъ предъ царемъ
моимъ: звуки исходили отъ нихъ томны

(15) Подъ спономъ горныхъ спрашилищъ, Ос-
сіанъ разумѣетъ глухой шумъ, предше-
ствующій бурѣ, и весьма извѣстный жи-
ляемъ горнымъ.

и жалобы. — „Приникните отъ нѣдръ обишаемыхъ вами облаковъ, о тѣни ощцевъ моихъ! оширишь отъ себя окружающей васъ огнь и ужасъ, и воспріимиша дружелюбно героя, испускающаго днесъ духъ свой; воспріимиша, хощя бы пришелъ онъ отъ далекихъ концевъ земли, или изъ нѣдръ морскихъ испоргнулся. Уготовайша ему ризу сопканиную изъ шумана, и копіе составленное изъ облака; привѣсьша къ бедръ его въ образъ меча багровый стопъ съвернаго сіянія, и да являешся онъ всегда въ видѣ благопріятномъ, радуя друзей своихъ крошкимъ его лицезрѣніемъ. Тѣни ощцевъ моихъ, приникните изъ нѣдръ обишаемыхъ вами облаковъ! „ — Тако въ Сельмѣ воспѣвалъ *Оссіанъ* при звукѣ унывныхъ гуслей. Но *Натосъ* на *Уллинскомъ* берегѣ окруженъ былъ нощю; слушалъ рѣзкій гласъ враговъ своихъ, превышающій ревъ бурныхъ волнъ: и слушалъ оный въ безмолвїи опираясь на оружіе.

Настало ушро урумяненное багряными лучами; сыны *Эринскіе* являются, и въ доль береговъ разширяютъ ряды свои, подобно какъ сѣрыя горы поросшія древами

машерыми. Во средѣ ихъ *Каирбарь* оскальяется злобнымъ смѣхомъ при видѣ не-пріяшеля. *Натосъ* спремишся въ бой; *Дартула* не хочеть отспащися удаленна отъ возлюбленнаго; лешишъ во слѣдъ его вооруженна копіемъ, и провождаєма двумя споборниками. Но кто сіи покрытые бронею во цвѣтѣ нѣжной юноспи, кто сіи герои? Познаю въ нихъ сыновъ *Узнатовыихъ*, *Алтоса* и *Ардана*.

„Иди, рекъ *Натосъ*, иди вождь *Теморы*, сразимся на брегъ за прекраснѣйшую изъ дѣвъ *Дартулу*. *Натосъ* не имѣшъ съ собою воиновъ: удалились они за предѣлы моря бурнаго; почожъ наступаешь ты съ тысячами героеvъ твоихъ на вождя *Этскаго*? Но ты бѣжалъ отъ лица его, когда онъ друзьями окружаемъ былъ. „ (16)

„Юноша высокомѣрный, опвѣтствовалъ *Каирбарь*, не ужели ты думаешь, что сразимся съ тобою *Эринскій* вождь? Предки твои не были въ числѣ славныхъ воителей; не имѣли царскаго достоинства. Со-

(16) Напоминается симъ побѣгъ Каирбара, когда *Натосъ* пришелъ въ Селаму.

хранилиль они въ дому своеи оружіе вра-
жеское и щиты отъ давнихъ временъ?
Каирбаръ со славою владычествуетъ въ
Теморѣ: низко ему мѣряться съ проспымъ
ратникомъ. „

Горькая слеза канула изъ очей *Натоса*;
взираешь онъ на брашевъ: и се три су-
лицы лепятъ въ едино время, и три воина
падаютъ на землю проспертые. Вскорѣ
пошомъ блестяютъ въ рукахъ ихъ мечи
страшные; полки *Эринскіе* разсѣваются,
какъ скопище шемныхъ облаковъ опѣ ду-
новенія буйныхъ вѣшровъ. Тогда *Каирбаръ*
даєтъ знакъ ко сраженію всему воинству.
Тысяча луковъ напягаються; тысяча стрѣлъ
пущены; упадаютъ сыны *Узнотовы* . . .
Упадаютъ какъ три младыя дуба, возвы-
шавшіеся уединенно на холмѣ. Видитъ
гордыя древа сіи пушечесственикъ; удив-
ляется видя единыхъ и безъ подпоры до
шоликія высоты досшигшихъ; но пустын-
ный вѣтръ устремляется нощю, и повер-
гаетъ долу зеленая вершины ихъ. Наушрѣ
приходитъ паки пушникъ . . . Но ахъ!
дубы уже посохли и холмъ лишенъ укра-
шенія.

Дартула зритъ падшихъ героевъ; горестъ шворишъ ее неподвижною: очи не проливающъ слезъ, взоры угрюмого отчаянія исполнены; блѣдность выступаетъ на ланиты вмѣсто румянца алаго, трепещущіе уста едва произносящъ слова нескончаемы, черныя власы въ безпорядкѣ развѣваются.

Лютонравный *Каирбайръ* приступаетъ къ ней. „Гдѣ теперь предметъ любви твоей? Гдѣ твой Этскій вождь? Достиглаль ты чертоговъ *Узнатовыхъ*, или мрачныхъ холмовъ населемыхъ *Фингалемъ*? Но когда бы вѣпры и не занесли *Дартулу* на брега мои, я возгремѣлъ бы бранью въ предлахъ *Морвенскихъ*. Самъ *Фингаль* палъ бы отъ ударовъ моихъ, и сѣтованіе въ *Сельмѣ* водворилося. „

Слабая рука *Дартулы* роняетъ щипъ. Опкрывається грудь алаваспрова; но грудь сїя пронзенная стрѣлою окровавлена. Упадаетъ она какъ снѣжный пухъ на дражайшаго ей *Натоса*: черныя кудри ся покрывающъ лицѣ любезнаго, и кровь ихъ по землѣ струится смѣщенная.

„Нѣтъ уже тебя въ живыхъ, дщерь
Коллова, воспѣли Барды *Каирбара*: на пустынныхъ брегахъ Селамскихъ обишаешь
безмолвіе: родъ *Трутгилесъ* пресъкся. Ко-
гдажъ восшанешь, о ты, изъ красопѣ *Эрини-
скихъ* первая? Долго будешь почивали во
гробѣ, и весьма удаленно отъ тебя упро-
швоего пробужденія. Не приидетъ къ тому
освѣпить одръ швой солнце красное, и не
скажеиъ тебѣ: восшани *Дартула*, восшани
изъ женъ краснѣйшая. Согрѣло ароматный
воздухъ весеннее дыханіе; цвѣты пома-
ваютъ уже превышая злаки главами . . .
Удались, о солнце лучезарное! уснула
дщерь Коллова; не выдѣшь уже упромъ
въ блиспаніи красопы своей, и не узряшъ
ее прелестно по долинѣ шествующу. „

Тако пѣли Барды насыпая гробъ *Дарту-
лы*. Приду и я воспѣть надъ гробомъ сей
нешасипной, когда *Фингаль* пойдетъ въ Ул-
линъ на *Каирбара* съ воинствомъ.

Перевелъ Иванъ Захаровъ.

Нещаспье отъ лорнепа.

С К А З К А.

* * *

Была, не знаю гдѣ, дѣвица,
 Тиха, прекрасна, какъ денница;
 Черны, взоръ огненный очей,
 Румянецъ, розъ самихъ нѣжнѣй,
 Киприду въ ней изображали;
 Уста любовь начерпавали;
 Души улыбка шишину;
 Все вмѣстѣ, нѣжную весну —
 Съ ней стоишъ только повстрѣчаться,
 Чтобъ вѣчно не хотѣшъ разстаться;
 Сказать два слова, — полюбить.

Въ пятнадцать лѣтъ она скучала,
 И часто шомно взыхала,
 Что не съ кѣмъ чувствій раздѣлить —
 Случалось ли при рѣчкѣ быти,
 Гдѣ тихихъ водъ спруи журчали,
 И шомнымъ звукомъ выражали
 Любовь, блаженство двухъ сердецъ;
 Цвѣтокъ гдѣ каждой страстью дышашъ;
 Гдѣ громкой, сладосной пѣвецъ
 Самой природой наученной
 И шишиной обвороженной

Поетъ станъ душенькъ своей;
 Подъ шѣнью ль сидя средь лилъй,
 Иль нѣжносТЬ видя голубей,
 Вездѣ она блаженство слышитъ;
 Недоспастъ ево лишь ей.

Все въ ней желанье возрождаєшъ!
 Хотя цѣны ево не знаешъ,
 Чтобъ болѣ, спрасинай пожелать;
 Однако же — ну какъ не знашь.
 Уроки сердце можешъ дашь!
 Чево же *Лизинъка* хошѣла?
 Хошѣла *Лиза* полюбить;
 Съ другимъ собою раздѣлившись,
 Въ объятье нѣжно устремившись,
 Со вздохомъ цѣлой міръ забыть; —
 Но *Лиза* горьку часть имѣла!

Въ сїи холодны времяна,
 Была на сѣверѣ война:
 Сердца, кошорые пылали,
 Природы презря нѣжный гласъ,
 Въ войнѣ вѣнцовъ себѣ искали;
 Любви священный огнь угасъ —
 Килриды храмы опускли,
 Свѣщи въ немъ брачны не горѣли;
 И вмѣсто споль пріятныхъ жершвъ
 Арею ѳиміамъ курили:

Сражались, токи крови лили —
Альуръ былъ щоменъ, блѣденъ, мершвъ.
Въ сїи то времена страдала
Прекрасной Лизиньки душа —
Что въ томъ, что Лиза хороша ?
Въ другіе бѣ дни она прельщала ;
Въ другіе бѣ пали передъ ней
Внимашь изъ устъ ея законы ;
Повергли бѣ скинешы и троны ;
Чево и нѣшъ, повергли бѣ ей ;
А шунѣ — шушѣ ей недоспавало
Сердечка, коимъ овладѣшь —
Чпожъ дѣлать Лизинькѣ ? — шерпѣшь !

Терпѣнье мудрости начало,
Такъ философія швердинѣ :
Но шопѣ, кпо чувствуешь, горишъ ;
Любовь чымъ сердцемъ уже водишъ ;
Въ терпѣнье горести лишь находишъ ;
Въ мечтанїи, блаженства видѣ —
Кто знаешъ дѣвушки сложенъс,
Просшишъ охощно нешерпѣнье.

У Лизы былъ спарикъ ошецъ :
Извѣстны спариковъ бѣсѣды —
Спаринны люди домосѣды,
Не знающъ нѣжностіи сердецъ.
Знакомства, древеса покрою ;

Друзья ихъ, съ лишкомъ взрослыхъ лѣтъ;
 Не смысляшъ шаркануть ногою,
 Не скажутъ болѣ: да, иль нѣтъ.
 Въ нещаспномъ Лиза положенье! —
 Но чемъ же Лизѣ пособить?
 Желалъ бы я къ ней ближе бытъ;
 Желалъ бы, нѣжности въ награду,
 Съ румяныхъ успѣ ея оправду
 Душе влюбленной получитъ;
 Съ ней сердце, чувства раздѣлишь;
 Желалъ бы — кончимъ возхищенье.

Но рокъ другова ей судилъ —
 Кто жъ эпошъ смершнай сполъ щасливой?
 Дѣшина храброй и служивой;
 Кошорой вѣкъ въ походахъ былъ,
 И жертвую вездѣ собою,
 Здоровье отдалъ Туркамъ съ бою;
 А шѣло на покой привезъ.
 Увидѣлъ Лизинъ — воскресъ.
 Душа геройска воскинила,
 Къ праншеямъ Лизы полетѣла,
 И ну ее апаковашь —
 Что съ Лизой сдѣлалось? — вздыхаешь;
 Невольно лавры уступаешь;
 Молчитъ — а сердцемъ опѣчаешь —
 Часъ бѣшъ! поѣхали вѣнчашь.

За часъ была она девицей,
 Изъ церкви вышла молодицей;
 За часъ задумчива была,
 А тушъ, какъ будто ожила. —
 Ей пылкое воображенье
 Сулило нѣжно упѣшенье;
 Раскошно, спраспно наслажденье;
 Но ахъ! — надежды шусклой лучъ
 Подобно молнїи блестящей
 Премѣной въ воздухѣ грозящей
 Мгновенно скрылся въ нѣдро тучь. —
 Напрасно Лизинъка мечтала
 О нѣжной участии своей;
 Не знать шово, чево желала,
 То доля Лизинъки моей.

Весь вѣкъ людей, одно мечтанье,
 Сшроенъе въ воздухѣ палашъ;
 Блескъ ложной, шусклой, ожиданье;
 Надежда, подслащенной ядъ —
 И бѣдной Лизы шаже доля!
 Средь воли сладоспной, неволя —
 Чево то ей недостаетъ;
 Да и когда жъ? Въ пятнадцать лѣтъ.

Грудь нѣжну Лизинъка вздымаспъ,
 Примѣшна шомноссть на глазахъ;
 Покойна Лиза на словахъ;

Но въ сердце гореспь ощущаешь —
 Чево же Лизинъка желаешь?
 Хотѣлъ бы узелъ развязать;
 Хотѣлъ бы; но — мой долгъ молчанье.

Что Лиза кой чпо въ свѣтѣ знала,
 И даже авшоровъ чипала,
 Я шо сказать и позабылъ.
 Она свой разумъ изощряла —
 Ошецъ ей самъ наставникъ былъ.
 Пришли ей въ память спрашны вѣки,
 Когда спаринны человѣки
 Желая землю населиши
 Что бы ей праздною не быти
 На казнь тѣхъ женщинъ осуждали,
 Илодовъ кошоры не давали —
 Что въ бракѣ если нѣшъ дѣшей? —
 Смутилось Лизы вображенье:
 Невинна будучи душей,
 Въ душе находишъ преступленье.
 Гопова Лиза все свершиши,
 Что бы судимою не быти
 Закономъ спрогнъ уголовнымъ. —
 Невиннымъ быти, и быти безсловнымъ
 Душа великой смерть вкусиши.

Среди ужасна беспокойства,
 Когда душа слабѣешъ въ насъ:

Часть II.

П

Утѣхи, годы; муки, часъ,
 Перемѣняющъ наши свойства —
 Какъ роза, утренней росой
 Смоченна, стебли распускаетъ;
 Но вѣтръ повѣстъ — умерщвляетъ;
 Такъ Лиза меркнешъ съ красотой. —
 Глаза прекрасны, томны спали,
 И розы на щекахъ увяли —
 Изображаетъ душу взглядъ:
 Въ лице унылость, въ сердце ядъ!

Какъ Феобъ изъ мрачныхъ тучъ выходитъ
 И мещешъ искры на цвѣшки;
 Цвѣты умершими находишъ:
 И перспомъ пламенной руки
 Подъемлетъ ихъ и воскрешаетъ;
 Успами душу въ нихъ вдыхаешъ;
 Сулишъ часы блаженны имъ:
 Подобно Лиза оживилась,
 Изъ томной въ спасину преворилась,
 Когда предсталъ предъ ней Любимъ.

Увидѣлись — сердца сразились:
 Шушили, спорили, влюбились —
 Казалось, Лизинъки душа
 Въ мигъ мигъ вспорхнула, полетѣла,
 Къ дружечку милому подсѣла —
 Любови пламенемъ дыша

На помно сердце искры мещеть:
 Она дрожишъ; — Любимъ препещеть —
 Коснулася ко груди грудь;
 Уста сомкнулися съ устами;
 Молчашъ; — но говоряшъ сердцами —
 Рука дерзаешъ въ дальней нутрь —
 Ихъ ласки, нѣжность, повторялись;
 Лобзанья въ эхо преворялись;
 Но съ нова на усахъ являлись,
 Чтобъ болѣе сердца тронуть.

Но прочныхъ удовольствій мало —
 Едва ушѣхи лучъ блеснетъ,
 Какъ молнїя межъ глазъ мелкнетъ —
 Изчезнетъ все, что нась прельщало.
 Приходишъ къ Лизѣ муженюкѣ:
 „Любимъ! — здоровъ ли ты, дружокъ?
 Ну, знаешь ли, что я женился?
 Конечно — что люблю, Любимъ?
 Что щастливъ выборомъ своимъ? —
 Все знаю — вотъ кѣмъ я прельстился!
 Признайся: Лиза хороша!
 Какой нравъ ангельской, душа —
 А что въ ней болѣе безценно,
 Вѣрна — и честью побожусь —
 Желалъ бы — обѣ закладъ не бьюсь;
 Но еслибъ сердце чье прельщено

Хошъло въ Лизѣ поискать,
 Ни съ чѣмъ изволило бѣ отшатать.
 Хотя и долженъ я признаться,
 Что распоронная жена
 Съ охотой можетъ помѣняться
 Такимъ, какъ я, на шалуна;
 Но Лиза, раны уважая
 И шабель о чинахъ читая,
 Апаку всякую снесіотъ —
 Ядромъ ее не прошибошъ.
 Всегда стремяся къ точной цѣли,
 Чеснѣй держишъ въ крѣпкой ципадели. „
О! я, Сударь, увѣренъ въ томъ.

„Но, слушай, дѣло не о томъ.
 Глаза сердечушки пропали :
 Что съ Лизой мы ни вымыщляли,
 Но помощи ни малой нѣшъ.
 Погибъ бы, ешьлибъ не французы!
 Они мнѣ съ бельмовъ сняли узы.
 Купилъ я, мой дружокъ, Лорнетъ —
 И чпо жъ? Чушь на глаза наставилъ,
 Какъ зреїя себѣ прибавилъ.
 Я въ вѣкъ мой лушче не глядѣлъ —
 Но чтобъ ты вѣру къ нимъ имѣлъ,
 Ставь здѣсь — нѣшъ, нѣшъ, за нишъ; —
 подалъ —

Гдѣ Лизинъка? шьестъ, вѣрно, въ залѣ —
Поди, мой другъ, сядь съ нимъ за нишъ;
Ты мужа эшимиъ одолжиши —
Ахъ! это не лорнешъ; — находка!
Добро проклящая рѣшопка! —
Бывало за тобой не вижу ни ково,
Теперь не скроешь ни чево. ,,

Кому не сродно ослѣплснье:
Хощь шожъ имѣлъ спарикъ мой зрењье,
Но думалъ, ново получилъ,
И съ лишкомъ надѣть собой шупилъ.

Съ Любимомъ Лиза вмѣстѣ сѣли:
Коснулись — чувства закипѣли —
Пренявшій нѣтъ, изчезъ и страхъ.
Сплѣлися руки — онѣмели —
Любовь въ душе, любовь въ глазахъ;
Все вмѣшѣ, равно, ощущали —
Но глазъ у спариченца нѣтъ!

„А! а! плушишки, зашептали —
Все вижу; — вошъ каковъ лорнешъ.
Ну, далѣ, — браво! — продолжайше —
О! смѣйтесь болѣ — не внимайше „, —
Старикъ всѣмъ сердцемъ хохоталъ.
„Что? Что? Вы машете руками;
Какъ такіы бьете вы ногами;
Прекрасно! . . . полно! — „, онъ кричалъ.

Влюбленны предъ иево предстали,
Ни въ чёмъ какъ будио не бывали.
,,Скажише: правъ ли я, иль нѣшъ? „
Любимъ и Лиза ошѣчали:
„Ей, ей! прекрасенъ вашъ лорнетъ!

Александръ Клужинъ.

П Ъ С Н Я

нѣкотораго мореходца

изъясняющаго любовь свою тѣми словами
и мыслями, какими по привычкѣ къ мореплаванію воображеніе его наполнено.

* * *

Какъ молни¤ пловущихъ зракъ
Средь темной ослѣпляеть ночи,
Краса твоя подобно шакъ,
Сверкнувъ, мои запмилы очи:
Смущенъ и изумленъ ясталъ
Узрѣвъ, шоль ангела прекрасна;
Не шакъ опасенъ мачтамъ шкаль, а)
Какъ ты казалась мнѣ опасна.

а) Шкаль, незапный вихрь, могущий сломить мачты, когда не успѣютъ въ скорости подбратъ парусовъ.

* * *

Исчезъ шогда штиль б) чувствъ моихъ,
 Преспраина буря въ нихъ возшла;
 Тыжъ изъ очей своихъ драгихъ
Брандскугели в) въ меня мешала:
 Тогда въ смяшени моемъ,
 Зря грозну прелесши предъ собою,
 Не могъ я управлять рулемъ,
 И флагъ спустилъ г) передъ тобою.

* * *

Съ тѣхъ поръ тебѣ отдавшись въ плѣнъ,
 Твоей я волѣ повинуюсь,
 Къ тебѣ душевно прикрепленъ,
 Я за тобою *буксируюсь*; д)
 Съ тѣхъ поръ *нактоусъ* е) твой иль домъ,

- б) Штиль, тишина, когда нѣтъ никакова вѣтра.
 в) Брандскугели, ядра начиненныя горящимъ веществомъ.
 г) Флагъ спустишь, побѣжденное судно, въ знакѣ, что отдаешся въ плѣнъ, опускаешь свой флагъ.
 д) Буксировашъ, значитъ, когда гребное судно привязавшись веревкою къ другому судну, тянетъ его за собою.
 е) Нактоусъ, ящикъ, гдѣ стоитъ компасы. Сіе слово происходитъ отъ Нѣмецкаго *Начт-гаузъ*, ночной домъ.

Тебя которой сокрываешь,
Съ шакою силой, какъ *мальштромъ*, ж)
Меня отвсюду привлекаешь.

* * *

Мнѣ въ морѣ упѣшенья нѣть,
Вездѣ я безъ тебѣ тоскую,
И часпо мысленно, мой свѣтъ,
Къ тебѣ я нынѣ *лавирию*. з)
Наполиснѣ завсегда мечтой,
Тебя въ убранствѣ зрю богатомъ,
То яхой иногда златой,
То легкимъ чистенькимъ фрегатомъ.

* * *

Тогда я мню тебѣ догнать,
Надеждою себя ласкаю,
Спѣшу и *марсели* и) отдать,
И *бралисели* я распускаю;

ж) *Мальштромъ*, извѣстная у Нордвестскихъ береговъ пучина или водоворотъ, къ которому весьма сильное теченіе бываетъ.

з) *Лавировашъ*, при противномъ вѣтрѣ изъ стороны въ сторону ходишь, подвигаясь чрезъ то по немногу въ передѣ.

и) *Марсель*, парусъ на срединѣ; а *Брамсель*, парусъ въ верху мачты.

Когда же парусовъ нельзя
 При штормѣ і) много неспѣжестокомъ,
 Любовью трюмъ к) мой нагруэя,
 Иду, лечу къ тебѣ подъ фокомъ. л)

* * *

Или, коль не извѣщенъ мнѣ
Пунктъ мѣста м) швоего, драгая,
 По близости я въ той странѣ,
 лежу на дрейфѣ ожидая:
 Лишь ты ошколь предприметь путь,
Конструкцію и) швою драгую

і) Штормъ, буря.

к) Трюмъ, внутренность корабля, куда кладется чугунной и песчаной грузъ, чтобы корабль до некоторой извѣшнной высоты сѣлъ въ воду.

л) Фокъ, нижней парусъ на той мачтѣ, которая стоитъ въ носу корабля. При крѣпкомъ благополучномъ вѣтрѣ обыкновенно распускаютъ одинъ сей парусъ, а прочие всѣ закрѣпляютъ, для того что мачты не въ силахъ выдерживать такой великой напоръ отъ вѣтра.

м) Пунктъ мѣста, корабль плавая по морю ведетъ счисленіе своему пути, и мѣсто свое назначаетъ на картѣ точкою.

и) Конструкція, образъ построенія корабля.

Узрю, хотъ въ горизонтъ будъ,
И въ мигъ шея залеленгую. о)

* * *

Тогда не медля ни часа,
Къ тебъ я курсъ п) свой направляю,
Брасоплю р), спавлю паруса,
Сержусь, кричу, повелѣваю,
Въ кильватеръ с) за тобой пускаюсь,
Узловъ т) по десяти бѣгу ;
Но вдругъ отъ мыслей пробуждаюсь
И, ахъ! стою на берегу.

Часто по конструкціи издалека узнаютъ какъ корабль, Французской ли, Англинской ли, или другой какой націи.

- о) Запеленговать, значитъ, по компасу замѣтить какой - ни - будь предметъ, въ какую сторону онъ отъ насъ видѣнъ.
- п) Курсъ, путь, куда корабль идетъ.
- р) Брасопить паруса, значитъ, спавить ихъ вкось корабля, чтобъ вѣтръ, хотя и съ боку дуешъ, но могъ бы ихъ надувашъ.
- с) Въ кильватеръ ишли, значитъ, когда одинъ корабль идучи позади другаго прямо въ корму къ нему идетъ.
- т) Узелъ, мѣра, содержащая въ себѣ нѣсколько сажень. Обыкновенно щисляютъ сколько такихъ мѣръ корабль проплыжитъ въ минуту.

ПРИЧА

P o z a .

Въ старинные годы

Всѣ звѣри жили

Не такъ какъ нынѣшни: языкомъ говорили,
Имѣли области, имѣли города;
Въ дремучихъ ихъ лѣсахъ была у нихъ
Европа,

Львы были царскою въ нихъ чеснью поч-
тены,

Придворными лисы, министрами слоны:

Кто мнѣ не вѣришь, томъ пускай спросиши у Езопа.

Тогда жилъ быкъ одинъ со жонушкой
своей.

Въ союзѣ съ нею сладкомъ,
Онъ велъ домишко свой какъ надобно по-
рядкомъ;

И многочисленной не окружены семьей,

Сынка лишь одново имѣшъ;

Его онъ бережеть и учишь и лелѣшь.

Изъ лѣтъ младенческихъ выходиша сей
сынокъ.

И не шеленокъ онъ, а спадъ ужъ бычокъ.

Любясь на небо машь нѣжная взираешьъ.

И рѣчь сїю къ отцу семейства просши-
раєшъ:

Хозяинъ дорогой! желаючи добра
Дишши своему, я думаю пора
Ево намъ и женишь. Смотри какой онъ
взрачной!

Съ прекрасной шелочкой въ союзъ вспу-
ниши брачной,

Онъ райски будешъ жить,

И спанеши жизнью нась своею веселишь;
Но эшова окромъ,

Работница у нась чрезъ то прибудешьъ
въ домъ;

А лучшее всево

Для нась и для нево,

Что будешъ жить ему съ домашней полу-
виной

Вѣрнѣй гораздо чемъ гоняшься за чужбиною.
Жена!

Хозяинъ отвѣчаешьъ,

Рѣчь эша не дурна;

Бракъ нашева сынка намъ пользу обѣ-
щаешьъ:

Да надобно дашь срокъ,

Чтобъ нашъ сыночикъ милой

Подросъ и со своей собрался больше силой.

Онъ молодъ: посмошри, вѣдь онъ еще безъ
рогъ

Жена тушъ говоришъ, всѣ знаючи уловки:
Любезной мужъ! у насъ
За шѣмъ не будешъ оспановки;
Жени лишь, а рога появятся шопчасъ.

A . . . B . . .

ИДИЛАЯ

Милонова птичка.

* * *

Аврора розами пушь солнцу успила, —
И утренней росой природу оживляла,
Зефиры легкіе, резвяся межъ кустовъ,
Бросали Ароматъ на воздухъ изъ цвѣтовъ;
Пряянико ручейки спруисые журчали
И пички пробудясь по вѣточкамъ пархали.
Внимая пѣснямъ ихъ встрѣчалъ зарю *Ми-*
лонъ,

И вздумалъ даръ принесшъ прелѣстной
Клоѣ онъ,
Невинной даръ любви. — Къ одной под-
кравшись пичкѣ,

Не знаю къ соловьюль, къ чижу или къ си-
ничкѣ,

Но знаю только шо, что онъ ее поймалъ.
Опѣ радосши тогда въ немъ духъ воспре-
пенпалъ.

,, Какіе перушки прекрасные имѣшъ!

,, А пѣнь еще спо разъ прекраснѣе умѣшъ;

,, Ахъ какъ ты щаслива! шу спанешь ве-
селинь,

,, Которая меня на вѣкъ могла пльнишь.

,, А чиобъ подарокъ мой былъ болѣе лю-
безнѣ,

,, Я думаю мой трудъ не будешъ бесполѣ-
зенъ,

,, Когда тошчасъ домой за клешкою схожу,

,, И птичку милую я въ клешку посажу.

,, А ешьли выпущу ее неосторожно?

,, Нѣшъ, нѣшъ, ее мнѣ взять съ собою не
возможно,

,, Докуда ворочусь пожалуй подожди,

,, И подъ моей межъ шѣмъ ты шляпой
посиди. ,,

Такъ сдѣлалъ какъ сказалъ, и въ мигъ до-
мой пусшился.

Дорогою Милонъ вонъ такъ надѣждой
лышился :

,, Я пички даромъ вѣдь о Клоя! не оп-
дамъ,

,, Лукава Клоюшка, не промахъ я и самъ,
,, Отъ поцѣлуя ты со мной не отверпишся,
,, А ежели не то, такъ пички ты ли-
шишся,

,, Откажеть ли она? Не вѣрю я тому.

,, Какъ серди будстъ то прїянио моему,
,, Нельзя чтобы на то не согласилась Клоя,
,, Я спану приспавань и ей не дамъ покоя;
,, Когда же поцѣлуй одинъ захочешъ дать,
,, Спроворю я у ней чешыре или пять. ,,
Межъ шѣмъ онъ съ клешкою шуда ужъ во-
рошился,

Гдѣ съ пичкой поцѣлуй ево подъ шляпой
крылся;

Но чпожъ? Погибло все. — Нещасливой
Милонъ!

Надежлу обернуль со шляпой Аквилонъ,
И пичка милая, котора тамъ сидѣла
И съ поцѣлуюми на волю улешѣла.

К. Григорей Хаванскої.

Е П И Г Р А М М А.

Вертолпрахъ.

Какая красома! ахъ какъ Нарцисъ пригожъ,—
Какое личико! и станомъ какъ хорошъ:
Однакожъ что Нарцисъ въ красъ твоей
единой?

Иной и конь красивъ, но конь слыветъ
скошиной.

К. Григорей Хаванской.

Разсуждение о дружествѣ.

Во всѣхъ временахъ дружество почитали изъ числа первыхъ благъ въ жизни; сїе чувствованіе родиша въ мѣстѣ съ нами, первое движеніе сердца состоишъ въ томъ, чтобы искать соединишься съ другимъ сердцемъ, и между тѣмъ цѣлой свѣтъ жалуешся что нѣшъ друзей. Съ начала міра всѣ вѣки вмѣстѣ едва едва произвели три или чешире примѣра дружества совершенного. Но есть ли всѣ люди согласны, что дружество прелестно, почто же не ищущъ наслаждашся симъ благомъ? Не есть ли сїе

заблуждение слѣпаго человѣческаго, и слѣдствіе развращенія онаго, желашь блаженства, имѣть своѧ въ своихъ рукахъ и убѣгашь своѧ.

Выгоды дружескаго блиспательны сами собою: вся природа единогласно подверждастъ, что они пріятнѣйшіе изъ всѣхъ благъ земныхъ: безъ дружескаго жизнъ теряешь свои пріятнѣости, человѣкъ оставленный самому себѣ чувствуешь въ своемъ сердце пустоту, которую единое дружескаго наполнить можешъ; отъ природы забошливый и беспокойный въ недрахъ дружескаго ушишаешь онъ свои чувствованія.

Коль полезно приспанище дружбы! она охраняетъ отъ коварства людей, кошьрые почти все непостоянны обманчивы и лживы, первое достоинство дружбы есть, вспомоществовать добрымъ себѣ томъ. Сколь бы ни разсудилъ кто былъ, но всегда нуженъ проводникъ; не должно безъ опасенія вѣряться своему собственному разуму, которой спрасши наши заставляющы часю говоришь по ихъ волѣ.

Древніе познали все благо любви; но они описанія дружества сдѣлали споль огромными, что заставили починать оное за прекрасную выдумку, которой нѣть въ природѣ; кажеся они худо знали свойства человѣка, когда умышляли прельщать своихъ описаніями, и заставлять искать дружбы споль богато раскрашенной ими: они какъ будто позабыли что человѣкъ болѣе склоненъ знатнымъ примѣрамъ удивляться, нежели имъ послѣдовать. — Но болѣе ли нынѣ умѣли познать дружество? къ стыду нашевъ вѣка, кажется, признаютъ что дѣлить съ другомъ своимъ имѣніе свое, есть вышняя степень дружества, и величайшее ее усиїе. Но люди, кошорые такъ разсуждающъ не изъявляють ли симъ одно развращеніе нынѣшняго времени, алчность и привязанносТЬ свою къ бояшству, и способны ли они чувствовать дружество; въ такихъ описаніяхъ, желая дашь почувствовать цѣну дружества, не оное, но свое корыстолюбіе они изображаютъ: главный-шая выгода дружества соспощь въ томъ чтобъ въ другъ свое мъ найти образецъ добродѣшелей; намъ всегда лесино прѣоб-

рѣшать почтеніе любимой особы, и сіе по желаніс заспавляешь насъ послѣдовать добродѣшелямъ, которымъ мы въ ней удивляемся.

Сенека совѣтуешь другу своему, выбрашь почтеннѣйшаго между людьми, поступашь всегда, какъ будто бы былъ въ его присудствїи и давашь ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ: сей великой человѣкъ, сей судья нашихъ дѣяній, еспѣ нашъ другъ; ни кто споль за насъ не отвѣчаетъ намъ самимъ, ни кто не оправдываетъ насъ споль въ глазахъ общеспiza, какъ другъ почтеннай. Намъ непроспѣшельно быть несовершенными въ сво глазахъ; и пошому никогда не видно порочнаго въ дружеспизѣ съ добродѣшельнымъ. Непрѣятно видѣть, тово кто судитъ и обвиняетъ насъ безъпрепанно. Надобно быть прежде увѣренными хорошо о безпорочности своего сердца и правиль, еспѣли хочешь выбрать себѣ друга. Выбирая друга мы судью себѣ избираешь: порочный удобенъ ли отважишся на такой выборъ, и выборъ сей непринадлежишъ ли единой добродѣши.

Я боюсь, говорилъ Плиній лишась своего друга, я боюсь чтобы не ослабѣть въ пути добродѣтели; уже потерялъ я моего проводника и свидѣтеля моей жизни. Дружесво понесобходимости заставляешь насъ бытъ добродѣтельными, оно неможе хранится иначѣ какъ между почтенными (*) людьми, и тошь кто желаешь сохранить дружесво долженъ стараться подражать въ добродѣтели своему другу; и такъ въ дружбѣ находящися, и полѣзныя совѣты, возбужденія послѣдовашъ добрымъ примѣрамъ; другъ съ нами дѣлишъ наши печали, помогаетъ намъ въ нашихъ нуждахъ, непобужденный ни прозьбою ни корыстю ни искашеніемъ. Разсмотри же теперь искинное свойство дружесства, но коечму бы можно было познавать оное.

Первое достойнство, которое должно сыскивать въ другъ есть добродѣтель, она то увѣряешь насъ въ немъ, что онъ способенъ къ дружеству, и оного достоинъ.

(*) Чрезъ слово почтеннай, неразумѣю я чиновной, такъ какъ многіе очень неправильно принимаютъ сїи слова за синонимы.

Не надѣйся ни мало на ваши обязательства, какъ скоро не на семъ основаніи они утверждены, нынѣ не выборъ, но нужды соединяющъ людей; и для того что нынѣшнее дружесство такъ же скоро кончишся какъ и начинается, дружащія безъ разбору, и ссорящеся нераздумывая; ни что споль непрѣзѣнно: худой выборъ оказываешь или дурное сердце или лурной разумъ. Изъ тысячи умѣй выбрать себѣ друга, ни что споль не важно какъ сей выборъ, ибо отъ него зависитъ наше благополучіе. Помысли, что насть судяшъ въ нашихъ друзьяхъ; выбрашь друга: значитъ дашь общеоппу свой образъ, и открышь свое сердце. Всякой бы пренепалъ ешили бы размыслилъ сколь важно признать ково своимъ другомъ. Хочешь ли быть почтенъ? Обращайся съ людьми почтеннymi, и такъ надобно хорошо познать, прежде нежели войти въ обязательствы. Первой знакъ могущій уверить, что выбранной доспой дружесства есть добродѣтель. Потомъ должно что бы выбираемой другъ былъ свободенъ, и не подверженный страсти, обдержаные гордостью и надменіемъ неспособны къ такимъ

чувствованіямъ; а еще менѣе тѣ, кои окованы узами любви. Любовь похищаетъ всю цѣну дружества; она есть спрасть жестокая, а дружба ощущеніе пріятное и спокойное. Любовь напояетъ душу нѣкоимъ воспортомъ радости, за коею нерѣдко слѣдуешь жестокое сокрушеніе; но дружба есть наслажденіе разсудка всегда чистое, и всегда равное; ни что не можетъ ево перемѣнить ни ослабить, оно пишаетъ душу, и время не сокращаетъ но подкрепляетъ ево.

Занимающіяся исканіемъ почести такъ же не способны къ сему чувствованію: они болѣе ищутъ богатствъ нежели дружества; въ дружествѣ не менѣе нужны чистыя нравы; ибо подвергается великой опасности, кто вступаетъ въ дружбу съ человѣкомъ развращенного поведенія.

Я думаю такъ же что чрезмѣрная молодость неспособна къ наслажденію совершеннымъ дружествомъ: мы видимъ много молодыхъ людей, которые называются друзьями и думаючи что ето истинна; но ихъ связываютъ одни забавы; а забавы не суть узы достойные дружества. Мы въ лѣтахъ приличныхъ дружеству, говоритъ Сенека

своему другу сильнейшая страсти въ шебѣ угласи; оспались одни пріятныя; и мы будемъ наслаждаться забавами дружества — но — размозришь должности дружбы.

Три время находятся въ дружбѣ: начало продолженіе и конецъ. Какъ всякое начало дружества наполнено чувствованіями, то все наполнено забавою при рождающемся дружествѣ. Но часто случается, что вкусъ приупляется привычкою, очарованіе изчезаетъ, и тогда уже должно поддерживать дружество по разсужденію; подпора всегда слабая. Въ дружбѣ какъ въ любви должно щадить чувства и вкусъ отъ приупленіе; сія предоспороожность позволена. Но кио можетъ воздержаться отъ упышнія невиннаго и позволеннаго? И такъ должно утверждать дружество на крѣпчайшемъ основаніи; почтеніе подкрепляемое знаніемъ доспойнствѣ: вотъ основаніе кошорое никогда не можетъ поколебаться, любовь пишется съ завязанными глазами; но у дружества снимается сія завязка: дружество разманриваешь прежде нежели избираешь, и привязываешься къ однимъ доспойнствамъ особы; ибо тѣ одни доспой-

ны быть любими, которые въ себѣ самыхъ заключающъ причину побуждающую ихъ любить.

Сдѣлавъ добрый выборъ, надобно на немъ утвердиться, и имѣшь къ своему другу непремѣнчивое почтеніе, и основаніе не на однихъ чувствахъ, но на разсужденіи, ибо чувства могутъ охладѣть, и тогда почтение сопряженное со справедливостію шолько оспаешся непремѣннымъ. Ненадобно дозволять себѣ цѣнить слабости въ своемъ другѣ, и еще менѣе говоришь о нихъ, должно почтить дружбу. Но какъ она дана намъ къ тому, чтобы быть помощью добродѣтели, а не участивовать въ порокахъ; то должно уведомлять когда другъ твой уклонится съ пути добродѣтели, если онъ упрямствуетъ, вооружись власстю и силою, которую подаютъ премудрые совѣты и чистота добрыхъ намѣреній.

Не думай что по окончаніи дружбы мы уже ни чѣмъ не обязаны; обязательства труднѣйшія оспаются тебѣ исполнить, и въ коихъ одна чеснь можетъ тебя поддержать, къ спарому дружеству должно хранить почтеніе.

Нѣкошорые думають, что смерть разрушаетъ всѣ обязательства; и малое число людей умѣють быть друзьями умершихъ; хотя великолѣпнѣйшее украшеніе на нашихъ похоронахъ, суть слезы нашихъ друзей, и пріятнѣйшая намъ гробница ихъ сердца; не думай однакожъ чтобъ слезы проливаемыя только на погребеніи твоево друга были послѣднимъ знакомъ твоей къ нему горячности, ты сїе оснаешься обязаннымъ ихъ имени, славѣ, и дому; онъ долженъ жиь твоемъ сердцѣ, въ твоемъ воспоминаніи, въ твоихъ успахъ похвалами, и въ твоихъ поступкахъ подражаніемъ сво добродѣщамъ.

Вотъ правила, вотъ образъ дружества начертанный на моемъ сердцѣ, самою природою, и я тогда только почту себя нещастливымъ когда сердце мое охладѣетъ къ шоль благороднымъ чувствованіямъ; когда дружество меня оставилъ, и свѣтъ преввориця для моево сердца въ пустыню.

Иванъ Крыловъ.

Особы подпісавшіся на сїе изданїе
въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

Въ Сankt Peterburgѣ.

Его Высокоблагородіе Антонъ Родіоновичъ
Томичъ.

— — Баронъ Лаудецъ.

— — Андрей Родіоновичъ Баташевъ.

Его Благородіе Петръ Андрѣевичъ Варсанѣвъ.

— — Андрѣй Пешровичъ Красовской.

Санктпeterбургской купецъ Федоръ Ники-
тичъ Пучковъ.

Московской купецъ Лука Тимофеевичъ Си-
никовъ.

Г. Иконниковъ.

Въ Москвѣ.

Его Высокоблагородіе Юрій Александровичъ
Нелединской - Мелѣцкой.

*Его Высокоблагородие Николай Николаевич
Банышъ - Коменской.*

— — X. A. Ч.

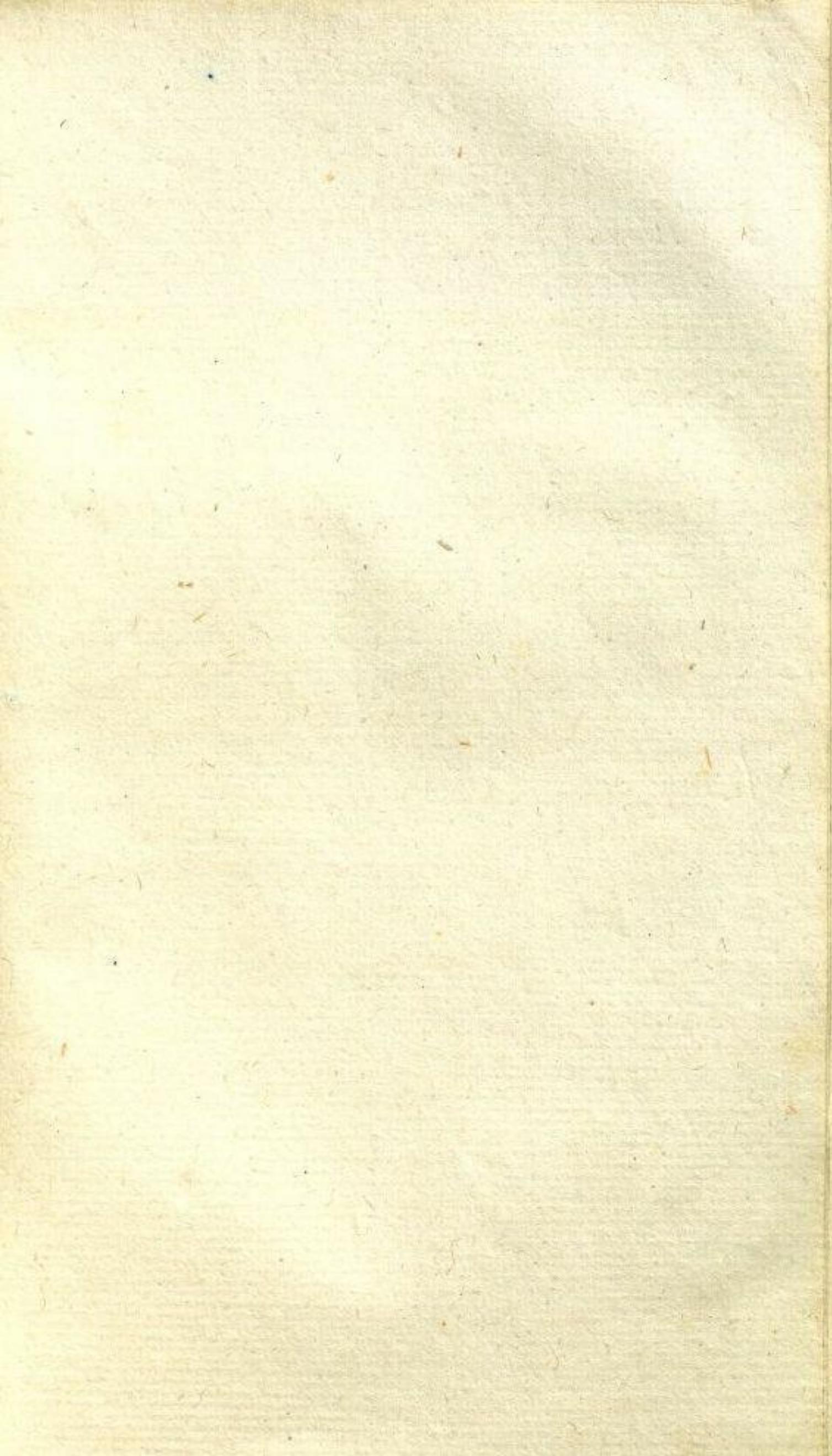
Михайло Егоровичъ Медоксъ.

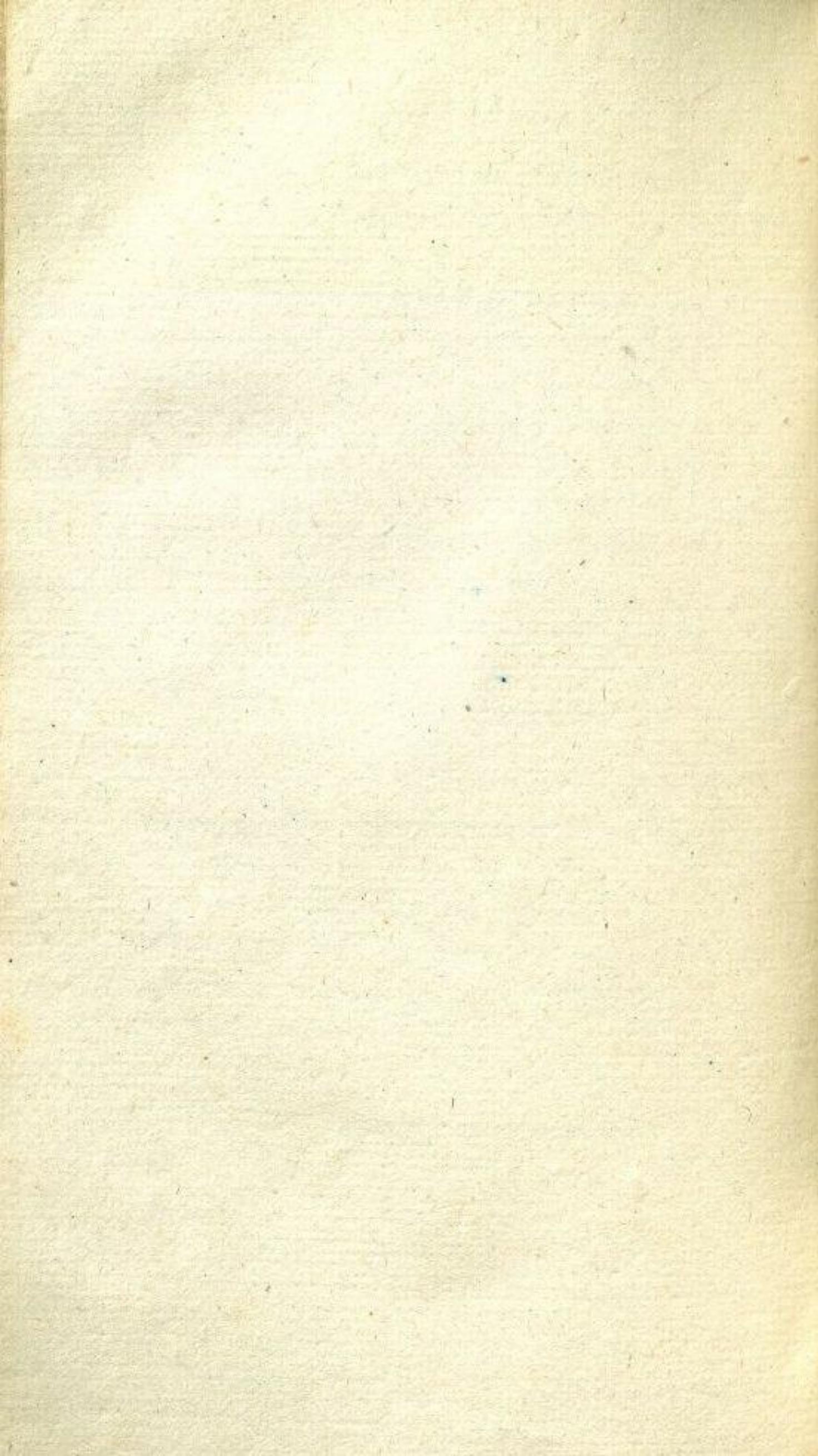
*

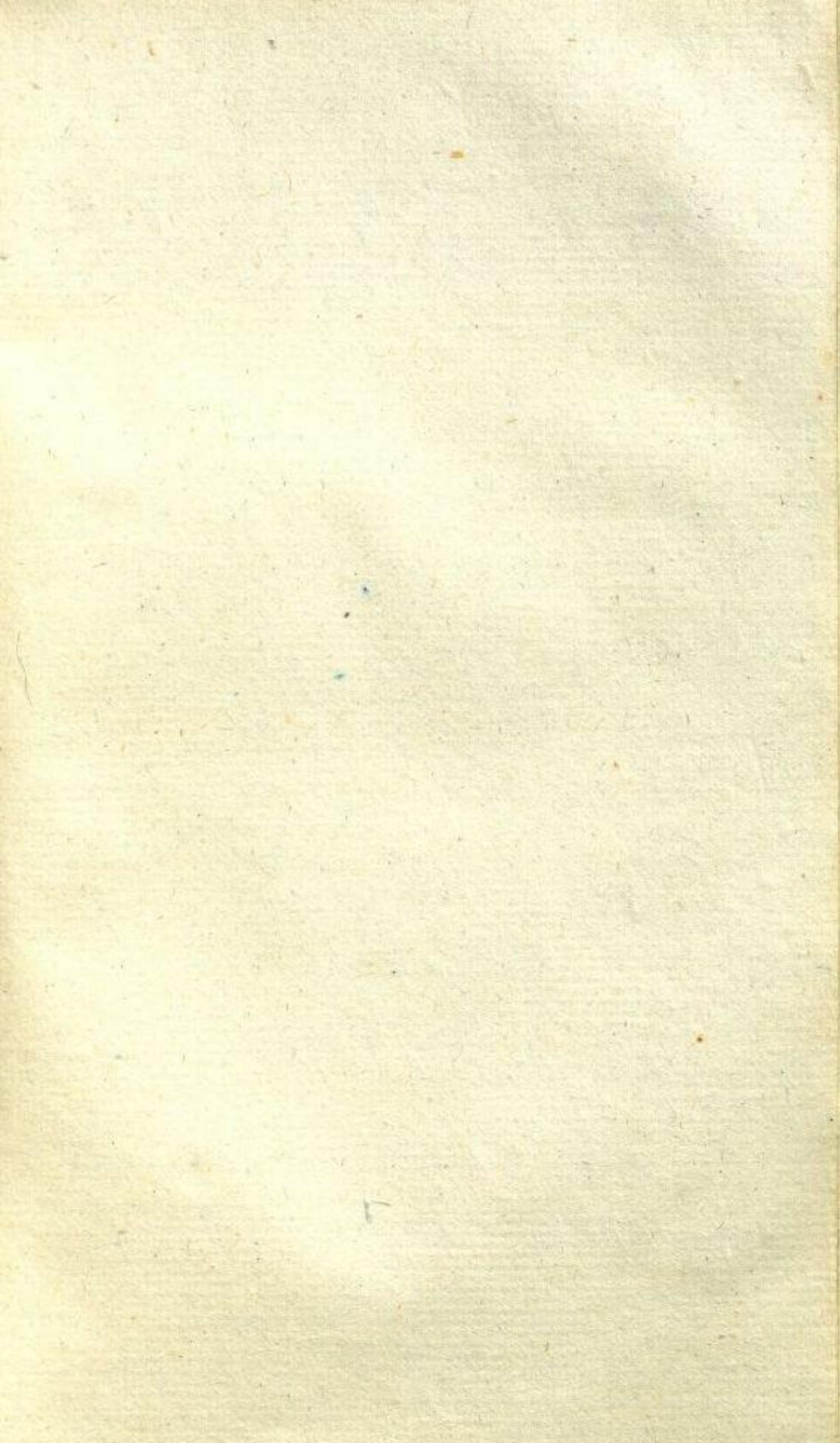
*

*

Особы желающія подписатьсь на сїе сочиненіе, могутъ присылашь деньги въ шипографію Крылова съ товарищи въ новой домѣ Его Высокопревозходительства Ивана Ивановича Бецкаго, что у лѣтняго саду. Платяшь за весь годъ на бѣлой по 6, на проспой по 5 рублей. Желающія же получашь въ другихъ городахъ, плашашь два рубли дороже и противу здѣшнаго; деньги взносяшь къ г. Почтмейстерамъ, надписывая ихъ въ Сankt Peterburgъ въ помянувшую шипографію, съ объявленіемъ своего имени и мѣсца, куда оные доставляшь. Издали уверяюшь въ немедлѣнномъ оширавленіи какъ вышедшихъ песни мѣсяцовъ, такъ и послѣдующихъ. Каждый мѣсяцъ особо продается безъ переплета на бѣлой бо коп. на проспой 50 коп. — Въ сей же шипографіи продаются оперы: рѣдкая вещь 80 коп. Діянино древо 70 коп. Мелодрамма Пигмаліонъ 20 коп. Сельская лира 20 коп. всѣ въ бум. пер.

ЗРИТЕЛЬ

ежемѣсячное изданіе

1792 го да.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.
въ типографїи И. Крылова съ товарищи.

ОДОБРЕНИЕ.

Напечатанъ позволено омъ Управы благочинія
Августа 21 дня 1792 года. Коллежскій Совѣтникъ
и оправляющій должность Санктпетербургскаго
Полицеймейсера

Андрей Жандъ.

МѢСЯЦЪ Августъ.

Т Е А Т РЪ.

(Продолженіе.)

Французское произношеніе сколько различествуетъ отъ Россійскаго, сколько ночь отъ дня: знающіе оба языка ощущительнѣ видяты, что Россійскій требуетъ яснаго выговора каждой буквы не ставя ни одной напрасно; Французскій же, какъ бы самъ спыдясь своего произношенія, величъ многія буквы съѣдашь: при томъ не лъзя нечувствовать намъ Россіянамъ превозходства своего языка, когда все то, что человѣческое воображеніе представить себѣ можешъ, мы ясно выражаемъ; самотончайшия шѣни мыслей имѣють у насъ особливыя и свойственныя названія. На все есть особливыя слова, и особливый слогъ; слогъ приличный содержанію, слова звономъ своимъ близкія къ дѣйствію. И такъ сице повторяю мое недоумѣніе, ошъ чего пре-

Часть II.

С

имуществошъ въ модномъ кругу Французкій языкъ передъ своимъ? Не ужели постыдное незнаніе отечественнаго языка внедренное моднымъ воспишаніемъ есть истинная причина отвращенію даже и отъ свойствъ природныхъ? . . . То какого же ожидашь ободренія шеатру Россійскому отъ зришель по модѣ? Чтобы опредѣлить цѣну сочиненію, надобно прочесть его со вниманіемъ, и съ глубокимъ размышеніемъ: но можно ли внимать и размышлять о томъ, что писано на языкѣ не понятномъ?

Нынѣ въ моду взошло до того пренебрегать своимъ языкомъ, чѣмъ, ешьли бы нужда случилась писать по Руски, выдумывающъ или пишущъ по Французки, а по томъ переводящъ, и послѣ говорящъ, чѣмъ не льзя многаго по Руски выразить! Удивительно при томъ, какъ употребляющъ перья Рускихъ гусей; но благодаря модному просвѣщенію нашлось средство въ модныхъ магазинахъ облагородить Россіосе перо Французкимъ чиненіемъ, и таковыя чиненія перья дороже продаются многихъ Россійскихъ печатныхъ сочиненій. Появились

уже и выписныя перъя Голландскія - хошь
что нибудь, только бы не Руское.

И такъ; еспѣли кто думаетъ по Фран-
цузки, тому конечно Рускій языкъ не
ясенъ: онъ выражаетъ ясно понятія Рос-
сійскія. Виновашъ ли языкъ нашъ въ шомъ,
что онъ различаетъ *пользу, выгоду, ко-
рьюсть, прислѣдительность и ростъ*; а фран-
цузкій все сіе называешъ *интересомъ*? Ви-
новашъ ли Россійскій языкъ, когда онъ
неудобенъ бышъ языкомъ переводнымъ,
каковымъ модный свѣтъ сдѣлашъ его хо-
чещъ, и каковымъ онъ во вѣки не будешъ?
Языкъ и свойство народа споль тѣсно
между собою соединены, что съ перемѣн-
ною одного сопряжена перемѣна и другаго.
Не спало Латинскаго языка въ Ишаліи, не
спало и Римлянъ — или, не спало Рим-
лянъ, погибъ и языкъ Латинскій. Когда
же языкъ единоупробенъ со свойствомъ;
то и увеселенія должны бышь таковы:
а особливо зрелища; ихъ содержанія или
разположенія основывавшися должны на свой-
ствѣ и обыкновеніяхъ, образъ изъясненія
на свойствѣ языка, и то и другое соеди-
нясь вмѣстѣ сославляющій испинный вкусъ,

который не уступишъ своимъ совершенствомъ вкусу другихъ народовъ.

Правила принятыя на всѣхъ театрахъ въ нѣкошоромъ отношеніи суть не опровергаемы, смѣшно имъ не слѣдовашь; правила же, въ которыхъ народъ съ народомъ не соглашающи подлежашъ разсмотренію, и что лучшее, а при томъ и близко къ нашему свойству, для чего не употребить того въ свою пользу? Слѣпое же подражаніе и въ семъ случаѣ вредно и постыдно.

Всѣ театры ищущи какъ въ сочиненіи, такъ и въ представлении естественности; но такъ же первый предметъ театровъ представляющи природу во всемъ ея украшеніи, какое только искусство вообразишь и произвесь можешь. Кажется, нѣть нужды приводить на то доказательствъ, когда всякъ знаешь, что зреюще есть приятное и нравоучительное подобіе испинныхъ произшествій: нужно только всякому взглянуть на себя и вообразишь, для чего онъ одѣвающи, чешущи волосы, и для чего наблюдаешь въ ономъ обычай.

Нѣкогда видимы были на шеатрахъ представлениїа въ одно время на двухъ или трехъ мѣстахъ, или вмѣщающія въ дѣйствіи свое многіе годы. Содержанія паковыхъ зрелищъ требовали, чтобъ по вскрышіи завѣсы явилась взору площадь, преддверіе храма, въ споронѣ чертоги; а въ дали поле и тому подобное, и вездѣ въ одно и тоже мгновеніе произходили разныя дѣйствія; оиѣ чего глаза зрителя бѣгая во всѣ мѣста и смотря вдругъ на многое не видали ни чего. Правило - даше-ли шеатру прошивъ сего вооружились и утвердили единство мѣста, отъ чего шеатръ потерялъ смущное великолѣпіе для глазъ: но выигралъ чувство души и сердца. Сіе единство разпространилось даже до того, что уже требуюшъ, чтобы все представленіе было въ одномъ мѣстѣ, и цѣлое дѣйствіе перенесли изъ комнаты на дворъ или въ садъ не позволяюшъ: оиѣ чего сочинители принуждены бывающъ иногда прибѣгать къ разсказамъ, кошорыя, сколь бы прекрасны ни были, ни когда сполько шронушъ не могушъ, сколько само дѣйствіе. Эпо въ природѣ человѣческой,

что по выслушаний разсказа останется любопытство видеть самое дѣло. Справедливо утверждающъ, что представлениѣ тѣмъ совершилъ, чѣмъ болѣе повергнетъ оно зришеля въ забвнїе, что онъ въ театре; а увѣритъ сго что онъ видитъ самую испинну: то какъ же, говоряшъ, можно обмануть зришеля сидящаго на одномъ мѣстѣ, что будто онъ съ дѣйствiемъ переносится? А я думаю, что гораздо славнѣе для сочиниша и представляющихъ, ешьли они всякий разъ, когда захочяшъ, могутъ производить въ зришель такий прѣятный обманъ.

НЕ мѣньше того разсуждаемо было и о времени, сколько представлениѣ занимать должноствуетъ, и не знаю, для какихъ причинъ решено, чтобы зрелище включало въ своемъ дѣйствiи не болѣе сутокъ или 24хъ часовъ: великое пресупложенiе сдѣлаетъ шотъ сочиниша, коего драмѣ мѣньше 26ти часовъ кончиться не лъзя. Какъ же можно увѣритъ шутъ зришеля о испинѣ дѣйствiя, когда по окончанiи каждого дѣйствiя онъ взглядываетъ на часы? Ешьли бы на Рускiе, такъ бы можно

было подумать, что они невѣрны; а то на Англицкіе или на Французкіе, у которыхъ, сказываютъ, само солнце въ ходу своемъ навѣдывающія о вѣроносии времени.

Когда же драмы вмѣщающія въ себѣ многіе годы, мѣсяцы или недѣли не удобны обмануть зрителя сидящаго въ зрелищѣ иѣсколько часовъ только; то по чѣму же удобны 24 часа сжаться въ два часа? А ежели искусный сочинитель подобно мѣсту можетъ украсить у зрителя время, и заставивъ его и въ томъ и другомъ обмануться, то для чего ему вписывать обширное содержаніе въ одни сушки ко вреду сочиненія? Правда; чтобъ ни что не развлекало зрителя, для чего не привесить представлений къ тому, что бы всѣ его дѣйствія были на одномъ мѣсце, и не болѣе бы включали времени, сколько продолжается представление, ешьли только содержаніе къ тому будешь удобно? Но ешьли дѣло идетъ о пожертвованіи единому мѣста и времени испинными красопами, то тогда сочинитель погрѣшишъ самъ пропивъ себя и прошиву зрителей предшавивъ имъ скуку по правиламъ. Ешь

сочиненія во всѣхъ правилахъ; но спраждущъ недугомъ сухосши: есть сочиненія перешагнувшія правила; но полношою своею привлекашельны, и дѣйствиемъ своимъ производятъ дѣйствие въ сердцахъ и душѣ.

Не знаю, какая была шому причина, что какъ бы непреложнымъ закономъ опредѣлено зрелищу быть отъ одного до пяти дѣйствій, и какъ вездѣ сему слѣдующѣ; то сїе неопровергаемо. Пускъ только кто подумаетъ сочинить драму въ шести дѣйствіяхъ, тошь сдѣлаешь ужасное преступленіе и судимъ будешъ на Парнассѣ какъ злодѣй. Благодарить должно Апполона, что его чада не узаконили, сколько бытъ явленій въ каждомъ дѣйствіи! но какъ бы то ни было; сему послѣдовать должно подъ опасеніемъ всеобщаго осмѣянія.

Извѣстно всѣмъ, что письмо двояко: или въ стихахъ или въ прозѣ. Ни кто и ни когда не разговариваешь на стихахъ; но шеширальныe разговоры не рѣдко сочиняются стихами, и симъ самымъ, кажеся, шеширъ удалился отъ правдоподобія — Чпожъ? Когда терпимо на шеширъ видѣшь 24 часа скажые въ два часа, для чего же

вмѣсто прозы не слыхать и спиховъ; а тѣмъ болѣе, когда первое доспоинство спиховъ ясность и чистота языка?

Нѣмецкіе писатели всѣ почти свои трагедіи писали въ прозѣ, дабы ни въ чемъ не отсташь отъ природы обыкновенного разговора; а въ комедіяхъ спихотворство Нѣмецкое до нынѣ весьма малое участіе имѣло: многіе совершенно знающіе Нѣмецкій языкъ требуюшъ на Россійскомъ театре подражанія Нѣмецкому — Но все подражанія — — надобно имѣть свое. У знакомаго мнѣ человѣка сынъ красавецъ, и я говорю, что онъ прекрасенъ — Но мой сынъ мнѣ любъзенъ и я обѣ немѣ пекусь больше чужаго красавца . . . Рускій же театръ въ своемъ вкусѣ можетъ щеголять не хуже всякаго.

На позорище всякое сосстояніе и всякое свойство является выше себя, не выходя одинакожь изъ своего круга, дабы весь нравственныій смыслъ извлекать изъ него было можно, что по первому взгляду само себѣ прошивуречишъ; но естьли подробнѣе разсмотрѣшь, то сїе легко и удобно. Представимъ себѣ сосстояніе слуги: ошними

у него вѣ тѣ дѣла, кои унижають слугъ и вмѣстїи все то, что слуги дѣлають хо-
рошаго; таковыи слуга будеши достоинъ
поченія отъ всѣхъ господъ, и слѣдова-
тельно его сосипояніе возвысится: но въ
своемъ кругѣ.

Существо человѣческое само по себѣ па-
ково, чѣмъ все обыкновенное или мало настѣ-
привлекасиѣ къ себѣ, или со всѣмъ никако-
го впечатлѣнїя собою въ насъ не прои-
водишъ: должно возвудишише наше вниманіе
новосплью или новымъ и отмѣннымъ обо-
ротомъ самаго обыкновеннааго дѣйствія:
сихи имѣють въ себѣ иѣчишо отмѣнное;
ихъ пріятное теченіе согласіемъ своимъ
ударяя въ слухъ нашъ плѣняетъ наши чув-
ства, и въ тоже время сказанныя хороши-
ми сихами мысли сильнѣе выражаютъся,
иѣжели прозою, слѣдовательно глубже впе-
чатлѣваются въ нашемъ понятіи: волѣ
причина, для чего стихи появились на
шешарѣ, и для чего они снискали ободре-
ніе и отъ самой кришки.

Нѣмцы и Англичанѣ связываютъ свои
представленія изъ многихъ узловъ приводя
всѣ къ одному главному дѣйствію; Фран-

цузы спариваются имѣть единственный узелъ; а многосложное дѣйствіе отмѣщутъ; отъ чего примѣщно во Французскихъ твореніяхъ больше искусства словеснаго; а въ прочихъ больше дѣйствія: Французы наблюдаютъ единообразную правильность; а Нѣмцы и Англичанѣ на сїе не смотрятъ, лишь бы только произвѣсть по дѣйствію въ зришель, кошорое предполагаютъ въ сочиненіи: Французы сочиняютъ для чесши и славы сочиниша, и мало или почши ни чего не осправляющъ актерамъ: а у Нѣмцовъ и Англичанѣ многое оспаешся актерамъ до дѣлать игрою.

Россіяне, какъ человѣки не могутъ не согласоваться во многомъ съ подобными себѣ; но какъ человѣки же не могутъ не имѣть и особливаго и существеннаго различія во нравахъ и обычаяхъ въ разсужденіи другихъ народовъ, слѣдовашельно и въ самыхъ забавахъ. Мало прогаюшъ Россіянъ многолаголивыя шонкосши — Россіяне требуютъ не словъ, но дѣла: они хотятъ, чтобъ мало сказано было; но чтобы много замыкалось; любятъ замысловатое; но не

щерпяще переслащенаго; любятъ порядокъ; но не терпяще щирого педантизма — словомъ: Россіяне хощашъ совершенного, которое въ подражаніи существовать не можетъ: ибо всякое подражаніе, далеко отстоитъ отъ своего подлинника.

Правило прославлять на шеатрѣ добродѣтель и унижать порокъ сяю и всемъ родомъ человѣческимъ признано не оспоримъ: какимъ же образомъ сїе производить должно? — въ томъ все дѣло — и воинъ что основываясь должно на вкусѣ народномъ! Россіяне пишающе въ душахъ своихъ добродѣтели великия, то, чтобы тронуть ихъ, должно выдумашъ величайшее. Женщокія же злодѣянія Россіянамъ не сродны; что порокъ безъ усиленнаго начертанія самъ собою производишъ въ сердцахъ оправданіе. Великая ли диковинка въ Россіи, что слуга раззорившагося господина своего не оставляешь и служитъ ему такъ же, какъ служилъ богатому, хощя и ошпущенъ имъ на волю, что въ Де - Тушевомъ Разговорѣ поставлено за великое нѣчто? У насъ слуга ошпущенный на волю продалъ себя въ рекруты, чтобы своего бывшаго барина

выкупить за долгъ изъ тюрмы. Генлей выставленъ въ Безбожникъ для показанія, сколь злость человѣка можетъ быть велика: у насъ въ Россіи ни кого не льзя увѣришь, что подобные люди существуютъ въ природѣ.

Хотя нужно для показанія блистательной добродѣтели прошиву положишь ей самый черный порокъ; однакожъ я думаю, что лице порочное въ своемъ родѣ должно быть гораздо слабѣе добродѣтельного по двумъ причинамъ: первое; Жестокоспѣть порока хотя и производишъ жестокое къ себѣ оправданіе; но многократно повторенносъ черное дѣйствіе мало по малу пріучаетъ смотрѣть на себя съ мнѣніемъ уже чувствованіемъ, къ сему присовокупясь и омерзеніе къ пороку, или оправдатъ совсѣмъ зришеля онъ зрелица, или онъ спащенъ на него смотрѣть съ негодованіемъ. Второе; Сочинитель изобрѣшая и разполагая добродѣтельныя дѣйствія, чѣмъ болѣе удивишъ и шроиетъ оными сердца; чѣмъ болѣе возбудишъ вниманія къ самому себѣ и выиграешь хорошее мнѣніе о своихъ чувствованіяхъ; изобрѣшая же черному пороку и

представя ея положенія въ степени чрезвычайномъ, долженъ имѣть весьма утвержднное всесобщее мнѣніе о добромъ своемъ свойствѣ, чтобы зришель не покусился подумать объ немъ худо и не приписалъ бы счастливое изобрешеніе порочныхъ положеній свойству сочиниша . . . Симъ пренебрегать ни какъ не должно. — Сказывающъ, можешь быть это и неправда, будто въ Англіи актера сыгравшаго отменно хорошо лицо Генлея народъ на улицѣ прибилъ каменьями — и будто ни кто не хотѣлъ вѣришь, что онъ былъ добрый человѣкъ. Правда; не лъзя обвинять сочиниша въ порочныхъ мысляхъ, кои онъ написалъ, равномѣрно не лъзя приписывать и добродѣтельныхъ свойствѣ душъ сочиниша: легко случиться можешь у сочиниша съ его произведеніемъ проявить положность; но это однакожъ истинна не споримая, что ближе къ свойству сочиниша, то глахъ и чище ложится подъ перомъ его на бумагу. Читая же сочиненіе всякъ чишаешь мысли сочиниша: а иначе бы несправедливо было заключеніе Спародума въ Недоросль . . . кто написалъ Телев

мака, тотъ первыи своимъ нравовъ развертать не будеть.

Для возбужденія чувствованія потребно выводишь на шеатръ добрѣтель спраждущею; но искусство сочиниша предста-
вляешь ее и въ самомъ спраданіи торжес-
твующею, каждое слово добрѣтельного
лица потрясаешь порочное, кошорое мучает
добрѣтель, само чувствуешь жесточай-
шее ощущеніе мученіе . . . и сїе взаимное
спраданіе весьма сильно возбудишь въ душѣ
приверженности къ добродѣтели и отвра-
щеніе къ пороку. Ешь зрелища, гдѣ къ кон-
цу порокъ не наказуешься, какъ въ Волшеб-
ровой трагедіи Могамедѣ; но зришель про-
клинаешь выходя изъ шеатра Магомеда;
а рыдаешь о жребіи Зопира и его дѣтей;
въ трагедіи Димишрѣ самозванецъ хотя
Димишрѣ погибъ; но ешьлибы лица Шуй-
скаго, Ксеніи и Георгія были сильнѣе про-
шивуположены самозванцу; сїя трагедія
была бы наисовершенѣйшее Россійское
твореніе. Трагедія Семира вся составлена
изъ свойствъ добродѣтельныхъ, кроме од-
ного донощика показавшагося на одну ми-
нушу на явленіе, но ешьлибы хощъ со-

чиниша онъ бы и сего избѣжать могъ, заспавя кого нибудь изъ проницашельныхъ подданныхъ Олега произвесь по долгу сїе обѣяленіе . . . но совсѣмъ пѣмъ трагедія ся останется на всегда вѣнцемъ славы ея сочиниша, и чеспю Россійскаго театра . . . тутъ не лъзя ни кого ненавидѣть, всѣ, кроме донощика, о коемъ зришель забываешь мгновенно, всѣ любѣзы, каждого добродѣшель привлекашельна, и каждый раздираешь сердце зришеля: слабость любовная Роспиславова не презришельна; онъ и въ слабости своей герой — смерть Оскольдова хощя и поразиша; но слова умирающаго сего князя нѣсколько успокаиваютъ зришеля, кошорый остается въ томъ мнѣнїи, что непреложный законъ суды требовалъ сей развязки.

По моему мнѣнию весьма должно остерегаться, что бы къ развязкѣ зрелища не оспавался порокъ торжесипующимъ, это право принадлежитъ единой добродѣтели — и вотъ гдѣ нравственній смыслъ зрелища долженъ быть извлеченъ во всемъ своемъ блестаніи — при томъ же зришель сполько почтенъ въ шеатрѣ, что никакій со-

чинитель не можетъ осмѣлишься опи-
спишь его изъ зрелица съ чувствованіемъ
унылымъ; а кольми паче еще съ негодова-
ніемъ.

Нѣкоторые говорили, что долженъ
шешаръ существовать для сердца и души;
а не для глазъ: но слово зрелице само со-
бою разрушаешь сіе положеніе. — Должно
пронуть душу и сердце, но никогда не
должно забывать о глазахъ: ибо лицо иду-
щее на шешаръ не разворяя рта должно
о себѣ дать знать зрителю, какого оно
свойства: а при томъ нужно необходимо
такъ разпоряжать дѣйствія, и всѣ прилич-
ные свойства въ немъ, чтобы зритель не
трудился въ догадкахъ; а всегда бы толь-
ко ожидалъ слѣдствія изъ предыдущаго,
незнаніе чего должно возбуждать начув-
ствительнѣйшѣ любопытство; а произше-
ствія внезапностю свою поражать чув-
ства.

Зрелица уподобляясь природѣ, гдѣ смѣш-
ные и плачевые произшествія бывающіе,
съпоставленно раздѣляющія на плачевые и
смѣхѣ производящія: то есть на *Трагедіи*
и *Комедіи* (до нынѣ еще ни кто не попрру-

дился назвать по Руски всѣ имена принадлежащія ко зрелищамъ.) плачь со смѣхомъ соединенныя называютъ, *Драмою* гдѣ однакожь первымъ основаніемъ плачевное дѣйствіе, и не знаю для чего проиниѣ сего рода зрелищъ вооружался *Волтеръ* и отецъ нашего пшатра *Сумароковъ*; но еспѣли разсудить по естесству вещей, то всякою сминою согласишся, что не возможно человѣку провеспи супки въ одномъ рыданіи и плаче; и сколь бы онъ огорченъ ни былъ, бывающъ минуты успокоенія и самой улыбки: равномѣрно не льзя такъ же цѣлые 24 часа хохоташь во все горло или хотя тихо смѣявшись, выйдешъ часъ важнаго пропровожденія времени. И такъ, кажется напрасно драмы названы побочными дѣльми пшатра; они ближъ трагедіи къ природѣ и производятъ улыбку благородиѣ и пріятнѣе комическаго смѣха. Въ общемъ смыслѣ драмою называется всякое пшатральное сочиненіе. Опера или зрелище поющее можетъ вмѣщанъ въ себѣ и плачь и смѣхъ. Я пріѣмлю теперь смѣлость о каждомъ родѣ зрелищъ разсуждать порознь.

ТРАГЕДІЯ.

Сіе плачевнос зрешице раздѣляющъ на два рода, гдѣ дѣйсвующъ главныя лица Монарховъ, проспо называющъ *трагедію*; а гдѣ нѣшъ Царей то именуюшъ *Мѣщанскою трагедію*. Предмѣтъ сего зреища со- споишъ въ помъ, чтобъ показашь свѣту, что состояніе Государей, сколь оно ни блишательно, имѣшъ свои горесши, и что всякий Государь возносясь жребіемъ своимъ превыше всякаго состоянія, вмѣ- щаешъ въ сердцѣ своемъ иногда всѣ скорби послѣдняго своего подданнаго. Кажется, что трагедія героевъ и владыкъ осуждала плакашъ, въ нихъ нѣшъ ни одного Государя веселаго, всѣ они грустяшъ на стихахъ и по большей части причиною ихъ грусти была любовь на стихахъ же.

Если не лъзя оцмѣнить стиховъ на шеашрѣ, то не лъзя шакъ же утвердишь, чтобъ всѣ трагедіи непремѣнно были пи-саны стихами. Французы пишутъ стиха- ми; но ешьли размошрѣшь, что шакое ихъ стихи, то много убавишся удивленія къ ихъ сочиненіямъ. У нихъ рифмованная проза называвшися стихами; а о исшин-

номъ спиховворствѣ, сумнишельно, какое имѣютъ они понятие, да можетъ быть, и языкъ ихъ къ тому неудобенъ. — Что я сказалъ? Теперь то обругаешься на меня туча проклятий — Какъ? *Корнелій, Расинъ, Волтеръ*, сіи великие спиховворцы, сіи безсмертные tragediki — они писали не спихами? Дерзкій человѣкъ! — эпо сочиненіе бросишь въ печь — да и чего ожидать отъ Русскаго. (примѣтишь должно; что эпо говорятъ Рускіе) Ахъ Сударыня! брось же эту тепрапку и берегишесь, чтобъ ваша Мадама ее не видала: слава Богу! что она не знаешь по Руски — Папинька. Мосье *Плутсомъ* гувернеръ нашъ не хочешь у насъ жиши за то, что эту шэсу мы читали — онъ говоритъ, что это ужасный *край* — Гдѣ служишъ этошъ писатель? Надобно, говоритъ онъ, просить, что бы его описавили; а безъ того онъ насъ осправитъ — эпо говорено ломаннымъ языкомъ — Какой ужасъ! но слава Богу! меня ни кто не знаетъ; а на кого пало подозрѣніе, могу за него по божищься, что эпо не онъ: а я — я слушаю, какъ меня побранивающъ, присягаю къ бранькамъ, и

браню себя съ ними въ запуски и вмѣши
смѣюся — но должно продолжанье, чпо на-
чашо.

Подъ именемъ стиховъ должно разумѣшъ
не одно извѣстное число слоговъ съ еди-
ногласнымъ окончаніемъ; но иѣкоторое му-
зыкальное согласіе въ произношеніи оныхъ,
хотя бы при концахъ каждой строки и
рифмъ не было, въ чемъ я ссылаюсь на всѣ
Греческія и Римскія стихотворенія, какъ
на праоццовъ всѣхъ на свѣшъ стихотво-
рецъ: у нихъ не по рифмамъ стихи позна-
вались; но по пріятному и согласному ше-
ченію ихъ споѣ. Не одни мысли и об-
разъ выраженія оныхъ составляющъ сти-
хочтврное вишѣство; но пріятная сла-
дость согласнаго ударенія его оживотво-
ряєшъ. Теперь слѣдуемъ естественное
заключеніе: все шо, что труднѣе къ пре-
одолѣнію, славнѣе и большаго доспойно
уваженія: соблюсти все въ стихотворшъ
и плѣнишъ сладостію его несравненно
труднѣе, нежели хорошо выражашь мысли
безъ согласнаго ударенія споѣ съ рифма-
ми на концѣ строкъ — Опними рифмы
у Французкихъ стиховъ, осланутся про-

заческія строки — ошими рифмы у испинныхъ стиховъ: они всегда останутся стихами. Греки и Римляне безъ отягощенія рифменного сладостнаго стихи слагали — Россійскій языкъ по свойству своему подвергся всѣмъ законамъ поэзіи; а для щегольства не ошмѣтаешь и рифмъ: *Лира Ломоносова, Россіяда, Диона, Семибра и Душинька.* Вотъ утвердили неоспоримые сего мнѣнія моего о Россійскомъ стихопворствѣ.

Сшанушъ увѣрять меня, что Французкія трагедіи лучше нашихъ. Быть такъ; на сей разъ соглашусь; но ни кто меня не увѣришъ, чтобъ наши трагедіи не могли быть лучше Французскихъ; нужно только оправдати вниманіе отъ гнуснаго предразсудка и убѣдить себя внушиенно, что Россіяне что нибудь могутъ произвеши . . . Чѣмъ ободряться дарованія и все будешъ: начало же твердое давно положено.

Обычай утвердившійся давно повелѣлъ трагедіи вмѣщать въ себя дѣйствія важныя и плачевныя; чemu основаніе понять не трудно — Природа вліяла въ сердцѣ человѣческомъ большее состраданіе къ тѣмъ,

коихъ жребій выше нашего: проспій воинъ убієнний на сраженіи хоча всѣми сожалѣємъ; но смерть воєначальника пронзаетъ до глубины сердецъ служащихъ подъ сто повелѣніями: несчастіе прошаго сълянина оторчаєтъ только его семью и едва прогаситъ его знакомыхъ: злополучіе же Монарха изливаєтъ смершную оправу горести на всѣхъ его вѣрноподданныхъ. Отъ чего всякий сынъ ощечества, не имѣя ни чго дороже жизни, за первую славу и удовольствіе почиласиѣ жертвовашъ сю для спасенія жизни оца ощечества? И шакъ; больше, нѣжели одно обыкновеніе и законы связывающъ Монарха съ подданными: само всевышине существо премудрымъ своимъ созданіемъ человѣка въ существо души образовало свое владычество въ лицъ владыки земного: Ктожъ не возчувствуешь всѣй важности сего образованія? И кто не изліешъ слезъ раздирающагося сердца своего взирая на спраждущее подобіе сего образованія.

Съ другой спороны блестящая наружность Монарховъ ослѣпляетъ очи подданныхъ до того, что многіе изъ нихъ почи-

шаютъ Государя наслаждающагося только всеми благами земными; а о бессмъртныхъ трудахъ правлія ни мало не воображая поспавляющъ жребій Государей зависшій-шімъ; многие спавя Государей выше человѣческия покушались лѣстію своею увѣришь ихъ, что они суть само божество, и ошеломляя ихъ отъ долга правлія напояли сердца ихъ ядомъ гордости, чemu примеръ подаетъ исторія Александра Великаго, кооторый до тѣхъ поръ былъ великъ, пока чувствовалъ, что онъ человекъ, или пока льстцы не увѣрили его, что онъ выше человека. Трагедія внутренности сердца ихъ обнажая явственно даєшъ чувствованіе, что Государи тѣже человѣки, ихъ блестательное состояніе не ограждаетъ ихъ ни отъ печалей ни отъ горестей; всякий гражданинъ печаляится при своемъ только несчастіи; но Государь страждешъ при несчастіи каждого своего подданного: труды отца ощеснѣва не сравненно тягостнѣе трудовъ послѣдняго гражданина: бремя правлія всякую работу превозходитъ: всякое состояніе имѣшъ часы отдохновенія, Монархъ никогда.

Призовокупить должно къ тому, что
примѣръ Государя весьма сильно дѣйствуетъ
во нравахъ и склонностяхъ подданныхъ. Ве-
ликій преобразишаель Россіи Петръ, что-
бы возродинь страшное врагамъ воинство,
преждъ всего почнилъ сю ограду опече-
чества самъ вступленіемъ въ рядовые вои-
ны. Вскорѣ почувствовалъ врагъ Россійскій
изъ клубящейся крови своей, коль ужасно
ощущашь шажесть ударовъ отъ руки Рос-
сійской до шого имъ презираемой.

Сїи или сему подобныя умсшвованія по-
будили проповѣдывать добродѣтель въ пра-
гедіи усшами Монарховъ, дабы зришель по
свойству своему починать вѣнцѣносную
главу, спократно увеличилъ свое почтеніе
къ добродѣтели украшающей болѣе владыкъ
земныхъ, нежели блиспашельный вѣнецъ:
а при томъ не забывалъ бы шакъ же сми-
ряться въ сердцѣ своемъ взирая на обре-
мененное горестями Величестиво.

Едва только присвоены трагедіи столь
почтенные лица, уже трагедія присвоила
дѣйствію своему важную матерію и слогъ
далеко отъ обыкновенного разговора возвы-
шенный; красноречіе же и синхонворство,

яко родишли его, тѣсно присоединились къ трагедіи; обыкновенныя чувствованія сдѣлались ниже трагедіи; обыкновенные добродѣтели и пороки дѣйствіемъ слабы: надобно тушъ возходить до самаго совершенства; а упадать до дна пропасти, и паковыя двѣ чрезвычайныя прошивуположности оживляютъ важность трагедіи — признаюсь; хотя за законъ не прѣмлю, что стихи гораздо выразительнѣе и приличнѣе сему роду зрелищъ; но еслибы творческій духъ обилующій замыслами прогающими; не находя однакожъ въ себѣ способности къ спихотворенію, остановился произвесь за тѣмъ трагедію, онъ напрасно лишишъ свѣтъ, можетъ быть, прекраснѣйшаго творенія. Стихи и проза безъ мыслей куча шолько словъ.

Хотя противуположности дѣлаютъ явленіе виднѣе и свойства близшашельнѣе; однакожъ не лъзя требовать въ каждомъ явленіи однихъ прошивуположеній: искусный сочинишель можетъ привлечь внимание выспавя свои лица одного свойства и разговоръ соглашающійся и слеза капнувшая изъ очей зришеля естъ поржеспен-

ный въисцъ зрешиа. Убийства и на силь-
ственныя смерти присвоюшъ сочинишили
трагедіямъ; не спорю, что такая сильная
черта глубоко напечатлѣвается въ серд-
цахъ и можетъ ужасомъ наполнить души;
но мнѣ кажется, что зрителей должно
привлекать; а не пугать. Есмъли позво-
лено извлечать слезы, то пускай ихъ про-
ливаютъ разогретое сердце нѣжностю
дѣйствія, а чувствованіе великой доброты
пели да усладятъ сіи перла, коими укра-
шаются жалости. Таковыя слезы, можетъ
быть болѣе приносятъ удовольствія чув-
ствительному сердцу, нѣжели иногда гром-
кій смѣхъ. Народъ оплакиваетъ надъ гроб-
ницею Владисана своего Государя, почившаго
его мертвымъ; сей Владисанъ въ лицѣ бѣл-
наго спранника внѣмлетъ нелѣстныя по-
хвалы сердецъ ему подвластныхъ . . . воз-
торгъ извлекаетъ у него слезы и я съ нимъ
плачу побужденъ равнымъ возторгомъ — я
плачу и слезы мои мнѣ пріямы. Въ Нѣ-
мецкой трагедіи Клавига представлена по-
хороны на шеатрѣ: но сіе дѣйствіе такъ
жалко, что я или уходилъ отъ него, или
зажмуривалъ глаза, чтобы его не видѣть.

(Продолженіе впредь.)

П Ъ С Н Ъ.

Презираю я богатства,
Злата пышношть блескъ пускай:
Всѣ блаженства, всѣ пріятствия
Нахожу въ моей Драгой.

Пышношть въ счастїи препона;
Я гнушаюсь сей мѣчтой:
Миѣ ненадобна корона,
Нуженъ взоръ моей Драгой.

О богачь сбирай доходы,
Умножай доспашокъ свой:
Всѣ сокровища природы
Нахожу въ моей Драгой.

О мудрецъ шрудись вседневно,
Чтобъ снискашь себѣ покой;
Я спокоенъ шамъ душевно,
Гдѣ я вмѣстѣ съ дорогой.

Всѣ пиры бѣседы знатны
Съ ихъ обманчивой мѣчтой
Миѣ не милы не пріятны,
Коль въ нихъ нѣшь моей Драгой.

Хошь гонимъ судьбой я строгой,
Хошь удѣль не знашенъ мой,
Хошь я въ хижинѣ убогой:
Но я въ мѣстѣ съ дорогой.

Службы слѣдуя усташу
 Я пойду въ кровавой бой,
 Чтобы лавры, честь и славу
 Въ даръ принести моей Драгой.

Коль умру я на сраженьѣ,
 Вѣкъ спокойно кончу свой,
 Будѣ слѣзы, сожаленье
 Заслужу моей Драгой.

М Ы С Л И

Философа по модѣ,

или

*Способъ казаться разумными не имѣя ни
 капли разума.*

Любезныя собрашія! такъ начинаетъ мой философъ; уважая вашу благородную ревнность казаться разумными, въ большомъ свѣтѣ, и въ тоже время сохранять наслѣдственное приложеніе къ невѣжеству; предпріялъ, я бышь вамъ полезнымъ, и преподать, способъ лестной для нынѣшняго воспитанія; способъ завидный, казаться разумнымъ не имѣя ни капли разума.

Намѣреніе шакое удивитъ угрюмыхъ чи-
шапелей и философовъ, можешьъ бысть и
вы сами почтение ево страннымъ: уважая
старинную пословицу, ученье свѣтъ, а не-
ученье тьма; но кто учень? Друзья мой!
и когда самъ Сократъ сказалъ; что онъ
ничево не знаетъ; то не лучше ли спокойно
использоваться намъ наследственнымъ пра-
вомъ на ешо признаніе; нежели досставать
ево съ такими хлопотами, какихъ споило
оно покойнику Афинскому мудрецу; а
когда уже бысть разумнымъ невозможно;
то должно прибегнуть къ умѣшильному
способу казаться разумнымъ. Пославимъ
себѣ въ примѣръ женщинъ; сианемъ учить-
ся у нихъ; у нихъ нѣшъ науки бысть при-
гожею; но пригожею казаться: вошъ одно
искусство надъ которымъ многіе лѣтъ по-
семидесяти трудятся, и часто съ успѣ-
хомъ.

Науки нынѣ въ такомъ же маломъ ува-
женіи, какъ здоровье, бысть дородною,
имѣть природной румянецъ на щекахъ, при-
спойно одной крестьянкѣ, но благородная
женщина должна спаравшися убѣгать шако-
ва недоспашка: сухощавость, блѣдносТЬ,

тюмношь, вонъ ее достоинства. Въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ вкусъ во всемъ доходитъ до совершенства, и женщина большова свѣща сравнена съ Голандскимъ сыромъ: копорой, тогда только хорошъ, когда онъ попорченъ... тоже можно заключить и о нашей учености: прямая ученость прилична низкимъ людямъ. Ученіе къ удовольствію модныхъ господчиковъ, уравнено съ другими ремеслами — и здѣсь Невпонъ и Эйлеръ конечно менѣе уважены нежели Брейшегамъ и Гекъ, но искусство пришвояться учеными, вонъ одно достоинство приличное благородному человѣку и кошорое дѣлаешьъ свою милымъ въ глазахъ общества; самые женщины, открытыя непрѣятельницы книгъ, любящъ слушать свою разсужденія, для шово что оныя не унижающъ ихъ самолюбія. Женщинъ очень пріятно видѣть когда мужчина лѣтъ подъ сорокъ разсуждаешьъ такъ забавно какъ пяшнадцати лѣтняя девушка, и шакою прекрасною уловкою скрадываешь у себя лѣтъ двадцать — скажише мнѣ друзья мои не перваяли должностъ мушки нравишься женщинѣ? Но что же для ее разборчиваго и расчо-

шиспаго вкуса можетъ быть пріятнѣе молаго муцины, съ размѣщеннымъ разумомъ; которой бы не утвержаясь ни на чёмъ, старался о всемъ говорить; которой бы своими разсужденіями о важныхъ дѣлахъ, былъ такъ же забавенъ и основашенъ, какъ маленькая дѣвушка за куклами?

И не ужасноли, когда молодой благородной человѣкъ, вздумашъ оиъ чистова сердца прильпиться къ наукамъ, и представляшъ особу сполѣтняго старика? Одинъ видъ такова невѣжи жить въ большомъ свѣтѣ, заспавши зѣвать самую учивую женщицу. Но вы друзья мои не должны опасаться чтобъ къ вамъ относилась еша укоризна: обожая моду, вы не высиупаеше изъ ее правилъ; вы съ искусствомъ убѣгаеше наукъ, и съ похвалынымъ усердіемъ хранише какъ Талисманъ щеголихъ, наслѣдственное искажество; вы не знаеще что такое есть, мыслишь, и можеше служинъ первымъ доказательствомъ, чио человѣку большаго света не нужно имѣть ни сердца ни ума; и что шотъ уже довольно одаренъ оиъ природы, кто имѣетъ проворной языкъ, и можешъ не успавая говорить по десяни ча-

совъ сряду. Вы наконецъ столь искусно умѣете играть лицо маленькихъ ребяшокъ, что изъ васъ стариковъ по однѣмъ сѣдымъ волосамъ узнать можно; вы часпо умираете прежде нежели догадываешься чибо вы живете, и за чемъ вы на свѣтѣ родились.

Пусть смѣються надъ вами; пусть нишупъ на васъ сапиры, сказки, пѣсни, спиграммы, вы все ешо сносите съ споическимъ терпѣніемъ, или, лучше сказать, вы ничево снова не видишъ, и доказываете только шѣмъ, чио ваши сапирики желая васъ перемѣнишь оспавляющъ вамъ поле сраженія... шакъ точно снарой оселъ, привыкшій къ понуканьямъ и къ браніи своею хозяина, съ терпѣніемъ слушаешьъ ево возкликаніи и ругательства... зная чио ешо одинъ пускай звукъ, и продолжаешьъ свой пушъ по прежнему тихимъ шагомъ, оспавляя хозяина въ надеждѣ, чио онъ когда нибудь ево уговоритъ. Вонъ примѣръ, которому вы послѣдуеше, и справедливо дѣлающе друзья мой: оспавывше сапириковъ кричать; и будьше уверены чио нападая на васъ, не вашей пользы, но своей славы

они ищутъ. И вы только служите имъ ботатымъ оселкомъ, около котораго оспрятъ они свой разумъ. Не думаетъ ли свѣтъ что бы Боало переспалъ браниться когда бы Прадонъ и Коинъ сво исправились? но вѣрте чпо нѣшъ; онъ бы сыскалъ ково нибудь еще глупѣ для своихъ насмѣшскъ — сказать ли вамъ болѣе: переспаньше только дурачишся; взумайше быть разсудицельны, ешьли только ешо можно — и сапирики первые оторчашся такою перемѣною. Вы у нихъ ошимиши любимую ихъ пищу, и многое изъ нихъ помрутъ съ ощаянія, чпо глупѣ, смѣшие и забавиѣ васъ никово побранишъ не сыщушъ; но посудимъ филосовски: доспойныли вы даже и насмѣшскъ ихъ, и во многомъ ли они передъ вами преимущесиво имѣюшъ?

Говорятъ строгіе нравоучиши, чпо первая и труднѣйшая должностъ человѣка ешь побѣдинъ свой спрасни; но вы, вы не имѣши спраснѣй, которые бы были для васъ опасны, или лучше сказать вы совсѣмъ безспраснѣ, и поступающе такъ же равнодушно какъ прекрасные куклы, показываемыя въ народныхъ игрицахъ; и

которые приписываютъ вамъ волю и спра-
сти такъ же обманываются, какъ мужики,
которые увида разныя движенія куколъ
думаютъ, что оныя дѣлаютъ всѣ кривлянны
по своему хотѣнію; по ушру сѣва просне-
тесь, комнатные служищеди, обертыва-
ющиъ васъ и подымающиъ съ поспели, послѣ
того волосочосъ, верпимъ вашею головою
поиномъ возяшъ васъ погороду; сажающъ за
столъ; и къ вечеру — опять укладыва-
ющиъ въ поспелю; доказываешь ли все это
что бы въ васъ были хощя малые порывы
срастей?

Тогда какъ важныхъ вашихъ прошивни-
ковъ занимающъ желанія, которые почти
выше человѣка, когда они ищущъ тайн-
ства природы, спаравшися даже проник-
нувшъ въ связи міровъ, когда измѣривающъ
сколько далеко отсель до солнца, какъ буд-
то бы желая вычислишь какъ дорогъ имъ
станетъ туда проездъ, когда занимающися
топографію луны, когда они устремля-
ющися еще въ важнейшія разсужденія, и си-
лящися продолжать далѣе свой путь не
смотря на то, что передъ ними открытия
ево безконечности; вы тогда спокойно за-

нимашесь игрушками, васъ упѣшають зайчики, корешы, собаки, кафтаны, женщины, не рѣдко случаюшся у васъ и драки; но и дѣши вѣдь дерутся за свои бездѣлки, ваши ссоры не важнѣе ихъ, и пошому шо вы не болѣе ихъ виновашы.

Вы не занимаешься тѣмъ далеко ли отсѣль до Сириуса, и довольноны естъли кучерь вашъ знаешь, близко ли отъ васъ первой хорошей шракширъ или клобъ, вы не думаше солнце или земля скрѣе вершишься, довольно для васъ и тово труда, что вы вершишься съ ними вмѣстѣ, и ешо важнѣйшая работа которая вѣ жизни васъ занимашъ . . .

Но завлеченный воспоргомъ васъ хвалишъ любезныя собратія, я не примѣчаю сколь много ошдалился я отъ моево виду, и позыбываю что обширношю моево письма я подвергаю себя опасности не быть никогда вами прочтенымъ; приступимъ же поскорѣе къ самому дѣлу.

Теперь уже ясно сколь велики ваши выгоды, которыхъ первая важность сошлюшъ вѣ томъ, чтобъ блисшашъ остро-

умѣемъ; щеголь кошорой не умѣешь приворяшся разумнымъ, не можешъ играть блиспашельнаго лица въ большомъ свѣшъ, а къ сему то и нужны иѣкошорыя правила приведенные въ порядокъ . . . вотъ предмѣшъ моего труда, я посвящаю его вамъ; друзья мой, и буду доволенъ, ешьли одинъ изъ шѣхъ Французовъ, кошорые гоповали васъ въ свѣшъ, и учать трудной наукѣ ничево не думать; ешьли одинъ изъ шѣхъ Французовъ, говорю я, прочтя мои правила скажетъ, что они согласны, съ образцомъ по коему онъ воспишывалъ благородное наше юношесшиво.

I.

Съ самаго начала, какъ спанешь себя помнишь, завверди чио ты благородной человѣкъ, чио ты дворянинъ, и слѣдсшенио, чио ты родился только пѣдать топъ хлѣбъ, которой посѣюшъ твои крестьяны; словомъ вообрази, чио ты счастливой трушени; у коево не обгрызаютъ крыльевъ; и чио дѣды твои, только для тово думали, чтобы доспавиши твоей головѣ право ничево недумашъ.

2.

Пріugoшовъ себя шакимъ прекраснымъ началомъ, изъ коего слѣдуютъ всѣ другія правила дѣлающія блестящимъ человѣка въ большемъ свѣтѣ, долженъ ты отвергнуть нѣкошорыя предразсужденія, мѣшающія иногда блиспашь оспроумѣемъ молодому человѣку; и для шово привыкай заранѣе шушишъ надъ шѣмъ, что для предковъ нашихъ было сящеенно; ни что шакъ не блиспашельно какъ молодой человѣкъ, когда онъ шушишъ надъ важными вещами не понимая ихъ; при всей мѣлкоспѣ своево ума онъ погда шакъ милъ какъ болонская собачка, кото-
рая бросаешься на драгунскаго рослаго ка-
тишана и хочеть ево разорвать, между
шѣмъ какъ онъ равнодушно куришъ труб-
ку, не занимаясь ее гнѣвомъ; какъ мила
и забавна смѣлость етой собачонки, шакъ
шочно забавна смѣлость вашева ума, когда
огрызашся онъ на вещи, передъ коими,
онъ менѣе, нежели болонская собачка пе-
редъ драгунскимъ капитаномъ.

3.

Должно быть забавнымъ въ общесиѣ; умѣшь убивашь время; и дѣлишь сво вссѣло; а кѣ сemu нужна шолько одна наука играшь въ каршы; она замѣняшь въ большомъ свѣтѣ всѣ другіе науки; бойся не играшь въ каршы, ничево нѣтъ глупѣе молдова человѣка, которой незная каршъ лишенъ способа кѣ стапѣ проиграшь деньги барину, или ево любовницѣ . . каршы суть душа нашихъ собраній: безъ нихъ, четыре человѣка сѣхавши въ понсющашю вмѣстѣ не знали бы что дѣлашь; и справедливо должно сомнѣваться бывали ли полно до выдумки каршъ какїя нибудь собранія.

Французкіе учители многіе очень хорошо дѣлаюшь, что пишомцевъ своихъ учатъ играшь въ каршы, и я бы не совѣтовалъ родителямъ принимать для своихъ дѣтей никакова учителя, еслыли онъ не знаетъ игръ которыя въ употребленіи: молодой доспашочной человѣкъ, вспупая въ свѣтъ, можетъ спокойно забыть свои науки, имѣя деньги и дядюшекъ, онъ уже

имѣшь право на невѣжество и на щастье, но карши ему необходимы: безъ нихъ онъ въ лучшихъ домахъ будешъ меринъцомъ, и на нево спанутъ указывать пальцами какъ на выходца сѣтово свѣту! . . . вообразите, скажутъ женщины, онъ невѣжа до такой степени, что не можешь сдѣлать парию въ вискѣ.

4.

Будь насмѣшивъ сколь можно, молодой человѣкъ умѣющій осмѣять и подшутишъ ищущія какъ кладъ въ лучшія общеспва, злословецъ не можетъ быть дуракъ) вотъ опредѣленіе моднаго свѣта: стараися ево заслужить и ты будешь взысканъ; но не будь низокъ и не шути надъ пѣмъ, чио въ самомъ дѣлѣ достойно осмѣянія, ешо знакъ слабаго воображенія, еспѣли молодой человѣкъ смѣясь надъ смѣшными только людьми или вещами: осиротѣнникъ нынѣшніева вѣка долженъ бѣгать пакова недостапка, и осприть свой языкъ на щопъ важныхъ, и почтенныхъ людей; ни какой

нѣшъ славы смѣялся надъ Антирихардсомъ, и надъ мнимымъ Дешушемъ, ешо значиши биши лежачихъ; и безъ тебя весь свѣшъ знаешь, что они гадкіе писатели; но ешьли ты будешь смѣялся надъ Ломоносовымъ, или увида на шеатрѣ спа-
нишь браницъ славную Ле-Сажъ и Делпи; то подашь тѣмъ знакъ о превосходствѣ твоего вкуса, которой и споль великими
шаланшами не могъ бышь удовольствованъ.

5.

Ошбери нѣсколько авшоровъ на удачу, зашверди ихъ имена, вздумай чио одинъ изъ нихъ плѣнилъ тебя своими красопа-
ми; такъ какъ Донъ - кишонъ вздумалъ, чио сво плѣнила Дульцинея, которой онъ и въ глаза не видывалъ; такимъ образомъ пожаловалъ одново какова нибудь авшора, тѣмъ больше тебѣ чесши ешьли онъ ино-
странной, въ свои любимцы, брани дру-
гихъ; и занимайся имъ однимъ; приписы-
вай тѣмъ погрѣшности, которыхъ въ нихъ
нѣшъ и придавай ему прелести, коихъ въ немъ

не бывало; (ничего нѣшъ милѣе, какъ видѣть двухъ молодыхъ щеголей, когда спорють они за своихъ авшоровъ, — нечишавъ ихъ; и мнѣ часто случалось бывать свидѣтелемъ какъ Русовы епиграммы надъ Юнговыми ночами, одерживали побѣду, которая всегда оставалась на той споронѣ у чьего защищника здоровѣе горло.)

Маленькіе дѣти, нынѣ очень искусно учающія передрижнивать своихъ родищелей; и есшьли имъ не мѣшаютъ въ шакомъ пріятномъ упражненїи, то можно современемъ ожидать, что изъ шакова ребенка сдѣлася презабавной для свѣта повѣса; такіе дѣти бывающіе обыкновенно неуспрашимаго духу, и на пяцнадцатомъ году они уже въ состоянїи колотить своихъ ошцовъ, или выталкивать ихъ съ двора.

6.

(Умѣй говорить не думая, думатьлично ученому, а ученье не приспало щотолю и ты долженъ осторегаться чтобы несказать чево умнаго; молодой человѣкъ,

которой говоришь умно очень глупъ въ большомъ свѣтѣ: а ты долженъ быть забавенъ: большая часть женщинъ любитъ попугаевъ, хочешь ли и ты тѣми же самыми женщинами такъ же быть любимъ, спарайся говоришь какъ попугай — и ты прослышишь острякомъ; выучи поушру нѣсколько чужихъ острыхъ словъ и умѣй ихъ сказать къ счастью... твой разумъ какъ женщина долженъ быть прибранъ за уборнымъ споликомъ: вошь ключъ, къ доброй славѣ; умѣй поушру выкрадывать, что надо бѣшь говоришь днемъ, и половину города не примѣтишь что ты невѣжа.

Есть и другой способъ говоришь забавно безъ ума буде только языкъ твой гибокъ, и проворенъ какъ трещотка; но это шрудная наука, которой только у женщинъ учится можно; спарайся подражать имъ; спарайся чиобъ въ словахъ твоихъ ни связи ни смысла не было, чтобъ разговоръ твой перемѣнялъ въ минуту по пяти предмѣтовъ, чиобъ брань, похвала, смѣхъ, сожалѣніе, простой разсказъ, все бы спо-

смѣшанное почти вмѣстѣ пролетало мимо
ушей которые тебя слушаютъ, и нако-
нецъ чѣобъ шы какъ барабанъ, оставлялъ
по себѣ одинъ пріятной шумъ въ ушахъ . . .
не оставляя никакова смыслу — молодой
человѣкъ, съ такими дарованіями, ну-
женъ въ модномъ общество какъ лишавъ
въ оркестръ, которои одинъ ничево не-
значишъ; но гдѣ должно сдѣлашь шумъ
тамъ безъ него обойтись неможно.

7.

(Остерегайся быть скроменъ; или ты за-
спавиши думать что тебѣ нечево сказы-
валъ: а это великой недоспакокъ.) Моло-
дой щеголь нынѣшняго вѣка долженъ быть
и може что морская труба; принимая въ
одинъ конецъ слова выдавашь ихъ то-
часъ въ другой; и чѣмъ кіо смѣшише умѣсть
пересказывашь, тѣмъ болѣе приписываютъ
ему ума. Незабочтися естѣли онъ такихъ пе-
ресказовъ рождашися ссоры, драки и бѣдствія;
тѣмъ болѣе чести перескащику чѣмъ болѣе
и бліспашельнѣе дѣйствіе произведеніе

ево пересказъ. Легко сказано что ты и
бишъ будешь; но ешо еши лавры, соспа-
вляющіе лучшее украшеніе перескащиковъ;
чѣмъ сильнѣе тебя побьють, тѣмъ яснѣе
доказательство, что память и воображеніе
твои обширны; и чѣмъ болѣе тебя бра-
нятъ, тѣмъ виднѣе что ты привлекаешь
къ себѣ вниманіе. Многіе франты совсѣмъ
забыты ошь свѣща не имѣя дарованія нер-
носить вѣсли; а ешо жалкая участъ ще-
голя, ешьли о немъ помнюшъ одни ево за-
имодавцы.

Вашъ любезныя мои еображія маленькой
опытъ правилъ столь необходимыхъ тому,
кто хочетъ съ успѣхомъ близиашь въ мод-
номъ свѣшъ, пользуясь ими; я знаю чѣо
многіе Французы будушъ завидовашъ, для
чево другие написали то, чemu они слове-
сно учили; но я не самолюбивъ и охопно
признаюсь, что еши прекрасные правила
не моей выдумки, и чѣо мы обязаны оны-
ми тѣмъ снисходишимъ Французамъ,
которыя кончивъ на галерахъ свои курсъ
филозофіи прїѣхали къ немъ образовашъ
наши нравы.

ШАРРАДЫ.

1.

*Считая, первое всегда упоминаешь;
Второго не имѣвъ, всѣго не отгадаешь.*

2.

*Напившись первого горишь какъ отъ спыда;
Второе, хоть не ледъ: но мерзлая вода:
Узнавши все, сего покушаешь плода.*

3.

*На первомъ грозныя являются черви,
Второе времени намъ кажеть долготы,
Все вмѣстѣ сказано . . читателю это шы.*

* * *

Шаррада есть загадка словесная, гдѣ слово раздѣлено на двѣ части, такъ, чтобъ каждая означала особливое название: а обѣ вмѣстѣ: есть шо, что отгадать должно, на примѣрѣ:

*Первое, животное рогатое, то есть: волъ.
Второе, что говорятъ, когда даютъ — на.
Все вмѣстѣ баранья шерсть — — волна.*

П Ъ С Н Ъ
К Р А С О Т Ъ.

* * *]

Спрашай машь сильныхъ, благородныхъ,
Любимо чадо еспесива,
Всѣхъ всрхъ созданій превосходныхъ
И образъ лучшій Божесива,
Пріятства блещуща въ порfirъ
Краса небесная межъ насъ!
Тебя пою на слабой лирѣ,
Тебѣ я шлю свой данью гласъ.

* * *

Снидишь Музы! . . . нѣшь, да взгляды
Меня Темирины живяшь!
Да прольюшь маніемъ оправы,
Воспоргъ въ душѣ моей ролятъ!
Мосій чѣобъ лиры звонъ былъ спроенъ,
Да лавръ Пермесскій имъ куплю;
Чѣобъ пѣть Красавицъ былъ достоенъ,
А наче шу кого люблю.

Часть II.

Ф

Какъ озвориша врата вѣсною
 Аврора дня царю спѣшишъ,
 Умытый кажешъ намъ росою,
 Покрышъ живымъ Румянцомъ видѣ;
 Для ней зеркаломъ служашъ воды,
 Разпушшъ нѣжный верхъ цвѣшки,
 Воспрянушъ всѣ сыны природы,
 Подулошъ кропки вѣнцерки.

Такъ въ земиородныхъ мы соборахъ
 Сіянѣе видимъ Красоты:
 У ней сверкаетъ огнь во взорахъ
 И дышушъ нѣжносью черши;
 Осанка важна возвѣщаешьъ
 Въ ней бышъ владычицѣ сердецъ;
 Въ речахъ пріятношь обѣщаешьъ,
 Что нравъ всѣхъ прелѣстей вѣнецъ.

Амуры вкругъ ее лешаютъ
 И сѣши вяжутъ изъ заразъ;
 Зефиры чушь прильнувъ играютъ
 Волнами шемныхъ мягкихъ власъ;

Въ усмѣшкахъ милыхъ посѣлились
Венерины подруги всѣ;
Шесѣнадцать лѣтъ катясь шрудились,
Чтобъ совершенство дашь Красѣ.

* * *

Блаженѣ, во сердцѣ кто воздвигнуль
Невиннымъ прелѣшамъ престолъ,
Кто чистыхъ сладосіей доспигнуль
И въ узахъ счастіе нашолъ!
Души царицу обожаешь,
Съ ней вмѣстѣ пьешъ спруи отрадъ;
Ошъ ней восшорги получаешь,
Даешь ей шопчасъ ихъ назадъ.

* * *

Ему ліються тихи смѣхи
По нѣгой полному лицу,
Ему суляшъ глаза ушѣхи,
Любовь ведешъ его къ вѣнцу:
На персяхъ розъ съ пучкомъ лилеи
Цвѣшушъ, шрепещушъ передъ нимъ;
Желанья въ немъ, какъ бы Прометеи;
Лешаяшъ ошъ прелѣшай къ другимъ.

Ф 2

И чье на свѣтѣ сердце хладно
 Красой не тронулось во вѣкѣ?
 Какій бы прожилъ безошрадно,
 Не зная любви человѣкѣ?
 Всѣ, всѣ подвержены сей власти,
 Всѣ сердцемъ жерѣвующъ любви;
 Невольники прїятной спрасши,
 Питаюшъ нѣжный жаръ въ крови.

Мудрецъ во правилахъ всѣхъ строгий,
 Лишь только въ немъ одномъ не строгъ;
 Сладчайши ощущивъ превоги,
 Твердишъ понравившися урокъ.
 Съ полей, гдѣ кровь ручьемъ лилъ, воинъ
 Къ ногамъ Красавицы спѣшишъ.
 Піишъ, хоть взора удоскоинъ,
 Одушевленъ въ стихахъ паринъ.

Герой и храбрыхъ вождь героеvъ
 Вздыхаешь посредъ побѣдъ,
 И счастливъ ешьши послѣ боеvъ
 Онъ зришъ любезный свой предмѣшъ:

Въ Красѣ улыбку примѣчаешь
 И зришь, какъ духъ въ ней возхищенъ,
 Что кто рапъ спрашну побѣждаетъ,
 Томъ ею шолько побѣженъ.

* * *

Владыка жертву самъ приносишъ
 Плѣняющимъ его красамъ;
 На сдинѣ вѣнецъ онъ сбросишъ,
 И скучный презря єиміамъ,
 Любви языкомъ онъ вѣща,
 Себѣ владычицу нарекъ;
 И такъ же, какъ другій вздыхая,
 Явишъ что такъ же человѣкъ.

* * *

Но всѣ Красу кто обожаютъ,
 Всѣ правы . . . чѣмъ ихъ обвинишь?
 Коль сердцемъ нѣжнымъ обладающъ,
 Какъ имъ возможно не любить?
 Любовь прямая въ томъ свидѣтель,
 Что связь пороковъ ей гнусна:
 Краса, коль знаешь добродѣтель,
 Сердецъ наставница она.

* * *

Блюспишель нравовъ чистыхъ, честныхъ
 Коль правила душъ его
 Читаетъ на глазахъ прелѣстиныхъ,
 Онъ спанетъ лучшимъ отъ того.
 Кто въ злыхъ порокахъ дни проводиша,
 Коль крошкою плѣненъ Красой,
 Ко чистымъ нравамъ онъ приходиша
 Упѣхъ пріяшною спезей.

* * *

Чтобъ дашь небесно намъ блаженство,
 Въ насъ благо, милый Полъ! внуши;
 Пріяствъ наружныхъ совершенство
 Мѣшай со прелѣстными души.
 Изливъ въ стихахъ сихъ чувства спрасны,
 Я о развратныхъ умолчалъ;
 Тѣ въ половину лишь прекрасны,
 Красотъ я полныхъ воспѣвалъ.

Андрей Бухарской.

ПОДРАЖАНИЕ
Кашуаловой Елегіи: Lugete o Veneres.
Съ французского перевода.

Возплачъше Граціи, Амуры;
Лезбіинъ милый воробей
Исполнилъ смертью долгъ нашуры,
И прервалъ цѣль счастливыхъ дней.

Она любовь къ нему писала,
А онъ былъ вѣренъ ей и милъ:
Всегда она ево лобзала;
Всегда онъ вкругъ ее шалилъ.

Хошь улешишъ вѣ иную пору,
Но знакъ отъ ней примѣшишъ чушъ,
Къ ея назадъ порхнешъ онъ взору
И сядешъ къ ней на нѣжну грудь.

Но вѣ исмѣ изчезла жизни сила.
Ты, Парка, къ намъ была люша,

Сразивъ то, чпо любовь творила
И чпо любила красоша.

Свирѣпымъ дышущая жаромъ
О непреклонна Адска дочь!
Твоимъ поверженна ударомъ
Краса спремишся въ вѣчну ночь.

О ты! чпо жизнь мосй любезной
Всегда старался веселишь,
Ты умеръ! . . спонъ ея, покъ слезной
Тебя не можешъ оживишь.

Предмѣтъ любимъ и обожаемъ,
Достойный нѣжносини вѣнка;
Вотъ сколько слезъ мы проливаемъ!
Судижъ, какъ смерть швоя жалка!

A . . . B . . .

Стихи Филипповы

на Леонида,

умершаго на Фермопильском сражении.

Изъ Антологіи.

* * *

Ксеркѣ мысля чеснѣ воздашь сраженну
Леонилу,

Свою трупъ его порфирою покрылъ;
Но шѣнь героя то вмѣнивъ себѣ въ обиду,
Явилася и гнѣвъ на ней написанъ былъ.
Вотъ мой, рекъ Леонидъ, предъ храбрымъ
стыдъ народомъ.

Сей снявъ уборъ, мой трупъ покройше вы
шишомъ;

Да въ украшенъи зря Плутонъ меня па-
комъ,

Увѣдаешь, что я Лакедемонецъ родомъ.

A . . . B . . .

* * *

Будучи въ рынке, или въ Господиномъ дворѣ купилъ я нѣсколько нужныхъ мнѣ бездѣлицъ, копория купецъ началъ завершать въ печатныя листы. Я изъ любопытства поглядѣлъ, чѣмъ обвернуты купленные мною носовые плашки? И къ крайнему сожалѣнію моему увидѣлъ, что употреблены на то листы *Физической Географіи*; баписаны на манжеты завернуты были въ листы *Естественной Исторіи*; плашки въ *Логикѣ*; шильки въ *Травникѣ*, или *Ботаникѣ*. . . Боже мой! на что употребляются здѣсь пренелезныя книги, когда кучи прескверныхъ Романовъ красуются въ библіотекахъ въ пребогатомъ переплете!

Купецъ улыбнувшись сказалъ мнѣ: напрасно вы беспокоитесь объ этихъ листахъ; намъ книгопродавцы продаютъ ихъ на всѣ, и они гораздо дѣшевѣй намъ обходятся завершеною бумаги; а въ эпохѣ виновны вы сами, господа благородные! для чего вы ихъ не читаете? Вѣдь лежа на полкахъ этого и гляди, что обломятъ

и полки; такъ провались онъ проклятыя, канишалъ то въ нихъ положенный пропалъ, да какъ еще и полки та починивать или дѣлать вновь . . . такъ завѣдомо лучше бросить ихъ за что нибудь . . . а Романыша, Сударь! не шушинше ими . . . у меня знакомый книгопродавецъ, гдѣ я эши листы беру на обершку, говоришъ, что это золотыя книги; ни одинъ Романъ еще не залежался, то и знай, что ихъ подпечатывающъ — *Тысячу одну ночь* то и дѣло, что разкупающъ: а у нашего брашна купца шопъ шоваръ и уменъ, за который больше денегъ даюшъ, и который больше покупаютъ — Въ сїе время перервалъ нашъ разговоръ взошедший въ лавку армейскій сержантъ, у которого на груди было три медали: онъ спросилъ куришельного табаку, и ему завернулъ купецъ такъ же въ печатномъ листѣ, на которомъ примѣшилъ я сташью о *Ретирадѣ*, изъ чего и заключилъ, что сїя книга есТЬ *Тактика*.

Я.

Служивый! знаешь ли ты въ чемъ завер-

Зо8,
иушъ твой табакъ?

Онъ.

Нѣпъ; Ваше благородіе! я грамотѣ не
ученъ, я изъ даточныхъ.

Я.

Это листъ изъ книги военной — это
Тактика, или наука воевашь.

Онъ.

И какой вздоръ! шушишь, баринъ! да на
что шумъ наука? — Надобна только
Эксерція — когда штыкъ у рядового
примкнутъ — пускай ка сунется кио съ
наукою па на насъ, мы всякую науку на
сквозь просадимъ — у насъ два слова всю
науку составляющъ.

Я.

Какія, мой другъ!

Онъ.

Первое слово и самое важное, и важнѣе
всѣхъ наукъ въ армейской службѣ: слушай!

Я.

Признаюсь, мой другъ! что это слово
весъма важно: можешъ быть Россіянинъ чув-
ствую всю великость эшаго слова привыкли

всегда побѣждашь — а другое, мой другъ!
какое ?

Онъ.

Такъ вѣрно вы не служили въ армѣйской службѣ, когда спрашиваше меня? — только не поскучъше, я вамъ разскажу всему Фундаментъ — у насъ, коли Капралъ кричашъ *слушай*, по рядовыя ждуши, что велишъ — пришелъ Сержантъ, закричалъ *слушай*: ужъ и Ундеръ-офицеры и Капралы; какъ рядовые, ждуши команды — Офицеръ пришелъ, всѣ его слушаюши — Маіоръ — всѣ Капишианы и рядовые его слушаюши — Полковника, Маіоры — а Генерала — — ну самъ разсуди, чинъ чина почишаешь; и кто главный закричишъ, *слушай*, такъ ошъ рядового до самаго его, все его и слушаешь — Вонъ сударь! каково словцо ша, *слушай!* — — а тамъ, гдѣ надобно, закриашь *въ передъ*; такъ шупши прошивъ насъ Рускихъ ни кто не ушоишъ.

Я.

Вонъ, мой другъ! на что и надобна

наука та, чпобъ знать, когда закричашь
въ передъ.

Онъ.

Да эшо дѣло Командирское; а не наше,
у насъ вся наука въ шомъ — либо стой,
либо въ передъ: а назадъ никогда. — Ну
вошъ! я вамъ разполковалъ — прочши ка,
баринъ! мнѣ хошь строчку, что на этой
бумагѣ написано, что за наука?

Я.

Тушъ написано, мой другъ! о Ретирадѣ.

Онъ.

О ретирадѣ? Провались же эша книга
къ чорту — ее конечно какій нибудь шрусъ
нисалъ — пускай и учащся этой наукѣ
шрусы же — а я служилъ, и назадъ ни-
когда не пянился — слышалъ ли ты, Го-
сподинъ чеснинъ! объ Измаилѣ? — Нѣшъ
ужъ городъ, крѣпокъ да и крѣпокъ, да мы
его на шыкахъ взяли — Эй! купецъ!
заверни мой шабакъ въ другую бумагу;
а не шо: я куплю въ другой лавкѣ. Я не
хочу, чпобъ мой шабакъ былъ въ реши-
радѣ.

Слова Сержанина мнѣ очень понравились, а шѣмъ болѣе, чѣто они прямо вышли изъ сердца. Я хошѣлъ заплашить купца за табакъ; но Сержанинъ поглядѣвъ на меня нѣсколько сурово сказалъ: у меня есуть и свои деньги; спыдно нашему брашу служивому брашь подарки: кто лакомъ до подарковъ, шотѣ въ службѣ вѣренъ не будетъ — Табакъ переложили въ бѣлую бумагу — и Сержанинъ пошелъ вонъ изъ лавки. Между тѣмъ я просилъ купца, чѣтобъ онъ завернулъ доспахлную мою покупку не въ печатную бумагу: поколику мнѣ совѣстно видѣть ничего значущага вещи завернутыя въ золото.

Пришедши домой я покупку мою развернулъ: а доспальня была завернута въ рукописи, кошорую я прочитавъ нашелъ, чѣто это переписка Хлыновскаго купца со здѣшнимъ — сїи письма показались мнѣ странными, и для шого вздумалъ я послать ихъ къ вамъ, Господа издашели Зрищеля: они сноюшъ бышь напечатаны. Я думаю, чѣто вы мнѣ въ томъ повѣрише и

не сочшеши ихъ за мое сочиненіе, чемъ
много обяжеше

Вашего искренняго доброхота.

*Благопріятель мой — * * * !*

Удивительно намъ показалось, что ми-
лость ваша прислала къ намъ сукна гораз-
до хорошаго, и не шакъ дорогою цѣною —
А мы было писали къ вамъ гораздо о се-
редовомъ товарѣ — Мы спа всѣмъ Хлыно-
вомъ вельми шому порадовались, что ша-
кая дешевизнъ спала у васъ въ Пишерѣ.
Пожалуй, не поскучь нась увѣдомишь, отъ
чего эшо спалось? Не курсъ ли денежный
поднялся? Топа бы ладно ша было! По-
ра бы, давно спа бы пора заморскимъ куп-
цамъ переспать наши Рускія деньги цѣ-
нить — Теперь бы пришла наша череда
и на ихъ оцѣнику накинуть. Мы гораздо
радуемся шакому дѣлу — и радовались бы
еще больше, кабы наши бабы не всбелени-
лись. Не знаю, какій шо дьяволъ шепнулъ

имъ въ уши сбросить подкапки и шѣлопрѣи; а одѣваться по вашей Пишерской модѣ? А особливо моя Елизарьевна, слышь ты, проходу мнѣ не дасиѣ — шолько и ладишиѣ: не хочу подкапка, а хочу рожекъ — Чѣо дѣлашь? Пришло намъ мужьямъ успушить женамъ — принялись онѣ за рожки — У насъ живешъ оштавная Секретарша, она нивись какъ горазда на рожки ша: она ихъ дѣлаешъ, да мужа своего съ ними и посылаешъ — а жены наши шакъ ша принялись за Секретаршины рожки, чѣо намъ мужьямъ они больно не по сердцу, да и убышокъ немалъ, чшожь дѣлашь, чѣму пособиши не лъзя? — Мы было ужь начали къ рожкамъ ша и попривыкашь, да вдругъ на бѣду нашу неминучую врагъ занеси какую ша къ намъ госпожу изъ Пишера мимоѣздомъ — На моемъ постпояломъ дворѣ и приспавала ша она окаянная — Самъ ты вѣдаешь, умная голова! чѣо моя полешѣла къ этой барынѣ лепкомъ — о чѣмъ же, ты думаешь, она калякала съ ней цѣлый денекъ Божій? Все разспрашивала о Пишер-

скихъ модахъ да нарядахъ — Какъ эша госпожа изъ Хлынова провалилась въ свою дорогу: а жны наши и къ намъ, кричашъ да содомяшъ, проспи Господи! какъ наше мѣсто свято — эша барыня скажи имъ, чо въ Питеръ носятъ модницы окороки; а на головъ чурбаны — эдакая рамода! мы шолковали жнамъ нашимъ, что эша госпожа смѣялась надъ ихъ дуростю; такъ божайся да клянуся, чо она увѣрила ихъ въ томъ всѣми кляшвами — а онъ съ ума сошли на прищегольѣ и жиши съ нами не хотятъ, ежели мы ихъ не нарядимъ въ окороки да въ чурбаны.

Помилуй, отецъ нашъ! яви намъ милость, открой эшу хитрость, какою ма-нерою ваши Питерскія щеголихи цѣпляють на себя окороки? Съ зади, али съ переди, на веревкахъ, али на тесемкахъ — и какіе именно окороки, провѣсные, али конченые? Нани бабы такъ избѣглились, чо не дають намъ вѣдчинки и въ свяшъ днъ до обѣда — — Да и подлинно диковинная диковинка! я чаю городъ весь вашъ прово-

нялъ свинымъ жиромъ, я чаю въ жаркій день
всѣ щеголихи перемараются; развѣ ужъ не
ошъ заразы ли какой это дѣлася: шакъ
не подспереги врагъ лихаго слова: по сей
часъ у насъ все Богомъ хранимо.

А о чурбахъ ше шакъ же прошу не за-
мѣшкать отвѣтомъ: изъ какого дерева вы-
рубашь ихъ должно, и какимъ побытомъ
оныя чурбаны дѣлаются, линовые, аль со-
сновые, аль ольховые? — Уму спа нашему
невообразимо — Пишерскія щеголихи
не наши бабы рабочія; чай вѣдь всякая ще-
голиха самый деликашесъ — Какъ ихъ
головы не повихнулись? Легка ль машина
взрюшить на голову чурбанъ? Гдѣ къ чор-
шу иного чурбана и наша муская голова не
снесетъ: развѣ нѣшъ ли спа какихъ подспа-
вокъ? Пожалуй не оспавь намъ обо всемъ
досконально дашь вѣдомость.

Какъ спа у васъ на всѣ эши товаровы
спалъ великий походъ, шо не въ прошив-
ность ли милости вашей будешъ? Мы
вамъ окороковъ поставимъ самыхъ заздрав-
ныхъ и Скотинина заводу; а о чурбахъ

ше; продаешь здешний помъщикъ цѣлый лѣсъ строевый на вырубку; шакъ бы въ чурбахъ ше, что разойдется по дорожъ, то бы спа и наше: вѣдь пока мода, поша и взяши рубль за копѣйку — пословица говорится же: *Куди железо, пока горячо . . .* Пожалуй не осшавъ насъ и не замѣди ошѣпомъ: пребываемъ милосии вашей ко услугамъ.

* * *

О Н В Ъ Т Ъ.

Другъ мой сердечный Вавила Охрепиновичъ!

Писмо ваше я получилъ; на которое по мосму обыкновенію поспасъ вамъ ошѣпствую, хопя правду сказать я едва повѣрилъ, что эшо письмо ваше . . . но по дружбѣ нашей удовольствую шебя увѣдомленіемъ на каждую твою просбу.

Сукна я послалъ къ вамъ хорошія, эшо правда; но эшо не опѣш того, что они у насъ въ Петербургѣ сшали дешевлѣ; а шому со всѣмъ другая причина. Завелись у насъ

магазины иностранные, куда всъ какъ
знатные, полузнашные, и мѣлкопомъ-
стные всъ ъездяшъ за товарами, и поку-
паюшъ шамъ все за пройную цѣну: а у
насъ въ Рускихъ лавкахъ, какъ бы товаръ
хорошъ ни былъ, не только не даюшъ и
половинной цѣны, но и совсѣмъ не жалу-
юшъ въ наши лавки; то пришло бы намъ
весь торгъ бросишь и объявить себя бан-
крущами — чпожь дѣлашь! нужда научишъ
калачи ъстъ — мы нашли способъ помочь
себѣ. Все что, что въ нашихъ лавкахъ за-
валю почипаешся, или, всъ товары, кото-
рые по хужѣ отдаемъ мы въ модные мага-
зины, гдѣ они продаюшся очень скоро и
весъма дорого, за что плашимъ мы мага-
зийщикамъ за комиссию такъ же не деше-
во, отъ чего получаемъ великий барышъ. У
насъ вошло въ моду не разбирашь добро-
ши товаровъ: а надобно только, чтобъ
было дорого, да въ модномъ магазейнѣ; а
безъ того мы никогда бы завалящихъ то-
варовъ не могли съ рукъ сбышь. — Береги-
тесь обѣ эпой модѣ открывашь сожищель-

ницѣ вашей, чтобъ и у васъ не вошло это въ моду. Минь говорилъ вчера́сь одинъ чужесиранецъ, что у него есть сажень пять сотъ дровъ осиновыхъ да сосновыхъ, и онъ выдумалъ средство ихъ скоро и съ вели-кимъ барышемъ продать — онъ хочетъ публиковать: что у него есть сосновыя и осиновыя дрова *Англицкой работы*, и увѣ-ряетъ меня, что будешь продавать по спу-но двадцати рублей сажень, и что по этой цѣнѣ разхватишь у него сушки въ прои — любопытствъ я очень дождались этой про-дажи дровъ, и для спраноски васъ увѣ-домиши не оспавлю. Какъ выше я сказалъ, что все худые товары разошлись у насъ по магазейнамъ, то теперь остались луч-шие, изъ которыхъ я къ вамъ сукна и до-спавиль — Магазейщики еще дѣлаюшъ у насъ надъ сукнами *лоновленіе* или *иностра-неніе*: берушъ у насъ самыя худыя и зава-лящія да разводяшъ сажу на масль, и вы-тикающъ на сукнахъ черныя полосы, отъ чего трехъ - рублевое сукно продавали даже по 25 рублей аршинъ называя Англиц-

кимъ или Французкимъ — Башюшка твой намъ разказывалъ, что лѣтъ тому пѧтдесѧть назадъ у большихъ бояръ въ Москвѣ въ полосатомъ да въ пестромъ ходили — помнишь ли — кто? Да чио говоришъ, это не наше дѣло.

Изволиши ты писать объ окорокахъ. Это совсѣмъ не то, и какъ вамъ эдакая мысль въ голову пришла? Ну допустяшь ли наши Петербургскія красавицы, чтобъ свиное сало къ нимъ коснулось? Хотя здѣсь Французы перешопивъ сго да надуша духами не знаю, съ какими ша печальными ерлычками на Французкомъ языкѣ продаюшь рублей по пяти маленькую баночку называя это выписною помадою — Сожи-тельница швоя услышала — Это новомодное плашье; оно соспостишь волѣ въ чемъ: прежде сего Французкія здѣсь уборщицы дѣлали плашья длинныя; а нынѣ вздумали денегъ брасть больше; а товару на плашь употребляшь мѣньше почтия свою выдумку дорожь самихъ себя, и для

шого онъ обрѣзали платья очень коротко, но чтобы эшо коротко не драло уши нѣжнымъ Россійскимъ барынямъ по модѣ; то они оѣранцузили слово коротко и спали называть его короко — Видишь, любѣзный другъ! шоли дѣло? Гдѣ нашему Рускому коротко сравнявшись съ короко; а при томъ съ совершенно Рускимъ названіемъ, какъ бы платье хорошо ни было покупашь и носить его не станутъ — а эшо коротко или короко не что иное есть, какъ кофша очень короткая и вся на зади шакъ, что безъ карсепа надѣть ея не лъзя: а иныя выдумали, чтобъ и на карсепѣ не трашивши шовару, пришивашь къ эшому коротку нагрудникъ. — Вотъ и вся мода! вы можеше смѣло кушать вѣдчину не опасаясь, чтобы она на другое употребленіе опредѣляласьmodoю, кроме кушанья. У насъ заразы нѣшъ, какъ и у васъ же; но ешь языка къ модамъ; и она шакъ прилипчива, что вѣ минуту разложася, и смершоносна доспашку тѣхъ, кои хворающъ охощую къ модѣ.

О чурбахъ, шакъ же ваша сожительница ослышалась: это называется *Турбанъ*: что есть скомканный комокъ флеру или дымки или башисту или подобнаго сему: шутъ еще употребляють разныхъ лѣнивъ множеспво, и сила вся соспоишъ въ шомъ, какъ бы больше на пушлявкатъ и шого и другаго — а Турбанъ слово не Руское — а какое, и что оно значишъ по Руски? — еи ей! не могу тебѣ сказать, да едва ли и Француженки уборщицы знаютъ этому слову шолкъ — Эти же Турбаны, не беспокойся, мой другъ! не повихнушъ головы; а свихиваюшъ деревни у бояръ; а у нашихъ купецкихъ щеголихъ мужніе торги. Турбаны шакъ легки, что нѣшъ ни одного вѣсомъ въ полфунша; а самый изъ нихъ плохій споишъ многихъ кулей хлѣба.

Еще скажу тебѣ новинъкое о нашихъ модахъ: нынѣ тѣ же Французкіе уборщицы перекраиваюшъ на свои образецъ *шуган* и называюшъ ихъ женскими *сертуками*, и врагъ ихъ угораздилъ дѣлашъ ихъ съ высо-

кими споячими ворошниками — посмо-
триши на женщину въ модномъ серпукѣ
съ переди, то лицо ея, какъ будто изъ
кіопочки, или изъ ящика какого выгляды-
ваешь; а съ зади всѣ женщины въ модномъ
серпукѣ кажутся горбашыми, какій бы
стройный и складный спанъ ни имѣли —
вотъ другъ мой! нынѣ какая мода!

Лѣсъ покупашъ вамъ не совѣшую, какъ
вы говорили; а развѣ по вашимъ торговымъ
обстоятельствамъ будешь вамъ сходно:
что вы сами знаете, что вамъ полезнѣе;
а я знаю, что наша дружба продолжится
по смерть нашу, и я по гробъ мой остану-
юсь вамъ

покорнымъ слугою

* * *

Р О З А.

Въ цвѣтущей юности своей,
Среди Тюльпановъ и Лилей
Гордяся Роза возрасшала.

Осанка горда возвѣщала
 Въ ея уныніи самомъ,
 Величье предъ другимъ цвѣпкомъ. —
 Когда горящее свѣшило
 На сводъ лазурный возходило,
 Почтенье робко къ ней хранило;
 И что бы стеблей не помяшь,
 Лучи какъ бисеръ разсыпало;
 Но къ ней касаться не дерзало. —
 Что рѣдко, должно обожашь!
 Зефиры, шопки волокинь,
 Кадриль изъ всей соспавя свиты,
 Резвились, прыгали предъ ней;
 На легкихъ крылѣахъ носясь,
 И щастіемъ своимъ гордясь,
 Въ молчаньѣ удивлялись ей.

Но долголь процвѣщала Роза?
 Едва вечерній часъ насталъ,
 Бледнѣлъ цвѣшокъ и увядалъ —
 Померкъ ошѣ люпосни мороза.
 Придетъ день весны твоей,
 Ты къ жизни возвратишься снова;
 И смерть угрюма и сурова.
 Тебя не можешь поглошить —
 Твой рокъ: и умирашь и живъ!

Но ты гдѣ, нѣжная Темира?
Гдѣ? — шамъ! — гдѣ шамъ? — безмолвна
лира!

Здѣсь прахъ; луши швоей вѣнемъ нѣшъ. —
Она мершва; — а прахъ живетъ.

Напрасно приближаюсь къ гробу,
Тебя желая воскресить;
И слезны перлы, хладну злобу
Бессильны, слабы умолишь —
О еслибъ гласъ судьбины гнѣвной
Распоргъ составъ мой, вѣкъ плачевной!
Съ воспоргомъ предъ тобой бы палъ,
И шонкій прахъ съ швоимъ смѣшалъ.

Александръ Клушкинъ.

Б А С Н Я.

Толоръ.

На берегу рѣки мужикъ дрова рубилъ,
Нечаянно, топоръ онъ вѣ воду уронилъ.
Прелюпой мучится крестьянинъ мой шо-
скою,

И воемъ надъ рѣкою.
Проспи топоръ, проспи дрова!

Куда пойдешь, о бѣдна голова?
Пришло мнѣ уповать топоръ съ шобою.
Но всякая болѣзнь имѣшь врачевство:

Какой ишо щасливой судбою
Простосердечнаго пришло спасти боже-
сиво.

Звесовой вѣщатель власши
Слѣпѣль Меркурій, всѣ напасши
Глаголомъ сладосинымъ въ крестьянинъ
пресѣкъ,
Сказавъ: я знаю дно глубокихъ самыхъ
рѣкъ,
Охонно для тебя туда спущуся
И съ топоромъ твоимъ онѣмѣлъ возвра-
щуся:
Не трудно божеству нещастнымъ помо-
гашь.

Не спалъ онъ болѣ опилагашь.
Въ рѣку . . . и вытащилъ сѣкиру непро-
спую,

Сѣкиру золотую.

Крестьянинъ говоришъ: не ту я попе-
рялъ.

А Богъ ему еще серебрену являлъ.
Мужикъ въ ошивѣшъ: хощь топоры богаты,

Однако не мои: своей ищу я трахы,
Желѣзу наконецъ сѣкиру Богъ явилъ.
Вошь мой шиноръ! бѣдняжка возошилъ.

Колико щедры Боги!

И у Меркурія цѣлуешь ноги.

За правду, Богъ сказалъ, возьми два шопора,

Которы сдѣланы изъ злата и серебра.

Лишь разнеслись въ соѣдствѣ эши
вѣсти,

Всѣ захочѣли равной чести,
И началъ всякъ шеряшь шиноръ
И жалобъ возсылашь на небо хоръ.

Меркурій къ нимъ спусшился:
И вытащилъ сперва шиноръ онъ золотой;
Всѣ закричали . . . мой!
Въ корыстолюбъ ихъ лишь шолько утвер-

дился

Меркурій, шиноромъ имъ далъ по шумаку,
И опустилъ шиноръ въ рѣку.

Д. X.

Конецъ второй части.

Особы подпісавшіся на сіє изданіє
въ Августъ мѣсяцъ.

Въ Санктп е р б у р гъ.

Его Высокоблагородіе Навелъ Ивановичъ Го-
ленищевъ - Кутузовъ.

— — Александръ Афонасьевичъ Рагозинъ.
— — Машвѣй Никиничъ Косининъ.
— — Иванъ Егоровичъ Сиаровъ.

Его Благородіе Михайло Васильевичъ Неклюдовъ.

— — Пётръ Васильевичъ Софоновъ.
— — Иванъ Федоровичъ Наумовъ.
— — Александръ Андреяновичъ Смоль-
яниновъ.

Неизвѣстной подъ лінерами Н. С. Т.

Г. Ипполитъ Масклешъ.

Василей Михаиловичъ Балашевъ.

Въ Москвѣ.

Его Высокоблагородіе Пётръ Александровичъ
Шуваловъ.

Въ Курскѣ.

Его Превосходительство Александръ Андрѣ-
вичъ Беклемешовъ.

Особы желающїя подпишаться на сїе сочиненїе, могутъ присылашь деньги въ типографію Крылова съ товарищи въ новой домѣ Его Высокопревозходишаельства Ивана Ивановича Бецкаго, что у лѣтняго саду. Платяшь за весь годъ на бѣлой по 6, на простой по 5 рублей. Желающїя получашь въ другихъ городахъ, платяшь два рубли дорожѣ пропиву здѣшнаго; деньги вносяшь къ г. Почтмейстерамъ, надписывая ихъ въ Сankшпетербургъ въ помянувшую типографію, съ обѣявленіемъ своего имени и мѣсца, куда оные досыпавляшь. Издашь ли увѣряюшь въ немедлѣнномъ отправлениѣ какъ вышедшихъ семи мѣсяцовъ, такъ и иосаѣдующихъ. Каждый мѣсяцъ особо продается безъ переплета на бѣлой 60 коп. на простой 50 коп. — Въ сей же типографіи продаюшься оперы: рѣдкая вещь 80 коп. Діянино древо 70 коп. Мелодрамма Пигмаліонъ 20 коп. Сельская лира 20 коп. всѣ въ бум. пер.

Въ сей же типографіи вышла новая книга подъ названіемъ *Любовитной домоводецъ*, или Собраніе разныхъ опытовъ и открытий относящихся къ хозяйствству городскому и деревенскому, и проч. продается 70 коп. въ бум. пер.
